

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 7

Донецк – 2019

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 7

Донецк – 2019

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Ответственный секретарь – к. филол. наук, доц. **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Федоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»), д-р филол. наук, проф. **А. Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **С. А. Кочетова** (ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»); д-р филол. наук, проф. **А. В. Петров** (ФГАОУ ВО «Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского», Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Петрова** (ФГАОУ ВО Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **И. А. Герасименко** (Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Executive Secretary – Candidate of Philology, Associate Prof. **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V. M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **A. L. Factorovitch** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation); Doctor of Philology, Prof. **S. A. Kochetova** (Horlivka Institute for Foreign Languages); Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L. A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **I. A. Gerasimenko** (Humanities and Pedagogics Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 8 от 27.09.2019 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019

Лексикология и стилистика

УДК 81'374.26(477.61)

Ю.П. Брайловская

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. В. Даля»

К ПРОБЛЕМЕ СОСТАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ «ГИДРОНИМЫ ЛУГАНЩИНЫ»

В статье рассматриваются особенности составления электронного словаря «Гидронимы Луганщины» с целью его использования студентами гуманитарных специальностей, а также дана классификация гидронимов Луганской области.

Ключевые слова: *электронный словарь, компьютерная лексикография, интернет-энциклопедия, гидроним, топонимика, ономастика.*

Современная лексикография существенно расширила и усилила свой инструментарий компьютерными технологиями создания и эксплуатации словарей. Это направление прикладной лингвистики получило название компьютерной лексикографии. Круг ее интересов формируют проблемы определения способов организации словарной статьи в компьютерных словарях, структуры таких словарей и технологий их создания. Компьютерная лексикография является дисциплиной переходного периода – от существовавшей в течение многих столетий традиционно ручной и рукописной лексикографической практики к новым безбумажным информационным технологиям. Она представлена совокупностью методов и программных средств обработки текстовой информации для создания словарей. [7, с. 45] Центральным объектом компьютерной лексикографии является компьютерный словарь, под которым понимается любое лексикографическое произведение на машинных носителях, снабженное программами автоматической обработки и наполнения [2, с. 36].

Появление электронных словарей вызвано объективными обстоятельствами: с их помощью можно решить проблему гибкого регулирования объема словаря, быстрого поиска необходимой информации в словаре, соответствия содержания словарных статей текущему моменту. По мнению В.П. Беркова, словарь XXI века должен обладать следующими чертами:

1. Колоссальность по своему объему.
2. Обеспечение поступенчатого извлечения информации в зависимости от потребностей пользователя.
3. Возможность словаря быть звуковым [6].

В. П. Селегей, директор по лингвистическим исследованиям компании АВВУУ, полагает, что электронный словарь – это особый лексикографический объект, в котором могут быть реализованы и введены в обращение многие продуктивные идеи, не востребованные по разным причинам в бумажных словарях [11].

Благодаря электронным банкам языковых данных современные словари включают богатый материал. Электронный формат позволяет вмещать в корпусе

большое количество информации. Словари в Интернете обладают способностью постоянно обновляться, а поисковые стратегии пользователя, работающего с электронными справочниками, отличаются большей креативностью по сравнению с возможностями, предоставляемыми печатными продуктами. [3, с. 5]

Электронные словари можно классифицировать по роду выполняемых задач (например, словари для формального определения рода и падежа существительного), по характеру лексических единиц, включенных в словарь (сюда относятся словари словоформ, состоящие из списка всех словоформ подъязыка, или словари основ, состоящие из списка основ и окончаний), по способу организации словарей (алфавитные, тезаурусы, где словарные единицы объединены в понятийные группы) [2].

В настоящее время существует довольно большое количество электронных словарей различной специализации, однако до сих пор не составлен электронный словарь гидронимов Луганщины.

Изучение гидронимов студентами-филологами, а также студентами гуманитарных специальностей на аудиторных и внеаудиторных занятиях позволяет не только углубить их знания по лингвистическим дисциплинам, но и расширить кругозор в области других научных дисциплин, сформировать языковую, лингвистическую, культуроведческую компетенции.

На территории Луганска и Луганской области исследованиями гидронимов занимались только в процессе исследования топонимов такие ученые, как Высоцкий В.И. «Исторические аспекты топонимов Луганщины», Шевцова В.А. «Топонімія Луганщини».

Водными ресурсами Луганская область обеспечена недостаточно. Здесь протекает приблизительно 120 рек длиной более 100 км. Главная водная артерия области – река Северский Донец, имеющая в границах области протяжённость 265 км. Основными ее притоками являются реки: Айдар, Деркул, Лугань, Большая Каменка. На карте Луганской области нет ни одного названия канала, колодца, источника, которые также необходимы, как моря и океаны.

Все названия гидронимов Луганщины мотивированы: одни сберегли в себе реальные признаки, которые характеризуют названные ими объекты, другие – определенные обстоятельства наименований, приобретенные в процессе существования. Степень реальности этих обстоятельств, как и признаков, можно проверить: река глубокая могла стать мелкой, широкая – узкой, что отразилось в наименованиях водных объектов (например Лугань+ суффикс чик – Луганчик).

Изучение названий гидронимов поможет выявить социолингвистические факторы, которые сформировали общие признаки их семантики в целом, будет содействовать достоверному установлению их системно-структурной интерпретации.

Методом подсчета гидронимов было выявлено, что в Луганской области отмечается следующее количество водных объектов:

- г. Алчевск – 8 прудов, 2 водохранилища, 3 реки;
- г. Кировск – 1 пруд, 1 река;
- Лутугинский район – 40 прудов, 9 водохранилищ, 5 рек;
- Ровеньковский район – 15 прудов, 1 водохранилище;
- Стахановский район – 1 пруд, 1 водохранилище, 3 реки;
- Антрацитовский район – 130 прудов, 5 водохранилищ,
- Краснодонский район – 25 прудов, 5 водохранилищ;
- Первомайский район – 7 прудов, 2 реки;
- Свердловский район – 82 пруда, 5 водохранилищ, 1 отстойник;

- г. Брянка – 6 прудов, 2 реки;
- г. Красный Луч – 19 прудов, 2 водохранилища, 9 рек;
- Перевальский район – 23 пруда, 1 водохранилище;
- Славяносербский район – 5 прудов, 1 озеро, 3 реки.

Таким образом на указанной территории прудов – 362, водохранилищ – 27, озер – 2, карьеров – 2, реки -22.

Анализ собранного материала показал, что наименования водных объектов Луганщины нуждаются в детальной систематизации. В ходе нашего исследования был составлен электронный словарь «Гидронимы Луганщины», в котором отображены его результаты.

Данный комплексный словарь, который состоит из 5 модулей (этимология, словообразование, акцентология, наименование), способен существенно помочь студентам-филологам и студентам других гуманитарных специальностей в различных формах учебной и внеаудиторной работы познакомиться с основами филологии, лингвистики, ономастики, языкознания. Словарь охватывает основной круг гидронимов Луганщины и содержит на данный момент около 50 наименований, часто используемых в филологической практике и отражающих специфику топонимов родного края.

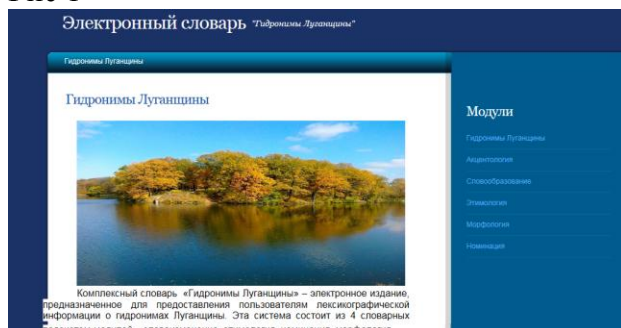
Знакомство с гидронимами позволяет студенту узнать много нового об истории родного края.

Представленный краткий комплексный словарь (этимология, словообразование, акцентология) рекомендуется использовать прежде всего при самостоятельной подготовке студентов к семинарским занятиям и работе над рефератами. Особенно полезным словарь будет при подготовке студентов к зачету/экзамену по современному русскому и украинскому языкам, региональной ономастике, лингвистике текста. В курсе, посвященном одному из разделов лексикологии – гидронимике, студенты узнают, какими водными объектами пользовались наши предки, как они их использовали, чем занимались, как осваивали землю, какие пути сообщения были у них, какая природа окружала их.

Словарь предназначен для студентов гуманитарных специальностей, а также для тех, кто проявляет интерес к этимологии языка, истории родного края.

Комплексный словарь «Гидронимы Луганщины» – электронное издание, предназначенное для предоставления пользователям лексикографической информации о гидронимах Луганщины. Как уже было сказано выше, в его структуру входит 5 словарных подсистем-модулей: словоизменение, этимология, номинация, морфология, картография (рис. 1).

Рис 1

Модуль «Номинация» - в данной вкладке находятся названия всех водных объектов Луганщины, которые расположены в Луганской области (рис. 2).

Рис 2

Номинация			
г. АНТРАЦИТ И АНТРАЦИТОВСКИЙ РАЙОН			
№ п/п	Название совета	Классификация и название водоема	Название водоема
1	Дьяковский с/с	Пруд "Галча"	Васильев р. Муш
2	Дьяковский с/с	Пруд "Новый май"	Валка р. Средней Тузова
3	Дьяковский с/с	Пруд "Ниниборок"	Васильев р. Муш

Модуль «Словообразование»: пользователь автоматически получает в реестре, выбрав в нем какое-либо слово, таблицу всех словоформ (рис. 3).

Рис. 3

Реки:

- Любимовка (РВ) - от имени Любовь (любимая дочь); словообразовательная цепочка (показаны производящие основы: люб - любим - любим-овк(а); суффиксальный способ образования существительного от основы прилагательного;

- Лутянич (Луг) от Лутянк (-чик- суффиксальный способ);

Модуль «Акцентология»: пользователь может узнать ударение для правильного произношения гидронима (рис. 4).

Рис. 4

<ul style="list-style-type: none"> • ДеревЕчка (приток Большой Каменки) • ДЕРкул (приток Северского Донца) • ДОляжк (река) • ДуваАнка (река)
<p>Е</p> <ul style="list-style-type: none"> • ЕвсуГ (река) • Ерик (приток Боровой)
<p>Ж</p> <ul style="list-style-type: none"> • ЖереБЕц (река)
<p>К</p> <ul style="list-style-type: none"> • КамышевАха (левый приток Лугани) • КамышевАха (правый приток Лугани) • Камышная (приток Полной) • КовсуГ • Козинка (нижний приток Белой) • Клячка (приток Северского Донца)

Модуль «Этимология»: пользователь автоматически получает сведения о происхождении названия водного объекта (рис. 5).

Рис 5

- пруд Березовский: местные жители связывают название с именем девушки, дочери крепостных, которые убежали от помещика, построили дом возле трех берез, у них родилась дочь, которая впоследствии умерла, когда родилась вторая дочь ее назвали Березкой (НВ);
- пруд Березовский: получил свое название от воды, которая как березовый сок прозрачная и зеленоватая. Вокруг пруда растут березы (РВ);
- пруд Харьковский: в народе получил название Утопленик. Существует легенда, что в глубине вод живет девушка, которая заманивает молодых юношей, где они тонут (РВ) [48, 22];
- колодец Оксанин: о мотивах наименования данного

Модуль «Морфология»: пользователь выбирает в реестре название какого-либо водного объекта, после чего получает таблицу изменения данного слова по падежам (рис. 6).

Рис 6

Данные словаря можно использовать для составления заданий для студентов гуманитарных специальностей в процессе изучения дисциплины «Русский язык», что даст возможность студентам углубить свои знания в области истории родного края, а также повысить свой культурный уровень.

Например, в процессе изучения синтаксической нормы по дисциплинам «Современный русский язык или «Русский язык и культура речи» можно составить задания творческого характера.

Упражнение 1.

Творческое изложение с продолжением

Задание 1. Прочитайте предложенный текст дважды.

2. Закончите предложение, в котором на месте пропущенного текста стоят квадратные скобки.

3. Закончите текст изложения своими размышлениями о поступке Оксаны, ее морально-нравственных качествах?

Колодец Белый

Мотива названия колодца не удалось установить, осталась лишь легенда, которая предлагает свой мотив. В 1707 году много наших земляков откликнулось на призыв Кондратия Булавина. Покинув свою любимую Кулину, Василий оседлал коня, взял саблю и ускакал в лагерь повстанцев- вольнолюбивых казаков. Каждый день выходила девушка на высокий холм, с тревогой и грустью смотрела вдаль. Заныло подстреленной чайкой сердце степной девушки. «Где ты, мой Василий, что с тобой?» - плакала и тосковала она в тот вечер, стоя на своем холме. Внезапно вдалеке увидела всадника, которого преследовали трое. Они часто налетали на беглеца, но он оказывался проворнее. Внезапно зашатался в седле Василий (а это был он), но не упал. Принес его конь уже без сознания к девушке. Подоспели сюда враги и остановились, приятно удивленные тем, что получают не только пленника, а еще и прекрасную девушку. В эту самую минуту выхватила Кулина из-за пояса Василия пистоль и метким выстрелом выбила одного из недругов из седла. Затем выхватила из слабеющей руки парня саблю и тигрицей кинулась на врага. Испугались они и ускакали в степь, но, когда нагнулась девушка над любимым, враг успел вонзить копьё ей в спину. В глазах Кулины поплыли красные круги. В эту минуту пришел в себя Василий и сухими устами прошепел: «Пить... пить...».

– Сейчас найду воды, сокол мой, – успокоила девушка. Однако на оголённом суховеями холме не увидела ни одного источника. «Нужно спуститься в долину и поискать воду там, а то ни самой, ни Василию не жить», – мелькнула мысль.

Перевязала Кулина любимому раны, теряя силы, положила через седло и повела коня вниз ...

Упражнение 2.

Творческое изложение с продолжением

Задание 1. Прочитайте предложенный текст дважды.

2. Закончите предложение, в котором на месте пропущенного текста стоят квадратные скобки.

3. Закончите текст изложения своими размышлениями. Верите ли вы в заговоры и привороты?

4. Дайте свое название тексту.

Колодец Оксанин

О мотивах наименования данного гидронима может рассказать легенда. Один юноша по имени Петр полюбил девушку Оксану, которая об этом не знала. Обратился он к гадалке, а та посоветовала: «Пойди в полночь к колодезю и заговори воду. Три ночи не приходи к колодезю, а на четвертый – иди, там будет твоя Оксана» [...]

В процессе изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» (раздел «Орография. Правописание непронизносимых согласных») можно предложить студентам следующие задания:

Упражнение 1

Выполните письменно упражнение, на месте пропусков вставляя нужную букву, объясните правописание орфограмм.

С выделенными словами составьте предложения.

Пруд Березовский

Мес...ные жители связывают название с именем девушки, дочери крепос...ных, которые убежали от помещика, построили дом возле трех берез. У них родилась дочь, которая впоследствии умерла. Когда р...дилась вторая дочка, ее назвали Березкою.

Работа с гидронимами родного края может проходить не только во время аудиторной работы, но также и во внеаудиторной.

Использование словаря «Гидронимы Луганщины» позволит лучше изучить историю родного края, кроме того преподавателем должны быть поставлены следующие цели: изучение программы, углубление знаний по темам топонимов, знакомство с методом и приемами исследования, выработка умений и навыков анализа гидронимичного материала на лексическом, морфологическом, словообразовательном и организационном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берков В.П. Двухязычная лексикография / В.П. Берков – СПб.: СПУ, 1996. - 248 стр.
2. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии / А.С. Герд – Л.: ЛГУ, 1986. -72 с.
3. Иванов В.И. «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края» / В.И. Иванов. – 1898 . - с. 349
4. Кашеварова И. С. Электронный словарь как новый этап в развитии лексикографии // Молодой ученый. — 2010. — №10. — С. 145-147.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская – 1978.- 200 с.
6. Тузлукова В.И. Типология педагогических лексикографических источников в международной педагогической лексикографии // Сборник трудов Второй Международной научно-практической конференции "Международная педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высшей школе"(25-26 августа 2001 года). - 78 с.

7. Шевцова В.А. Топонімія Луганщини: Матеріали до спецкурсу / В.А. Шевцова – Луганськ, 2000. - с. 74.

Ju. P. B. Brajlovskaya

TO THE PROBLEM OF COMPILING THE ELECTRONIC DICTIONARY «HYDRONYMS OF THE LUHANSK REGION»

The article discusses the features of the compilation of the electronic dictionary “Hydronyms of the Luhansk region” for the purpose of its use by students of humanitarian specialties, as well as the classification of hydronyms of the Luhansk region.

Key words: *electronic dictionary, computer lexicography, hydronym, toponym, onomastic.*

УДК 827

Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ МЕМОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются наиболее регулярные жанры в структуре комических интернет-жанров – интернет-мемы. Определяются их специфические черты, разновидности, степень влияния на реципиентов.

Ключевые слова: *интернет-коммуникация, креолизованный текст, интернет-жанр, мем.*

С развитием новых социальных сетей область функционирования интернет-дискурса распространяется почти на все интернет-ресурсы. Интернет превратился в уникальную информационно-коммуникативную среду, которая предоставляет неограниченные возможности своим пользователям, создавая уникальную виртуальную действительность. Подавляющее большинство интернет-связей сегодня актуализируется через текстовые формы общения. Одной из них являются так называемые креолизованные тексты (мемы, демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы и проч.), т. е. «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [3, с. 180–181].

Причиной популярности креолизованных текстов является их развлекательно-юмористический характер. Благодаря иллюстративно-визуальному ряду обеспечивается восприятие текста. Появление подобного рода текстов в интернет-дискурсе обуславливается общими тенденциями интернет-коммуникации: сжатость текста (для экономии времени), наличие feedback (обратной связи, т. е. возможности дальнейшего распространения понравившегося текста, цитаты), оценочность (возможность выразить свое отношение к тексту в категориях нравится / не нравится / репост), объединение текста и изображения.

Креолизованный текст представляет сложное образование, в котором объединяются и синтезируются вербальные и невербальные элементы, которые

образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, целью которого является комплексное воздействие на адресата.

Процесс восприятия креолизованного текста можно представить в виде двойного декодирования: когда мы извлекаем скрытую (имплицитную) информацию изображения и накладываем её на вербальный концепт текста – все это приводит к созданию единого смысла креолизованного текста. Глобализация сети Интернет обеспечивает постоянное расширение круга коммуникантов, тем и гипертекстуальности, что способствует активному функционированию подобных текстов в Интернете.

Языковая игра является одной из основных форм коммуникации в сети Интернет, причём она формирует особое виртуальное пространство со своими характерными качествами: обособленностью от времени и пространства, эмоциональностью (как правило, позитивной), свободой самовыражения и т.д. Игровой компонент служит реализации творческих целей, которые предполагают эксперименты над языком, выводят его за рамки общепринятых норм и канонов.

Исследователи, занимающиеся проблемой стереотипных форм интернет-общения, пытаются зафиксировать существование определенных устойчивых способов организации информационных и коммуникационных потоков, а также выделить наиболее воспроизводимые из них. Эти особенности и являются жанрами. Проблема жанра интернет-коммуникации представляется чрезвычайно сложной и многоаспектной, т.к. сам Интернет являет собой до конца не изученное коммуникативное пространство, которое оказывает влияние и на саму коммуникацию, и на ее жанровую организацию.

Наиболее регулярны в структуре комических интернет-жанров – интернет-мемы. Мем (медиавирус) – это идея, мысль или концепция, которая может быть передана от человека к человеку вербально, невербально, через Интернет и т.д.; это может быть что угодно: запоминающаяся мелодия, которую мы невольно воспринимаем и напеваем, цитата из фильма или рекламы, образ популярного певца или актера и т.д. Термин происходит от греческого слова *μίμημα* ('подобие'). Это является основным свойством мема – способность к репликации, то есть к образованию собственных копий. Понятие «мем» было введено Р. Докинзом, который впервые предложил концепцию репликатора в приложении к социокультурным процессам: «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [2, с. 189].

Обычно мемы зарождаются в различного рода интернет-сообществах (социальные сети, чаты, блоги, форумы и т.д.). Мемы являются неотъемлемой частью современных социальных сетей, т.к. передают только самое интересное, наиболее запоминающееся, самое полезное, отражают культурные стереотипы и явления современной действительности, которые актуальны и интересны для интернет-пользователей. Интернет-пользователь должен иметь определенные фоновые знания, чтобы быть в состоянии интерпретировать содержание мема, а это обеспечивает его включенность в культурный контекст. Таким образом, адресат может эксплицировать скрытую имплицитную информацию культурных коннотаций мема для достижения необходимого комического эффекта. Анонимность создателей мемов обеспечивает их широкое распространение и активизирует творческий потенциал пользователей, т.к. нивелируются любые ограничения: социальные, культурные, идеологические. Авторы

анонимных мемов не боятся быть непонятыми и раскритикованными, это способствует творческой самореализации пользователей Интернета. В интернет-среде активно функционируют следующие виды интернет-мемов:

1) текстовые мемы – это распространённая фраза, слово или текстовый фрагмент (*узбагойся; тот момент, когда; то неловкое чувство, когда; а вы тоже; нельзя просто так взять и*). Источником для подобного рода мемов служит фраза известных людей или обычных пользователей. Например, слово *узбагойся* изначально было использовано в качестве подписи к изображению лемура на сайте Рікабу, где с его помощью автор поста на *rikabu* успокаивал свою девушку. Изображение понравилось пользователям и вскоре распространилось на другие социальные сети. Со временем фразу стали употреблять вне соотнесенности с картинкой, а также появились различные трансформации этой фразы (*збагойствие только збагойствие, прими узбагойтельное и т.д.*).

2) мем-изображение – мем может быть представлен как собственно изображением, так и различными графическими переработками визуальной части (*Gruppu Cat «Сердитый кот», шоколад «Арменка» и проч.*) (Рисунок 1,2).

3) видеомем – комический видеоролик, особенность которого заключается в возможности неоднократного воспроизведения, а узнаваемость видеомема служит основой для его дальнейшего использования (*«Очки надо?» - видео с китайцем, торгующим веселыми безделушками*).

Рисунок 1

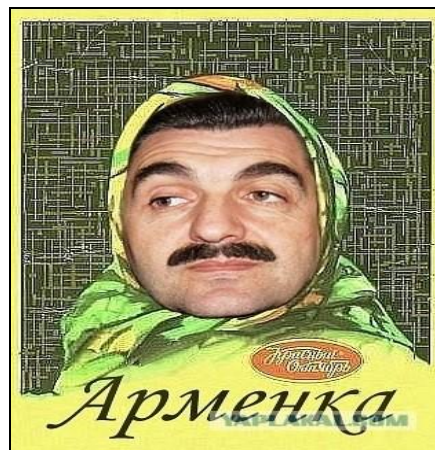

Рисунок 2

4) креолизованный мем – семиотически осложнённый текст с элементами других знаковых систем, образующих единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое (*Филологическая Дева, Типичные родители, Злая училка*) [4, с.161–173] (Рисунок 3).

Рисунок 3

Популярной разновидностью мемов в Сети являются эдвайсы. Некоторые исследователи приравнивают мемы и эдвайсы, однако последние имеют свои характерные особенности. Эдвайсы (от англ. advice – совет) изначально представляли собой советы пользователей в виде картинкой с подписями над и под изображением. Со временем они модифицировались сначала в предложение, разбиваемое картинкой, затем в два предложения, при прочтении которых комическая реакция достигается за счет эффекта обманутого ожидания. Как правило, герои эдвайсов – собирательный образ людей определенной профессии (*Филологическая дева*), животные (*Философрантор*, *Кот-философ*). В эдвайсах фоновая часть и изображение остаются неизменными, меняется только надпись (Рисунок 4,5).

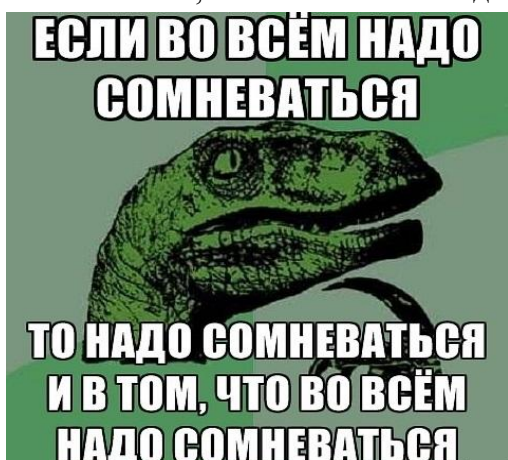

Рисунок 4

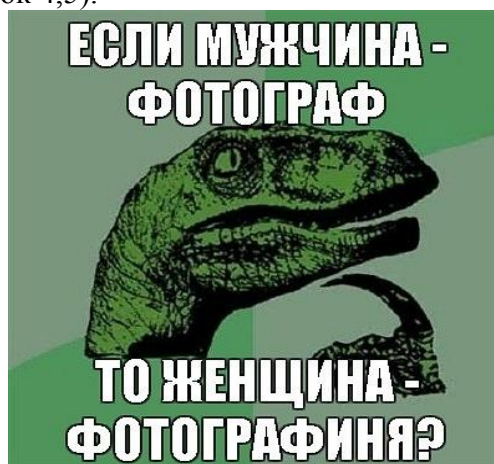

Рисунок 5

Источником для мемов-эдвайсов становятся фразы известных людей, персонажей или обычных пользователей социальных сетей. Для достижения комизма необходимо соблюдение условия узнаваемости соответствующих прецедентных феноменов. Примечательно, что многие персонажи мемов-эдвайсов становятся самостоятельными персонажами, выходят за пределы интернет-среды и распространяются в бытовом общении, при этом сохраняя целевую направленность, кроме того, персонажи мемов или цитаты могут также использоваться при создании таких жанров интернет-дискурса, как демотиваторы, комиксы, карикатуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е. И. Горошко // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6. – С. 11–27.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз – М.: Мир, 1993. – 318 с.
3. Сонин А. Г. Комикс: психолингвистический анализ / А. Г. Сонин – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1999. – 111 с.
4. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161–173.

N.V. Gladkaya

TO THE QUESTION ABOUT THE GENRE NATURE OF MEMS ON INTERNET COMMUNICATION

The article is devoted to the consideration of the basic functions and the most common mechanisms for creating a creolized text, as well as the genre features of memes in Internet communication.

Keywords: *internet communication, creole text, internet genre, meme*

УДК 372.881.161.1

В.П. Гордиенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье обосновываются проблемы и задачи преподавания русского языка и культуры речи в неязыковом педагогическом вузе и предлагаются способы решения этих проблем. В качестве главной задачи ставится необходимость формирования этнокультуроведческой компетенции бакалавров, которая рассматривается как понимание связи истории языка и истории народа и реализуется с помощью исторического подхода к изучению лингвистических дисциплин. Определяются специфика и механизмы формирования этнокультуроведческой компетенции.

Ключевые слова: *компетентный подход; буква; историко-лингвистическое комментирование, этнокультуроведческая компетенция.*

Современный педагог дошкольного, начального, специального дефектологического образования, а также педагог-психолог должен уметь понятно говорить, грамотно писать, чётко выражать свои мысли, быть готовым успешно решать задачи, поставленные перед системой образования Донецкой Народной Республики.

С 2016 года система образования Донецкой Народной Республики работает по новым Государственным образовательным стандартам. Известно, что именно образование формирует сознание, корректирует личность благодаря

компетентностному подходу. Основными компетенциями современного специалиста-педагога являются общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные.

Общекультурные компетенции характеризуются способностью использовать основы философских и социогуманитарных знаний для формирования научного мировоззрения (ОК-1); способностью анализировать основные этапы и закономерности исторического развития для формирования патриотизма и гражданской позиции (ОК-2) (Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 44.03.05 "Педагогическое образование").

Наша Республика благодаря своему географическому положению и специфике исторического развития, а также благодаря новому государственному статусу встала перед необходимостью интеграции систем образования Донецкой Народной Республики и Российской Федерации. И этот процесс уже успешно развивается. Однако действует также Гуманитарная программа по привлечению в образовательные учреждения Донецкой Народной Республики жителей временно подконтрольной Украине территории. Поэтому важное значение приобретает формирование у обучающейся молодёжи **этнокультуроведческой компетенции**, объединяющей два родственных народа.

Особая ответственность за формирование этой компетенции лежит на учителях, как работающих в учреждениях образования, так и готовящих себя к педагогической деятельности в школах Республики.

Компетентностный подход следует рассматривать как метод прогнозирования результатов образования и воспитания, поскольку компетенция – это способность применять знания, умения и личностные качества в профессиональной деятельности и в жизненной практике.

Большие возможности в формировании этнокультуроведческой компетенции имеют все предметы филологического цикла, изучаемые в вузе, и, в первую очередь, русский язык. Будучи хранителем и составной частью духовной культуры русского народа, русский язык является необходимым условием сохранения единства русского этноса.

Полноценное изучение русского языка в нашей республике возобновилось совсем недавно. Поэтому у студентов, особенно обучающихся заочно, ещё не сформировался прочный фундамент знаний, умений и навыков грамотного и уверенного использования русского языка во всех сферах деятельности. Приходится сталкиваться с тем, что некоторые студенты путают русские и украинские буквы, не знают названий частей речи, падежей на русском языке, очень мало читают. При этом нельзя сказать, что у них нет желания изучать русский язык.

А это значит, что основная задача преподавателя-словесника – усилить практическую направленность преподавания, пересмотреть арсенал форм и методов обучения с точки зрения выбора и применения наиболее эффективных, учитывать сложившуюся языковую ситуацию в обществе. А ситуация такова, что за три десятилетия непрерывного ослабления позиций русского языка на территории Донбасса, который традиционно был в основном русскоязычным регионом, эти позиции активно занимались другими языками, и не только близкородственным украинским.

Несмотря на то, что русский язык обладает развитой системой стилей, упорядоченной грамматической структурой и богатейшим словарным запасом исконно русской лексики, в последние десятилетия невообразимыми темпами идёт процесс активного заимствования русским языком англоязычной лексики, что не может не тревожить: чем больше иноязычных слов «прибывает», тем меньше остаётся русских

слов. В итоге русский язык продолжает сужаться подобно шагреновой коже.

Особенно распространены иноязычные термины: экономические, политические, искусствоведческие и даже лингвистические: синквейн, интерфикс, коммуникация, рефлексия, деривация, концепт, даймонд, сингармонизм, парадигма, модуль, коуч, спойлер, брэкзит, инаугурация, спичрайтер, саундтрек, реалити-шоу, поп-арт, мерчендайзер, спонсор, прайс-лист, стайлинг, селфи, смузи, интерфейс, геймер, айтишник, лайкнуть, забанить, репост и другие, которые в качестве равноправных слов чаще, чем русизмы, встречаются в публикациях, звучат с экранов телевидения.

Англоязычная лексика или так называемые американизмы всё чаще звучат и в бытовой речи. Для молодого поколения такая лексика привычна и понятна. По последним статистическим данным англоязычная лексика составляет более 10% в современном русском языке (А.И. Дьяков, с.35-43). Можно констатировать, что возник параллельный, так называемый «чатский» язык, которым активно пользуется молодёжь. Уже созданы словари с переводом сленговых слов на литературный язык; это стало необходимостью, так как разные поколения стали плохо друг друга понимать. Русский литературный язык стал настолько грязным, так переполнился словесным мусором, что ему всё труднее справляться со своими прямыми обязанностями – быть средством мышления и средством общения.

Для овладения русским языком как национальным феноменом необходимо осуществлять исторический подход к его преподаванию, отражать не только синхронические, но и диахронические языковые процессы. Студенты должны осмысливать факты современного русского языка с опорой на его историю. Задача преподавателя – сформировать у студентов положительное отношение и внутреннюю готовность к применению данных истории русского языка в будущей педагогической деятельности.

Выбирая содержание и методику преподавания русского языка, надо учитывать будущую профессию студентов, помнить, что они не будущие филологи, а педагоги начального образования, поэтому их не следует перегружать сверхсложными научными тонкостями лингвистики. Для повышения интереса к предмету целесообразны следующие подходы:

1. Изучение лексических норм осуществлять в аспекте лексико-грамматической сочетаемости, больше внимания уделять редактированию литературных текстов, а не отдельных слов и словосочетаний. Рассматривать не только примеры нормативного характера, но и отступления от языковой нормы для создания ситуации поиска ошибки и верного решения.

2. Обращаться к истории языка, заинтересовать этимологией слов и устойчивых словосочетаний, проводить параллели с иностранными языками.

3. Уделять должное внимание организации самостоятельной работы студентов, предполагающей подготовку информационных сообщений с обязательным выступлением на семинаре или конференции. Темами выступлений могут быть:

- происхождение, значение и употребление крылатых слов и выражений из мифологии, художественных текстов, Библии;
- анализ текстов современных авторов, посвящённым вопросам развития языка и речевой культуры, различным языковым теориям;
- монологическое высказывание о выборе профессии и её значимости;
- с целью формирования интереса к чтению художественной литературы подготовка выступлений с отзывом или рецензией на небольшие литературные произведения отечественных авторов-классиков, а также донецких писателей.

4. Очень важная задача при преподавании русского языка – установление межпредметных связей между русским, древнерусским, украинским и другими славянскими языками, формирование умения комментировать факты современного русского языка, опираясь на его историю; использование исторического языкового материала и повышение тем самым научного уровня преподавания. Такой аспект преподавания будет способствовать усвоению студентами нравственных ценностей через язык и культуру славянских народов, через их духовное богатство.

5. Преподавание родного языка должно формировать этнокультуроведческую компетенцию, которая для бакалавра, педагога начального, дошкольного и специального дефектологического образования является одновременно и ключевой, и профессиональной, и специальной. Она предполагает осознание того, что язык – это не только средство познания и общения, но и форма социальной памяти, культурный код нации, развитое умение видеть культурный фон, стоящий за каждой языковой единицей, умение находить в разных текстах национально и регионально значимые лексемы и понимать их роль в тексте (Е.А. Быстрова, с. 36-40).

Для повышения познавательного и научного интереса обучающихся к изучению русского языка допустимо привлекать не только общепринятые и доказанные исторические и филологические факты, но и пока не признанные официальной наукой гипотезы по истории языка, не описанные в учебниках.

Знакомство с Азбукой-Буквицей – неиссякаемым источником мудрости, в котором заложено всё мироздание Древних Руссов, может послужить особенно интересным и полезным средством доказательства духовного единства русских, украинцев и белорусов. Этой азбукой, состоявшей из 49 букв-символов, пользовались древние руссы в дохристианскую эпоху Руси. Каждая буква имела своё название и образ. Сочетания букв-образов в разном порядке дают развёрнутые образы-суждения, которые принято считать закодированными посланиями-заветами наших предков. Например: «Смысл бытия в творении своей судьбы с целью самосовершенствования, достигающего своего предела в равновесии Духа и Души во время их движения в круге Абсолюта»; «Добрые деяния в потоке, снисходящем от Творца, дают осознание зрелости Человеческой Души, укрепляют и ведут к просветлению, единению Души и Духа» и др.

Святорусская Буквица – самое распространенное письмо среди славянских народов древности («пракириллица» или «руны Рода» по В. Чудинову). Оно использовалось и жрецами, и при заключении важных межродовых и междержавных договоров. Одной из форм святорусской Буквицы являлось известное нам полуруническое письмо, которым была написана «Велесова книга» — «влесовица».

Формой Буквицы являлось и письмо «словени», в котором, как и в санскрите, использовались еще словесные структуры «тха», «бха» и т.д. Но «словени» был слишком громоздкой системой письма для повседневного общения, поэтому впоследствии появилась упрощенная форма «словени» — древлесловенская Буквица, состоящая из 49 знаков-образов, где запись передавала не только графему составляемого слова, но и его образный смысл. Примеры написания: А-азь (Бог, живущий на земле, есть Творец). Б - Боги (многообразный Божественный смысл). В-вѣди (мудрость на земле и небесах ведаю).

Появившаяся в IX в. «кириллица» была специально создана на основе Буквицы с использованием македонского диалекта древнеболгарского языка для нужд христианской церкви как язык книжно-литературный (старославянский).

Впоследствии под влиянием живой речи он постепенно впитывал местные языковые особенности. Эти позднейшие региональные разновидности принято называть церковнославянским языком болгарской, сербской, русской и т.д. редакцией или изводом.

Таким образом, можно предположить, чем, по мнению славистов, являлись старославянский и церковнославянский языки и где, когда и в каких кругах они были в употреблении. Древнерусский язык (светский упрощенный вариант Буквицы) дожил до петровской языковой реформы.

Несмотря на археологические данные и другие подтверждения наличия письменности у древних славян, повсеместно продолжает навязываться мнение, что славяне были отсталым народом и письменности не имели. Однако ещё в XVIII веке на открытии Российской Академии Наук Екатерина II сказала загадочные слова: «Славяне за многие тысячи лет до Рождества Христова свои письменности имели» (Славянский информационный портал).

Именно письменности, а не письмо, т.е. разные виды письма. Просвещённая, образованная царица изучала работы М. Ломоносова, В.Татищева, Е. Классена, которые научно аргументировали наличие письменности у славян-язычников. Но подобные взгляды до сих пор имеют статус неподтверждённых гипотез в официальной науке, которая признаёт лишь «черты и резы» и отвергает кириллицу, глаголицу, руницу, влесовицу и другие виды дохристианской письменности восточных славян.

Русская православная церковь изначально знала о том, что у славян есть своя собственная письменность (в церковно-историческом словаре за 1889 г. четко говорится по этому поводу: «Россы, варяжское племя, жили в южной России; с Византией то вели дела торговые, то воевали. От них заимствовал буквы Св. Кирилл»), но предпочитала особо не афишировать свои знания. Это политика, которая во все времена считалась нечистым видом деятельности. Именно она виной тому, что самому большому по численности этносу Европы уже какое столетие отказывают в самобытности: кто и как угодно, но только не славяне (особенно восточные) [8]

О существовании письменности у славян свидетельствует ряд общеизвестных источников иностранных авторов. – болгарских, арабских, немецких, казахских и, конечно, русских. Например, в книгах Валерия Алексеевича Чудинова (30 июня 1942, Москва, доктор философских наук, профессор, директор Института древнеславянской и древнеевразийской цивилизации общественной организации «РАЕН») представлен ошеломляющий свод фактов древнерусской письменности. В них рассекречивается всё то, что замалчивалось так долго. Прочитанные учёным надписи, оставленные нашими предками на предметах домашнего обихода, украшениях, предметах языческого и христианского культов, берестяных грамотах позволяют увидеть истинное лицо истории руссов, славянской цивилизации, Евразии и всего человечества.

Святой Кирилл не создавал русским азбуку. Придя на Русь, он обнаружил несколько систем письменности, существовавших за тысячелетия до него. Одну из них он изучил, слегка модифицировал, канонизировал и освятил.

Затем святые братья Кирилл и Мефодий убедили весь христианский мир, что русский язык — священный. Что подобает совершать богослужения на нем и записывать им канонические тексты. Благодаря этому Россия смогла, со временем, сделаться тем же самым, чем была Византийская империя (В.А. Чудинов).

Множество древних надписей, прочитанные В.А. Чудиновым, это малая толика того богатства, которое издано археологами (но не востребовано почему-то историками в качестве доказательной базы), но и эти примеры позволяют видеть, что

письмо не просто существовало, но пронизывало все слои русского общества. Важен вывод, который делает ученый, что возраст славянской письменности, судя по обнаруженным образцам, превышает сотни тысяч лет (В.А. Чудинов).

Кирилл и Мефодий были не создателями русской азбуки, а первыми «реформаторами» нашего праязыка: они убрали из Старославянской Азбуки 5 букв, а 4 буквы переименовали в греческие названия. Ярослав Мудрый сократил Азбуку ещё на одну букву. Пётр 1 убрал из Азбуки сразу 7 букв. Николай II – 3 буквы. А в 1918 году в рамках очередной реформы языка под руководством А.В. Луначарского были уничтожены образы букв, язык стал чисто фонетическим.

Рис.1. Азбука-Буквица и современный русский алфавит.

В Азбуке-Буквице было 19 гласных, которые гласили, т.е. сообщали какой-то образ. Их между собой согласовывали согласные, создавая сложный образ. В современной русской азбуке осталось 10 из 19 гласных, т.е. язык и образность обрезаны вдвое. Лишение образности языка в дальнейшем позволило вкладывать в слова иной смысл, производить подмену понятий и оказывать пагубное влияние на развитие нации.

Автор «Славяно-русского корнеслова» (первого этимологического словаря)

А.С. Шишков говорил: «Хочешь уничтожить народ, истреби его язык» (А.С.Шишков).

Ещё одной непризнанной пока гипотезой является утверждение президента Института Квантовой Генетики Гаряева П.П. о том, что живая человеческая ДНК может быть изменена и перестроена с помощью произносимых слов и фраз. Результаты проведенного им лингвистического эксперимента по воздействию звуковых колебаний и слов на человеческую ДНК показали, что в нашей ДНК информация хранится так же, как в компьютере. Всё это подтверждает существующее мнение о пагубном влиянии на человека не только слов и звуков, несущих негативную энергетику, но и слов и звуков, заимствованных из чужеродных наречий и употребляемых в составе родного языка.

Для мотивации студентов на этнокультуроведческую направленность изучения родного языка целесообразно ознакомить их с концепцией филологического образования, в основе которой лежат идеи ведущей роли филологического образования в процессах формирования и воспитания личности, её приобщения к духовному опыту предшествующих поколений.

Аналогично значение филологии оценивал и Д.С. Лихачёв: «Филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры» (Д.С. Лихачёв, с. 59).

В рамках реализации интеллектуально-познавательного компонента этнокультуроведческой компетенции студенты должны осмыслить то, что переориентация современного образования «знаниевой» парадигмы на компетентностную и культуросообразную требует обращения к историческому прошлому языка (Н.Ю. Штрекер, с. 1-13) в форме исторического комментирования.

При отборе материала для исторического комментирования главное внимание должно уделяться его практической направленности. Так, при анализе конкретной темы, статьи, упражнения от преподавателя требуется осмысление следующих вопросов: с какими историческими явлениями в развитии языка связана тема? какие конкретные исторические экскурсы можно и нужно включить в занятие? какие положения и выводы рекомендовать для запоминания?

Использование историко-лингвистического комментирования является не только одним из средств повышения грамотности студентов, но и способствует мотивации и активизации их умственной деятельности, поддерживает интерес к изучению русского языка.

Сформировать полноценную языковую личность можно, лишь овладев русской языковой картиной мира. Содержание понятия «языковая личность», как справедливо отмечает Ю.Н. Караулов, «переплетается с этнокультурными и национальными чертами индивидуальности, а все национальное является историческим».

Данный подход и от студентов потребует большей активности в образовательном процессе. Количество лекционных занятий сокращается, практических – увеличивается. Значительную долю теоретического материала студентам приходится осваивать самостоятельно. В этом случае в качестве отчета о проделанной самостоятельной работе к перечисленным выше формам можно добавить: составление обобщающих таблиц по отдельным темам (например, сопоставительная таблица азбук кириллицы и глаголицы); составление терминологического словаря по специальности; определение понятий «праиндоевропейский язык-основа», «праславянский язык», «восточнославянский язык», «старославянский язык», «церковнославянский язык», «историческая эпоха в развитии русского языка» при изучении темы «Происхождение русского языка»

Работа по формированию этнокультуроведческой компетенции в целом направлена на формирование личности будущего педагога, способствует воспитанию гражданственности, патриотизма и национального самосознания участников образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 44.03.05 "Педагогическое образование" (с двумя профилями подготовки) (квалификация "академический бакалавр", "прикладной бакалавр"). Утверждено Приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики №422 от 20.04.2016 г.

2. Быстрова Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках // Москва: Портал «О литературе», LITERARY.RU. Дата обновления: 13 марта 2008. URL:

<http://literari.ru/literari.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1205414266&archive=1206184753>

3. Горяев П.П. Код Бога. Лингвистико-волновой геном [Электронный ресурс] / Горяев П.П. Книги онлайн. – Режим доступа: <http://www.koob.pro/garyayev/>
4. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. // Язык и культура. - Новосибирск, 2003. - С. 35-43
5. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.
6. Лингвистико-волновая генетика Петр Горяев [Электронный ресурс] / Достояние планеты. – Режим доступа: <http://dostoyanieplaneti.ru/4953-ingvistiko-volnovaya-genetika-jotr-garyayev> - Заголовок с экрана
7. Лихачев Д.С. Письма о добром. СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1999. С.59
8. Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели [Электронный ресурс] /Славянский информационный портал. – Режим доступа: <http://slawa.su/yazyk/2441-slavyane-zadolgo-do-rozhdestva-khristova-pismo-imeli.html> – Заголовок с экрана
9. Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. Сборник статей ученых XIX-XX вв. и нынешнего времени с комментариями автора. [Электронный ресурс] / Чудинов В.А. Книги онлайн. – Режим доступа: http://www.koob.ru/chudinov_v_a/
10. Шишков А.С. Славяно-русский корнеслов [Электронный ресурс] / Тайны русского языка. – Режим доступа: <http://tauny-yazyka.ru/index.php?id=1429>
11. Штрекер Н.Ю. Формирование этнокультуроведческой компетенции в процессе изучения лингвистических дисциплин // Культурологический журнал. 2013. № 1. С. 1-13.

V.P. Gordienko

FEATURES OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN A NON-LINGUISTIC PEDAGOGICAL UNIVERSITY

The article substantiates the problems and tasks of teaching the Russian language and the culture of speech in a non-language pedagogical university and suggests ways to solve these problems. The main task is the need to form the ethnocultural competence of bachelors, which is seen as an understanding of the relationship between the history of language and the history of the people and is implemented through a historical approach to the study of linguistic disciplines. The specificity and mechanisms of formation of ethnocultural competence are determined.

Key words: competence approach; ethnocultural competence; initial letter; historical linguistic commenting.

К ВОПРОСУ О БАЗОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена уточнению базовой терминологии лингворегиеоноведения при описании региональных особенностей речи, продуцируемой региональной языковой личностью донецкого студента.

Ключевые слова: лингворегиеоноведение, региолект, регионализм, студент, региональная языковая личность, региональное языковое сознание, региональная языковая картина мира.

Известно, что русский национальный язык неоднороден. Он «представляет собой совокупность идиомов, образующих цельную систему, скреплённую единым национальным стандартом – русским литературным языком» [5, с. 8]. Во многих регионах России активно разрабатывается новое научно обоснованное направление в гуманитарном секторе – лингворегиеоноведение, «которое рассматривается современными филологами и лингвометодистами в качестве реального пути изучения и преподавания родного языка через призму культуры» [24, с. 8], культуры малой родины, родного края. Лингворегиеоноведение определяется как раздел науки о языке, целью которого является изучение языковой ситуации конкретного региона, «отмеченного лингвокультурной спецификой» [16, с. 3]. Лингворегиеоноведение – это комплексная наука, возникшая на стыке диалектологии, социолингвистики, лингвокультурологии и других смежных наук. Лингворегиеоноведение призвано способствовать развитию интереса к региональному языковому пространству с особенностями его фонетической, грамматической, лексической, фразеологической, онимной сфер, а также к субъекту, который является продуцентом и хранителем тех речевых особенностей, благодаря которым узнается «свой» среди «чужих» и «чужой» среди своих.

Основной объект исследования лингворегиеоноведения – это живая речь жителей определенного региона (в нашем случае – Донбасса), это язык региона, или региолект (донецкий региолект). И здесь следует согласиться с учёным из Белгорода Т.Ф. Новиковой: «Язык – орудие и способ сохранения культуры, он сам по сути своей результат и факт культуры, следовательно, региональное своеобразие языка – всегда отражение своеобразия истории и культуры края» [17, с. 6].

Четкое указание на то, что отличительные черты русского языка в Донбассе имеют не диалектную, а региолектную природу, отражены в статье В.И. Теркулова в коллективной монографии «Донецкий региолект», в частности, он пишет: «Регионально маркированная речь города достаточно долго не выделялась из диалектной речи: учёные попросту считали её особой формой диалекта. <...> С такой трактовкой сложно согласиться хотя бы потому, что, как отмечают исследователи региональной речи, диалект и региолект являются не взаимопроникающими, а сменяющимися друг друга явлениями...<...>» [5, с. 12]. Однако, на наш взгляд, стоит обратить внимание в том числе и на связь подобных лингвистических явлений с носителем и продуцентом региолекта – региональной языковой личностью, занимающей ведущее место в новой парадигме исследований современного языкознания.

В настоящее время не только социолингвистика, но лингворегионоведение тесно работает со свойствами языка и речевого поведения достаточно четко очерченных групп его населения, выделяемых по общности рода занятий, уровню образования, по половозрастным рамкам и по совокупности прочих характеристик, только не на общенациональном, а на региональном уровне. Одной из активных групп социума того или иного региона является студенчество. **Студент** как личность, имеющая определенный социальный статус, характеризующаяся конкретными возрастными рамками, культурным воспитанием и ментальностью, представляет собой, на наш взгляд, особое поле для изучения региолекта Донбасса. Поскольку ментальность является глубинным основанием культуры, то изучение молодежного социолекта в рамках региолекта является необходимым не только с точки зрения лингвистики, но и с точки зрения социологии, социальной психологии и культурологии. Таким образом, для начала работы над подобной проблемой необходимо осуществить поиск и ознакомление с необходимой терминологической базой.

Студенчество как феномен всегда составляло научный интерес для исследований в таких отраслях, как социология, психология, экономика, а также лингвистика. И.А. Зимняя характеризует студенчество как особую социальную категорию, специфическую общность людей, организационно объединенных институтом высшего образования. По ее определению, студенчество включает людей, целенаправленно, систематически овладевающих знаниями и профессиональными умениями, отличающихся наиболее высоким образовательным уровнем, наиболее активным потреблением культуры и высоким уровнем познавательной мотивации [9, с. 84]. Б.Г. Ананьев указывает на то, что именно в студенческий период формируется личность человека и устанавливается его профессионализация. М.Р. Шелховская рассматривает студенчество как социально-профессиональную группу, функционирующую в рамках корпоративной культуры вуза, так как, с одной стороны, оно объединено общими социальными, культурными связями, являясь частью социума, осуществляет в повседневной жизни непосредственные коммуникативные контакты при помощи одного языка, функционирующем в данном социуме, а с другой – уже начинает приобретать характерные черты профессиональной группы: выбор студентами специальности для изучения в вузе предопределяет их будущую профессию [24, с. 3]. В.А. Луков утверждает, что период студенчества не должен быть оставлен без внимания, поскольку «студенты играют роль индикатора процессов преемственности и смены поколений. Процессов как положительных, так и отрицательных» [14].

Современный студент это учащийся высшего и среднего специального учебного заведения, который характеризуется активным стремлением к познанию нового, мобильностью, повышенным уровнем знаний в плане эрудиции, что объясняется доступностью и многоканальностью поступления информации. Современный студент Донбасса, со всеми вышеперечисленными свойствами, обладает сформировавшимся особым видением мира, обусловленным культурными и политическими условиями в регионе, что не могло не повлиять на его речевое своеобразие. Например: *Мне еще на Смолянку пилать* или *Компусик мой экнулся*. Таким образом, можно говорить о региональном студенческом сленге как составляющей региолекта Донбасса в целом.

Об особенности речи «**групповой языковой личности студентов высшей школы**» в своей работе говорит С.Л.Савилова. Такую речь, на ее взгляд, составляет комплекс черт: активное употребление специальной лексики, студенческого сленга, молодежного и профессионального жаргона, оценочной и экспрессивной лексики, прозвищ и т.п. [19, с. 12]. В отечественной лингвистике термины жаргон и сленг по отношению к языку молодежи принято считать синонимичными (Т.Г. Никитина; С.В.

Леорда, Т.А. Гридина; Н.П. Шульгина и др.). С.Л. Савилова под термином «студенческий сленг» понимает стоящую вне пределов литературного языка социолектная речь, состоящая из неологизмов и слов, употребляемых в специальном значении [20, с. 12]. По мнению С.В. Леорды, большая часть студенческих жаргонизмов – это переделанные официальные наименования. Самые разнообразные жаргонные названия даются студентами наиболее важным для их жизни предметам, людям, отрезкам времени [12, с. 7]. Однако в региолект студентов Донбасса может входить не только молодежный сленг, но и общеупотребительные слова данного края (*террикон, ставок, копёр*). Обоснование тому находим в работе С.Л. Савиловой: «Студенческий социолект представляет собой вариант общенационального языка... В студенческий социолект входят не только особо студенческие языковые единицы, но и такие, которые имеют статус общеязыковых» [20, с. 3]. Обуславливается молодежный социолект, по мнению М.Б. Бахтиной, эмоционально-психологическим запросом, поскольку выражает не столько принадлежность к определенной социальной группе, сколько эмоциональную избыточность, максимализм, особое представление о жизненных ценностях, особый стиль и манеры поведения, свойственные молодёжи [2, с. 14]. Например: *Ты что, с террикона свалился? Не видишь – коногонку купи.*

Термин «**региолект**» возник в романской школе диалектологов (фр. *régiolecte*) еще в середине XX века в результате поиска обозначения особого рода языковой нормы, которая не являлась литературной нормой, но и не причислялась к диалекту, а стала новой формой его бытования. До сих пор понятие региолекта не имеет точного определения, однако есть множество попыток сделать это в ходе его изучения. В.И. Трубинский считает региолекты «новыми диалектами», достаточно крупными территориально-системными образованиями, не повторяющими классического диалектного членения русского языка [22, с. 157]. М.А. Бородина определяет его как «звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении»; он не может быть связан с диалектом по причине «устойчивости» второго, а именно такую характеристику имеет язык [3]. А.С. Герд упоминал о региолекте как об «особой форме устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности» [4, с. 48]. Е.А. Оглезнева рассматривает региолект как «этап эволюции форм языкового существования», который приходит на смену диалекту [17, с. 67]. По мнению Е.В. Ерофеевой, региолект, как и просторечия, и полудиалекты, «...оказываются по сути дела промежуточными образованиями, которые являются результатом взаимодействия макро- и микроидиомов в речевой деятельности языковых коллективов и в идиолектах. По сути, региолект образовывается в результате взаимодействия литературного языка, просторечия и местных говоров» [7]. В.И. Ливинская считает, что региолект это нечто промежуточное между диалектом, социолектом и просторечием, которое включает в себя некоторые признаки этих подсистем. [13, с. 41].

На наш взгляд, наиболее убедительно понятие «региолект» дефинировано В.И. Теркуловым в монографии, посвященной изучению региолекта Донбасса: «Региолект – это новая, пришедшая на смену диалектам, форма существования территориальных разновидностей русского национального языка: это совокупность городских говоров одной территории, объединённых обычно вокруг говора какого-то административного центра – областного, краевого, республиканского» [5, с. 5]. В этом определении не только разъясняется причина появления региолекта, но также указывается на ареал его распространения, что является не менее важным в трактовке понятия. Указание на географические и территориальные рамки пространства

проживания носителей региональной речи – это главный отличительный признак региолекта от диалекта.

Ключевым термином лингворегионоведения после региолекта является термин «**регионализм**» как составная часть и единица региолекта. Исследователь Н.Н. Соколянская в своих статьях и диссертационном исследовании предлагает следующее определение термина: «Регионализмы – это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией» [20, с. 1]. Словарь Т.В. Жеребило представляет подобное толкование: 1) местное слово или выражение, бытующее на определенной территории (приведем пример из донецкого региолекта: *Мне сказали, что **дуйчиком** нельзя здесь пользоваться*); 2) лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая только на определенной территории в зоне контактирования языков (например: *Говорят, пары отменяют сегодня, может **брехня?***) [8, с. 300]. Также некоторые исследователи для обозначения региональной лексики используют термин «**локализм**», который в своем определении объединяет «лексические и фразеологические единицы, фонетические единицы и явления, грамматические единицы и формы, синтаксические конструкции», фиксирующиеся в литературной речи коренных жителей отдельных регионов и относящиеся к элементам языковой системы, которая функционирует в процессе повседневного живого общения [6]. Однако все же понятия локализм и регионализм предлагается различать. Так, Е.А. Торохова утверждает, что «региональный тип лексем характерен для отдельного региона, локальные лексемы – это слова, которые фиксируются только в речи коренных жителей того или иного города, области, республики или живут особой жизнью на той или иной территории» [21, с. 11]. Мы считаем такое различие двух, на первый взгляд, схожих терминов обоснованным, поскольку дальнейшее изучение определений локализма говорит о территориальном ограничении его использования в виде одного населенного пункта (город, село) (например, в «Словаре лингвистических терминов», где локализм это «слово (или выражение), употребление которого ограничено такой-то областью, таким-то городом и т.п. и которое неизвестно в литературном образце данного языка» [1, с. 214]). Таким образом, неясность в выборе подходящего понятия разрешена и в дальнейших исследованиях будем использовать термин «регионализм».

Важное место в понятийной системе лингворегионоведения занимает «человек говорящий» – продуцента региолекта. Человек, как субъект коммуникации, представляет собой, по мнению В.В. Красных, систему «личностных» феноменов (языковая личность – речевая личность – коммуникативная личность), но ввиду того, что они действуют одновременно, такое состояние характеризуется термином «языковая личность» [11, с. 51], хотя понятие «речевая личность», безусловно, точнее отражает суть явления.

В последнее время наиболее актуальным представляется изучение языковой личности человека, принадлежащего к определенной социально-возрастной группе, вследствие чего в лингвистике возникло понятие «речевой портрет». **Речевой портрет** – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. Термин «**языковая личность**» (ЯЛ) был введен в научный оборот В.В. Виноградовым в 1930-х гг. В отечественной лингвистике наиболее известна концепция языковой личности Ю.Н. Караулова, которая определяет языковую личность как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс

[10, с. 71]. Модель языковой личности, предложенная исследователем, позволяет реконструировать языковую личность посредством анализа созданных ею текстов. Исследователь допускает, что именно язык создает тот особый мир, в котором живет человек. У каждого языка свой понятийный мир, который служит как бы посредником между действительностью и человеком.

Такое посредничество происходит с помощью **«языкового сознания»**. Однако такая деятельность реализуется при определенных условиях, в которых находится личность, она обладает языковым и культурным статусом, при этом неотделима от этноса и социума, обусловлена традиционным образом жизни, а именно: опытом предшествующих поколений. Е.Е. Никитина, говоря о языковом сознании, отмечает, что необходимо «иметь в виду особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [15]. И.И. Просвиркина приходит к выводу о важности менталитета в процессе формирования языковой личности, так как от него зависит вероятность понимания (или непонимания) при межнациональном общении. Она отмечает важный аспект межэтнических контактов – это «формирование особой культурной среды, особой системы нравственных ценностей», которые, в свою очередь, сформировали **региональное языковое сознание** и, как следствие, **региональную языковую личность** (РЯЛ), имеющую свою самобытную картину мира [18, с. 107].

В современной лингвистике языковая картина мира студента как представителя социокультурного пространства является малоизученной проблемой, но весьма актуальной. Аналогичная ситуация прослеживается и в нашем регионе. По мнению М.Р. Шелховской, языковая картина мира человека именно в период студенческой поры оказывается востребованной и в более поздний период жизни у большинства людей и прочно ассоциируется с юностью [23, с. 3]. Таким образом, изучение языковой картины мира студентов позволяет высветить важные стороны языковой национальной картины мира вообще» (в нашем случае региональной). Мы считаем важным обратить внимание на различие понятий **языковой картины мира** (ЯКМ) и региональной языковой картины мира, на что обращает внимание Н.П. Курмакаева: если ЯКМ это отражение окружающего ЯЛ мира в ее речи, то **региональная ЯКМ** – это «тот же мир в зеркале того же языка, но с региональным культурно-историческим фоном, носителем которого является житель соответствующего региона» [5, с. 114]. Поскольку Донбасс относится к многонациональным регионам, то можно говорить о том, что на его территории сформировался особый менталитет, имеющий свои региональные культурно-языковые особенности, базирующиеся на собственной региональной ЯКМ. **Картина мира студенческой молодёжи Донбасса**, на наш взгляд, определяется как фрагмент региональной картины мира, представленный набором лексико-семантических полей молодежного социолекта, имеющего характерные региолектные черты.

Итак, как показывает наше исследование, лингворегионоведение как новое научное направление имеет пока нечетко эксплицированную понятийную базу, не вполне очерченный круг задач, дискуссионные объекты и предметы исследования. Однако совершенно однозначно вырисовываются две ключевые ипостаси: язык и его носитель. И если учитывать тот факт, что носитель – это в том числе и молодежь региона, то исследование речи этой молодёжи в аспекте соответствующего региолекта становится актуальным и обязательным, поскольку в ней отражается специфическая картина мира, без учета которой региональная языковая картина мира усредненного

индивида будет неполной. Задача современных исследователей региолектов – создание четкой понятийно-терминологической базы, с помощью которой было бы удобно и непротиворечиво анализировать фактический материал и развивать лингворегионоведческое направление как важный сегмент лингвистики и культурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 609 с.
2. Бахтина М.Б. Эмотивно-оценочная картина мира современной молодёжи: на материале жаргонной лексики конца XX - начала XXI вв.: автореф. дисс. канд. фил. наук (10.02.01) / Бахтина М. Б.; Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2011. – 23 с.
3. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? [Электронный ресурс] / М.А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – №5. – С.29–38. – Русский филологический портал – URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/borodina-82.htm> (дата обращения: 01.04. 2019).
4. Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» / А.С. Герд // Русский язык сегодня. Вып. 1. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 45-52.
5. Донецкий региолект: монография / под ред. В.И.Теркулова. – Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. – 265 с.
6. Ерофеева Е.В. Локализмы в литературной речи горожан: Учеб. пособие / Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Ф.Л. Скитова. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Перм. ун-т. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – С. 9-10.
7. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: Социолингвистический аспект / Е.В. Ерофеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.
8. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
9. Зимняя И.А. Педагогическая психология [Электронный ресурс] / И.А. Зимняя. – URL: <http://sdo.mgaps.ru/books/KP1/M4/file/2.pdf> (дата обращения: 01.04. 2019).
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
11. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.– 375 с.
12. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. канд. фил. наук (10.02.01) / С.В. Леорда; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2006. – 19 с.
13. Ливинская И.В. К вопросу о региональном варьировании национального языка / И.В. Ливинская // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2015. – №6. – С. 37-42.
14. Луков В.А. Студенты Москвы: ожидание перемен? [Электронный ресурс] / В.А. Луков // Информационно-исследовательский портал Московского гуманитарного университета под ред. В. А. Лукова. – URL: <http://www.hdirussia.ru/368.htm> (дата обращения: 03.04.2019).
15. Никитина Е.С. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре [Электронный ресурс] / Е.С. Никитина // Культуролог: [сайт]. – URL: <http://culturolog.ru/content/view/3537> (дата обращения: 04.04.2019).

16. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Часть 1: программа и программно-методические материалы / Т.Ф. Новикова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.
17. Оглезнева Е.А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта / Е.А. Оглезнева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып.10. – С.65-68.
18. Просвиркина И.И. Региональное языковое сознание как основа модели региональной языковой личности / И.И. Просвиркина // Вестник ОГУ. – 2005. – №11. – С. 106-107.
19. Савилова С.Л. Новейшая иноязычная лексика в русском студенческом социолекте XXI века [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. канд. фил. наук (10.02.01) / С.Л. Савилова; ФГА ОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политех. ун-т». – Томск, 2016. – 25 с.
20. Соколянская Н.Н. Региональная лексика Крайнего Северо-Востока России. [Электронный ресурс] / Н.Н. Соколянская // URL: <https://esa-conference.ru/wp-content/uploads/files/pdf/Sokolyanskaya-Natalya-Nikolaevna.pdf> (дата обращения: 04.04.2019).
21. Торохова Е.А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект): автореф. дисс. на соиск. учен. канд. фил. наук / Е.А. Торохова. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. – 28 с.
22. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления / В.И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 156-162.
23. Шелховская М.Р. Языковая картина мира студента. [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. канд. фил. наук (10.02.19) / М.Р. Шелховская; ГОУ ВПО «Челябинский гос. ун-т». – Челябинск, 2008. – 25 с.
24. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 18–20 мая 2017 г.) / отв. ред Т.Ф. Новикова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 328 с.

V. O. Gulkina

TO THE QUESTION OF BASIC TERMINOLOGY OF LINGUISTIC RESEARCH

The article is devoted to clarifying the basic terminology of linguo-regional studies in describing the regional features of speech produced by the regional linguistic personality of a Donetsk student.

Key words: *linguo-regional studies, regiolect, regionalism, student, regional linguistic personality, regional linguistic consciousness, regional linguistic picture of the world.*

**«ТОЛКОВО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ
РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ПРЕДЛОГОВ» Г. П. ЦЫГАНЕНКО
В РЯДУ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ**

В статье на фоне лексикографических описаний категории славянского предлога рассматривается авторский, во многом пионерский, подход профессора Г. П. Цыганенко не только к трактовке данной категории, но и к ее сопоставительному описанию. Автору словаря удалось, с одной стороны, представить пользователю необходимую теоретическую информацию о предлоге и его проблематике, а с другой, – предложить переводной русско-украинский словарь предлогов с их атрибуцией по более чем 15-ти параметрам. При этом автор не только извлек предлоги из всех имеющихся русских и украинских лексикографических источников, но и пополнил этот массив самостоятельно найденными единицами. Особо следует отметить новаторство Г. П. Цыганенко в разработке методики сопоставления близкородственных единиц.

Ключевые слова: предлог, русский язык, украинский язык, сопоставительная грамматика, лексикография служебной лексики.

О Галине Павловне Цыганенко – с благодарностью. С Галиной Павловной мне посчастливилось познакомиться на одной из конференций в Донецком государственном университете в 2009 году. После моего доклада об атрибуции белорусского предлога в перерыве ко мне подошла дама, представилась и протянула мне роскошно изданный фолиант. Надо ли говорить о радости предложника, получившего «Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов»! Да еще с дарственной надписью! Мы поговорили только минут десять. Галина Павловна извинившись, что у нее занятие, простилась и ушла.

Каюсь, я не успела своевременно ответить на подарок рецензией (шла интенсивная работа над трехтомным реестром белорусских предлогов [Канюшкевич 2008–2010]), а Галина Павловна внимательно следила за выходом каждого моего тома и отозвалась на два из них рецензией в соавторстве с И. А. Курдюмовой [Цыганенко, Курдюмова 2011].

Десятиминутное знакомство, а память осталась надолго. Уверена, что многие, знавшие Галину Павловну, вспомнят известные слова В. А. Жуковского «о милых спутниках, которые наш свет своим сопутствием для нас животворили» и скажут слова благодарности дважды доктору, профессору, труженице на ниве педагогики, подвижнице, посвятившей себя человеческому Языку во всех его национальных одеждах, оставившей нам пример служения делу и свои книги. Одна из них у меня на столе. Перечитаю ее для вас, дорогие коллеги, читатели, студенты, чтобы явственнее проступило величие сделанного Галиной Павловной Цыганенко.

Постановка проблемы.

Сегодня получить точный ответ на вопрос, сколько в конкретном языке имеется предлогов, невозможно. Причин множество:

- затруднительны критерии квалификации этой категории;
- в нормативные словари не попадают единицы из периферийных зон языка (диалектизмы, просторечные лексемы);

- не всегда учитываются варианты (фонетические, графические, морфологические);
- размыты стилистические границы языка в целом и предложной системы в частности;
- не установлен статус заимствованных слов, получивших новые, не свойственные предлогу признаки (например, слово *а-ля*, явно выполняющее ряд предложных функций, но управляющее номинативом [Клобуков 2002]);
- нечетки границы между словом и сочетанием слов;
- подвижны и малозаметны границы между лексической и грамматической подсистемами языка;
- остается открытым вопрос о статусе сочетаний, подаваемых в словарях под знаком ромба (например, *под эгидой* – фразеологизм или предлог?);
- вне поля внимания исследователей остаются двухчастные аналитические предложные и даже предложно-союзные сочетания типа *от...до; начиная с... и кончая...*, не учитывается дистантность их элементов;
- прозрачны и текучи границы между зонами всего поля предлога: даже в ядерной зоне данного поля в силу указанных выше причин точное число первообразных предлогов в русском языке колеблется от 22 [Цыганенко 2006] до 36 [Лексические и фразеологические предлоги... 2007], тем более расплывчаты внешние границы данного поля.

Перечисленные и другие вопросы затрудняют лексикографическое описание предложных систем, особенно в сопоставительном аспекте, тем более, если подобная цель сопровождается еще и заботой о пользователе – сделать понятной атрибуцию предлога, преодолеть алфавитный порядок сопоставляемых межъязыковых эквивалентов, показать возможности предложных единиц в выявлении коммуникативных качеств речи и др. Галине Павловне Цыганенко названные и другие затруднения удалось преодолеть и создать поистине своевременное, новаторское и очень нужное широкому кругу пользователей творение, анализ которого и составляет задачу данной статьи.

Связи с актуальными научными и практическими задачами. С осознанием полевой структуры языка и его континуумного характера стало очевидно, что жесткие классификации в лингвистике невозможны, что плюрализм моделей описания языка неизбежен, но вместе с тем он отнюдь не искажает объективного знания, поскольку в любом множестве трактовок содержится некая константа, признаваемая самыми непримиримыми оппонентами. Более того, с появлением каждой новой теории или модели описания объем этой константы увеличивается, обогащая научную картину мира, и при этом, несмотря на оригинальность подходов и даже порой на неосведомленность в том, на каком уровне исследовательского поиска находится коллега по цеху, вектор исследовательского поиска у всех оказывается сходным.

Втягивание знаменательного слова в сферу служебных функций тоже носит континуумный характер, а маркируют эту недискретную шкалу множество признаков, отражающих служебность прежде всего не как результат, а как процесс, относящийся не столько к морфологии и частеречной принадлежности, сколько к семантике и синтаксису, к прагматике высказывания, в котором использование номинации в роли реляции отражает технические возможности языка в организации высказывания. И надо признать, что эти возможности языка беспредельны, что «язык неистощим в соединении слов» (А. С. Пушкин).

«Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов» Г. П. Цыганенко появился именно в то время, когда служебная лексика в целом и

предлог в частности заинтересовал многих ученых. Только в России обозначились целых пять научных центров – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (М. В. Всеволодова и ее авторский коллектив [Всеволодова и др. 2014; Всеволодова и др. 2018]); Челябинский государственный педагогический университет (Г. А. Шиганова и ее ученики [Шиганова 2003]); Белгородский государственный университет [Гальченко 2004]; Дальневосточный университет [Шереметьева 2008]. Известны работы исследователей польской предложной системы [Milewska 2003], болгарской [Славянските предлози 2007], белорусской [Шуба 1993; Канюшкевіч 2008–2010], украинской [Загнітко и др. 2007].

Столь повышенное внимание к реляциям обусловлено как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами. К первым можно отнести увеличение и усложнение международных, коллективных, межличностных форм и связей коммуникации; непрерывную и тоже усложняющуюся институализацию и стратификацию человеческого сообщества, требующую самых разных форм ее регулирования; совершенствование политического, экономического, информационного инструментария в упорядочении всего спектра отношений в социумах и между социумами; динамику изменений в научной картине мира и др.

Ко вторым относятся интеллектуализация и терминологизация языка, стремление носителей языка к семантической точности в категоризации отношений, возникновение и рост аналитических средств, границы которых вышли за пределы слова в его традиционном понимании.

Естественно, потребовалось и лексикографическое описание этой лексики. В этом отношении толково-двуязычный Словарь Г. П. Цыганенко стал очень своевременным и заметным в ряду других аналогов, а применительно к сопоставляемым языкам единственным словарем нового поколения.

Анализ Словаря. «Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов» Г. П. Цыганенко, кроме 22 русских и 20 украинских первичных предлогов, включает по 280 вторичных предлогов каждого из этих языков [Цыганенко 2006, с. 36], причем ряд вторичных предлогов дополнен единицами, самостоятельно собранными автором из устной и письменной речи.

Предлоги атрибутируются и сопоставляются в межъязыковом отношении по целому ряду параметров. Поясняемый предлог русского языка (левая половина страницы) сопровождается указанием падежа и падежного вопроса, стилистической пометой, а далее приводятся общие лингвистические сведения о поясняемом предлоге: варианты (фонетические, морфемные, морфологические, акцентные, причем с указанием особенностей употребления варианта), омонимы, синонимы, антонимы; указывается корреляция первичного предлога с глагольным префиксом. Если предлог входит в состав аналитического сочетания, то эти составные предлоги перечисляются; называются, если есть, функциональные пары предлогов типа *на – с*. Семантизация предлога включает а) сведения об однозначности / многозначности, б) значение предлога; для многозначных предлогов называется тип отношения, а далее дифференцируются значения в пределах каждого типа отношения; в) иллюстрации к каждому типу значения. Далее приводятся устойчивые конструкции с поясняемым предлогом.

Особенно важна теоретическая часть Словаря. В пределах экономного текстового пространства в доступной читателю форме на фоне широкого восточнославянского научного контекста представлены важнейшие сведения о предлоге – дефиниция В. В. Виноградова (с. 5), дискуссионные вопросы о лексемном и морфемном статусе предлогов, о происхождении предлогов, их образовании, вариантных формах;

рассмотрены структурные типы этих единиц, управление предлогов падежами (валентность предлогов).

После рассмотрения проблемы семантической классификации предлогов, признав, что «приемлемой семантической классификации самих предлогов не существует», Г. П. Цыганенко предлагает «в компактной схеме» (с.18), свою обобщенную семантическую классификацию этих единиц, отдав дань привычным терминам, коррелирующим с терминологией новых подходов. Следует подчеркнуть научную честность автора Словаря в описании синтаксических функций конструкций с предлогами: сначала рассматривается традиционный, с оглядкой на его применение в школе, подход – каким членом предложения является предложно-падежная словоформа (частью подлежащего, частью сказуемого, главным или второстепенным членом).

Новый подход опирается в основном на вербоцентрическую теорию Л. Теньера и представляет роль предлога в формировании актантов, сирконстантов и форм, осложняющих предложение. И хотя термином «синтаксема» Галина Павловна не воспользовалась, оставаясь приверженцем традиционной терминологии, ее внимание к характеру и синтаксическим функциям оформленных предлогом словоформ показывает сближение ее позиции с теорией Г. А. Золотовой о типологии синтаксем.

Особое внимание Г. П. Цыганенко обращает на переходные случаи в области предлога и словоформ с предлогом (в ее терминологии – «предложных конструкций»). Остановимся на таком параметре атрибуции предлога, как его корреляция с союзом: *благодаря тому что; в то время, как; для того, чтобы* и др., с. 24–25. По критерию структурной сложности в синхроническом плане действительно можно признать, что предлог служит базой для образования союза. Но с точки зрения коммуникативного синтаксиса и диахронии первичен именно союз, поскольку изосемической конструкцией для полипропозиционального высказывания является сложноподчиненное предложение, а неизосемической – простое предложение с номинализованной словоформой; ср.: *благодаря тому, что мать все терпит – благодаря материнскому терпению.*

Понимая это, Галина Павловна использует по-настоящему дипломатический ход, называя в корреляции предлога и союза только то, что неоспоримо: «ряд однословных предлогов употребляется в качестве составной части подчинительных союзов» (с. 24). В проекте над исследованием грамматики славянского предлога его руководитель М. В. Всеволодова тоже предложила приемлемый термин – «корреляция предлога и союза» [Всеволодова и др. 2014]. Выявление, что от чего образуется, требует пословного исследования, поскольку аналогия модели образования, с одной стороны, и хронология появления производной единицы, с другой, могут диктовать противоположные векторы (ср.: *доярка ↔ дояр*). Но в том, что корреляция с союзом является существенным признаком предлога, сходятся все подходы.

Разработка методики лексикографического сопоставления предлогов – сложная и хлопотная задача. Во-первых, имеются различия в списках единиц, с которыми столкнулась и Галина Павловна: в русском языке первичных предлогов 22, в украинском 20. В Словаре перечисляются специфические черты обоих языков и варианты межъязыковых соответствий (с. 30–31): в одном языке первичный предлог – в другом ему соответствует вторичный; предлог – знаменательное слово; предлог – синонимичный по виду отношений предлог; предложная конструкция – простое предложение; предлог – союз в придаточной части сложного предложения. Схема межъязыкового соответствия всего объема значений рус. предлога *за* и 10 его украинских эквивалентов (при наличии во многих значениях и формального сходства),

представленная на с. 29, красноречиво свидетельствует, сколь кропотлив труд составителя данного Словаря.

Во-вторых, и это вытекает из «во-первых», сложность представляют лакуны – отсутствие формального эквивалента в сопоставляемом языке. А поскольку автору необходимо было придерживаться алфавитного принципа, выход был найден оригинальный: общий вектор толкований в Словаре идет от русского языка к украинскому, но если украинскому предлогу в русском языке отсутствует формальный эквивалент, алфавитный вектор и толкование его релятивного значения идет от украинского языка к русскому. В последнем подбираются сходные по значению соответствия. Например, украинскому предлогу *з-перед* в русском языке соответствуют *перед, впереди, из-под, с*, наречие *раньше*; предлогу *біля* кого / чого в зависимости от значения – рус. *над, за, возле, на, у, при, около*. То же и наоборот: рус. *окрест* – укр. *навколо, навкруг*; рус. *по прошествии* – укр. *за, через; по часті – в галузі, щодо; применительно к – відповідно до, стосувно до*.

Но главное, на что опиралась в сопоставлении предлогов Г. П. Цыганенко, – это семантическая эквивалентность сопоставляемых единиц, даже гетеролексических эквивалентов *по типу – на зразок, соразмерно с – відповідно до, пропорціонально до, пропорційно, пропорціонально; спустя – за, через, по*.

Еще одна особенность Словаря Г. П. Цыганенко – это усиленное внимание автора к употреблению предлогов во фразеологизмах. Сама Галина Павловна приводит веские доводы в пользу столь повышенного внимания к фразеологизмам: “с этой точки зрения они еще не рассматривались”, “многие из них являются общими для русского и украинского языков”, “знакомство с ними практически полезно” (с. 28). Да и по богатому иллюстративному материалу заметно, что взаимодействие предлогов с устойчивыми сочетаниями слов – одна из любимых тем Галины Павловны.

Одно из достоинств Словаря – удобство пользования им. Автор предусмотрел даже алфавиты обоих языков, условные сокращения, сочетаемость слов, частотность употребления, адекватность языков толкований, ссылки, попутные примечания и др. Всё это не только демонстрирует культуру справочного издания, но и косвенно формирует культуру пользователя.

Вместо заключения. Обычно словари со сложной и богатой параметризацией единиц имеют коллективного автора. Словарь Г. П. Цыганенко – исключение из правил. Держать в уме столько связей, отсылок, помет, следить за пропорциональностью русскоязычной и украинскоязычной частями Словаря, собрать столько иллюстративного материала, экономно к семиотической системе и заботливо по отношению к читателю распорядиться параграфемикой Словаря, предусмотреть возможные речевые или интерференционные ошибки и предупредить читателя о них, передать свое восхищение богатством обоих языков читателю – способен только очень талантливый, очень терпеливый и очень одержимый своим предметом ученый, каким была Галина Павловна Цыганенко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е.. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А – В (объективная грамматика) / Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. – М.: УРСС, 2018. – 800 с.

2. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 304 с.
3. Гальченко Е. В. Употребление предлогов с фразеологизированным значением в языке современной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук; Белгор. гос. ун-т / Е. В. Гальченко. – Белгород, 2004. – 22 с.
4. Загнітко А. П. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова / А. П. Загнітко, І. Г. Данилюк, Г. В. Ситар, І. А. Щукіна. – Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2007. – 415 с.
5. Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. / М. І. Канюшкевіч – Гродна: ГрДУ, 2008 – 2010; Ч.1. Дыяпазон А – Л. 2008. – 492 с.; Ч. 2. Дыяпазон М – П. 2010. – 619 с.; Ч. 3. Дыяпазон Р – Я. 2010. – 535 с.
6. Клобуков Е. В. Переходные процессы в образовании служебных частей речи (предлоги как продуктивный класс лексем) / Е. В. Клобуков // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып.4 / Под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно, 2002. – С. 3–13.
7. Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке: уч. пособие / А. М. Чепасова, Т. Г. Голощапова, Н. А. Павлова и др; науч. ред. В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007.
8. Славянските предлози. – Велико Тырново: изд-во «ИВИС», 2007. – 198 с.
9. Цыганенко Г. П. Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов. – Алчевск: Донбасс-Медиа, 2006. – 600 с.
10. Цыганенко Г. П. Рецензия на Словарь Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. – Гродна: ГрДУ, 2008 – 2010. – Ч. 1. Дыяпазон А – Л. – 2008. – 492 с.; Ч. 2: Дыяпазон М – П. – 2010. – 619 с./ Г. П. Цыганенко, И. А. Курдюмова // Функциональная лингвистика: науч. журнал / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. – 2011. – №2. – С. 321–322.
11. Шереметьева, Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды: монография / Е. С. Шереметьева. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 236 с.
12. Шиганова, Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: монография / Г. А. Шиганова. – Челябинск: изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. – 306 с.
13. Шуба П. П. Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў. – Мінск: Нар. асвета, 1993. – 168 с.
14. Milewska B. Przyimki wtórne we współczesnej polszczyźnie / B. Milewska. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2003. – 229 S.

M. I. Konyushkevich

**«INTERPRETIVE AND COMPARATIVE DICTIONARY
OF RUSSIAN AND UKRAINIAN PREPOSITIONS» BY G. P. TSYGANENKO
AMONG THE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTIONS OF THE CATEGORY OF THE
SLAVIC PREPOSITION**

The paper considers the author's, largely pioneering, approach of Professor G. P. Tsyganenko against the background of lexicographical descriptions of the category of the Slavic preposition, not only to the interpretation of this category, but also to its comparative

description. The author of the dictionary managed, on the one hand, to provide the user with the necessary theoretical information about the preposition and the problematics of its description, and on the other hand, to offer a Russian-Ukrainian translation dictionary of prepositions with their attribution in more than 15 parameters. At the same time, the author not only extracted prepositions from all the available Russian and Ukrainian lexicographical sources, but also supplemented this array with independently found units. Of particular note is the innovation of G. P. Tsyganenko in the development of a methodology for comparing closely related units.

Key words: *preposition, Russian, Ukrainian, comparative grammar, service vocabulary lexicography.*

УДК 82.0

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ). Проект № 19-012-00310 А «Погодин М. П. Полное собрание историко-филологических трудов. В 9 томах. Т. 1 – 3».

И. В. Логвинова

Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке

РАННИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ СТАТЬИ М. П. ПОГОДИНА

В статье речь идет о ранних публикациях М. Н. Погодина, в которых он рецензирует «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви». Также анализируются статьи этого автора, касающиеся вопросов этимологии, перевода, истории славянских языков. Таким образом, имя М. П. Погодина тесно связано не только с историей, но с филологией и требует внимательного исследования.

Ключевые слова: *М. П. Погодин, филология, этимология, история языка.*

В связи с начатой нашим научным коллективом (А. Н. Николюкин, И. В. Логвинова, А. А. Ширинянц, Д. В. Неустроев, В. Г. Кузнецов, Д. Н. Верхотуров и др.) работой над полным собранием историко-филологических трудов М. П. Погодина, возникло много вопросов по поводу научного наследия этого ученого. В основном издавались его исторические и политические статьи, книги, и остались в стороне ранние работы, связанные со множеством интересных филологических тем.

М. П. Погодин – знаменитый историк, издатель, собиратель древностей. Обычно его имя связывают с историческими трудами, а также с полемикой о варягах с М. А. Максимовичем, Д. И. Иловайским, Н. И. Надеждиным, Н. И. Костомаровым и др. [1; 2; 3]. Однако среди его ранних трудов можно обнаружить немало статей на филологическую тематику. Он интересовался словарями, современным ему литературным процессом, этимологией. Отдельного рассмотрения заслуживает его обширная переписка с М. А. Максимовичем об истории Малороссии, которую затрагивает в своем исследовании А. П. Толочко [15]. Тем более, что эта переписка к ранним трудам М. П. Погодина не относится.

Актуальность исследования в том, что к ранним трудам М. П. Погодина литературоведы и лингвисты обращаются крайне редко, что, на наш взгляд, незаслуженно, поэтому задача нашей статьи – актуализировать раннее творчество этого интересного писателя, историка и издателя, поставить вопрос о внимательном изучении

его научного наследия историками и филологами (равно как и наследия С. П. Шевырева, М. Н. Каткова, И. В. Киреевского и др., незаслуженно забытых и отодвинутых на второй план при советской власти ученых пушкинского времени, с которых начиналось исследование многих актуальных сегодня научных проблем и вопросов). В ранних статьях Погодина не только находятся главные темы, которыми он будет потом заниматься всю жизнь, но они также не потеряли своей научной значимости. Например, его советы по составлению словарей, высказанные в критической статье о словаре духовных лиц, могут быть полезны современным лексикографам.

В 1820 – 1840-е гг. он пишет для редактируемых им журналов «Московский Вестник» и «Москвитянин» разнообразные по тематике статьи, свидетельствующие об основных направлениях его интересов: древняя русская история, география, этимология, литература. В качестве особенности научных изысканий Погодина можно назвать страсть к старине, к собирательству, внимание к деталям и связям между ними. Например, в предисловии к изданию словаря Болховитинова (1845), он пишет: «Я убедил владельца рукописи, г<осподина> Снегирева, уступить мне свое право, – и ныне издаю весь словарь вполне, без малейшей перемены против рукописи сочинителя. Дополнения, принадлежащие другим лицам, могут и должны, по моему мнению, быть изданы особо» [12, с. II]. Можно сказать, что в этих словах уже видно начало науки текстологии, имеющей дело с авторским текстом и комментариями и дополнениями к нему, приложенными отдельно. В статье «О словаре митрополита Евгения» Погодин совершенно справедливо с современной текстологической точки зрения пишет: «Словарь м<итрополита> Евгения неполон, несовершен, – идите по его следам, исправьте, дополните его труд, но в своем собственном сочинении. Тогда мы увидим, что принадлежит г<осподину> Полторацкому, и что принадлежит м<итрополиту> Евгению» [7, с. 265]. Еще один важный текстологический момент отмечен Погодиным в этой статье: при переиздании старого словаря нельзя включать в него сведения, которые относятся ко времени после того, как автора уже «не стало на свете»: «Здравый смысл, с которым не мешает справляться и библиографам, запрещал мне приписывать митрополиту Евгению пророчества, коих теперь вы от меня требуете» [7, с. 266]. Далее он делает замечание о ценности подобных трудов-первопроходцев, говоря о том, что если господин Полторацкий примется за этот словарь, то должен будет перепечатать его весь в своем сочинении. А если он от этого откажется, то насмешит читателей «о прошедшем времени, гораздо более, нежели Евгений о будущем» [7, с. 266]. В этом один из принципов издания хорошего словаря – идя по стопам предшественников, брать их труд за основу и возводить на этом фундаменте прочное новое здание.

О другом словаре (о писателях духовного чина) Погодин пишет: «Нет нужды, полагаю, говорить много о пользе и даже необходимости, слишком очевидной, подобных словарей в литературе. Они весьма много облегчают труды ученых, занимающихся науками, к области которых относятся. Так, с объявляемым здесь словарем часто будет справляться при своих исследованиях и историк русский, и литератор, и филолог, и даже неученый читатель, и всякий раз получит ответ удовлетворительный о нужных для себя лицах» [13, с. 187]. Словарь для Погодина – это прежде всего справочник, в котором полезны для читателя полнота и верность фактов.

В статье о наречиях «уже» и «еще» Погодин приводит любопытные примеры их употребления в древнерусской литературе и философские толкования значений, которые эти наречия придают фразе. «Прежде всего взроились в голове моей примеры,

в коих *уже и еще* употребляются: Уже Мелетий Смотрицкий писал «Словенскую Грамматику». Еще Мелетий Смотрицкий писал «Грамматику». Уже много у нас писателей. Еще мало у нас грамотеев. и пр. и пр. Я начал толковать сии примеры, подводить под правила, но много сбивался и предложил себе вопросы; к какой, части речи принадлежат *уже и еще*? К наречиям, был ответ мой без запинания. — Какие же это наречия? Времени. — Следовательно *уже и еще* должны выражать качества времени» [8, с. 170]. Вопрос об *уже и еще*, поставленный Погодиным, актуален в языкознании до сих пор.

В статье «Замечание о словенском языке» Погодин обращает внимание читателей на «Словенскую грамматику» Добровского, в которой представлены правила церковно-славянского языка, и на критику, которая на это сочинение обрушилась. Ученый призывает «о таких первостепенных людях, как Добровский, в познаниях о словенском языке, как Шлецер, в исторической критике, говорили у нас с благоговением, – судили строго, но основательно, осторожно» [4, с. 404]. Надо сказать, что эта привычка благоговейно относиться к авторитетным ученым очень полезна. И первые курсы по истории для училищ и гимназий, по истории торговли на Востоке Погодин делал с опорой на иностранные источники, тщательно их перерабатывая и дополняя. Практически следуя своим советам тем, кто критикует словари, создавая новое, опираться на старое. Еще одним примером интереса Погодина к истории славянских языков является статья «О разделении словенского языка на наречия» [6], в которой автор делится примерами сходства и различия двух ветвей некогда единого славянского языка, к одной из которых относятся русский, сербский, хорватский и виндическое (словенское, славинское) наречие в Карниолии (современной Словении), Стирии (Штирии) и Каринтии (сейчас территория Австрии), к другой – польский, словацкий и богемское наречие (чешское), сорбское (наречие лужицких сербов) или виндическое в верхней Лузации (Лужицы), сорабское в нижней Лузации. Имеются в виду верхняя и нижняя Лужицы, которые частично входят в состав Пруссии и Саксонии, а частично в Нижнесилезское воеводство (Польша).

Интересны также статьи Погодина, посвященные переводам на русский язык произведений зарубежных авторов. Тем более, что сам он активно переводил не только научную литературу, но также и художественную (например, «Геца фон Берлихингена» Гете и участвовал в переводе книги Ваккенродера об искусстве). Так, в статье, посвященной переводам В. А. Жуковского, ученый пишет, как несовершенны русские переводы: «искусство писать в грамматическом и риторическом отношении далось у нас еще немногим» [10, с. 318]. Но к числу этих немногих принадлежит Жуковский, который переводит «второклассных писателей, не имеющих большого художественного достоинства», но приятные и вызывающие воспоминания о «Вестнике Европы» 1808, 1809, 1810 годов. Что же перевел Жуковский? Изабель де Монтолье «*Старый баשמачник бедной хижины и восемь луддоров*» (1810), «*Мария (Отрывок из Артурова журнала)*» (Аделаида Мария Эмилия маркиза де Суза-Ботело (1761 – 1836) – французская писательница, автор известного романа «Адель де Сенанж» (1794). По исследованию И. Поплавской, «Творчество Сузы приходится на эпоху расцвета «женского» романа в западноевропейской литературе, представленного именами С. Ф. де Жанлис, Ж. де Сталь, И. А. Э. де Шаррьер, С. Коттен, В. Ю. Крюденер. Повесть «Шарль и Мари», написанная в эмиграции, представляет собой образец психологической дневниковой прозы, в центре которой оказывается проблема «внутреннего человека», связанная с изображением и самоанализом эмоциональных состояний и любовного чувства героя» [14]. «В оригинале повесть «Шарль и Мари» начинается с предисловия, в котором главный герой Шарль Ленокс обращается к

своему другу. Первая дневниковая запись в подлиннике датирована 10 июня. В этот день герой отмечал в Оксфорде свое двадцатилетие, совпавшее со смертью его матери. В переводе Жуковского изменены некоторые имена. Так, Шарль назван Артуром, средняя дочь лорда Сеймура Евдоксия – Эльминой, сын соседей по имени Филипп – Эдвином» [14]), «Три пояса» (перевод «восточной» повести Адриана де Сарразена (1775 – 1852). Как написано о нем в словаре Брокгауза и Ефрона, его сборник восточных сказок «*Caravansérail*» (1810) имел в свое время успех), «Бедная Нина» (перевод новеллы «Манон» (1803) немецкого писателя К.-В. Контессы (1777 – 1825)), «Первое движение» (это повесть Адриана де Сарразена (1775 – 1852)), «Ожесточенный; Горный дух Ур в Гельвеции» (Сказка, взятая из европейской «Тысяча и одной ночи») (это перевод новеллы Ю. фон Фосса. По замечанию комментатора А. Янушкевича, немецкий писатель Юлиус фон Фосс (1768 – 1832) был популярен в Европе как комедиограф. Так, во время первого заграничного путешествия 1820 – 1821 гг. Жуковский, постоянный посетитель Берлинского театра, неоднократно говорит о постановке его пьес. Он смотрит 21 октября 1820 г. комедию «*Künstlers Erdenwallen*» («Жизненный путь художника»), 19 ноября 1820 г. фарс «*Die falsche Primadonna*» («Фальшивая примадонна»), 20 декабря 1820 г. комедию с танцами «*Die beiden Gutsherrn*» («Два помещика» (Полное собрание сочинений и писем. Т. XIII. С. 142, 151, 155). Среди романов пользовались известностью: «Юрий, роман из двадцать первого века» (1810), «Романтические приключения предводителя испанских повстанцев Дон Виго де Мантиона» (1812), «Война и любовь, или Романтические истории со времен тридцатилетней войны до наших дней» (1813), «Прекрасное привидение, появляющееся пятьдесят лет» (1820). См.: Жуковский В. А. Розы Мальзерба. М.; Париж; Псков, 1995. С. 315 – 316. Сведений о русских переводах его произведений обнаружить не удалось» [16]), «Три финика» (источник перевода исследователями не обнаружен), «Счастливая ложь» (источник перевода исследователями не обнаружен), «Прусская ваза» (Мария Эджуорт (1767 – 1849)), «Мурад несчастный» (Мария Эджуорт). Интересно, что последняя писательница Мария Эджуорт не была автором второго ряда. Ее роман «Замок Рэкрент» (1800) был первым историческим романом в Европе и получил высокую оценку Вальтера Скотта, с которым писательница переписывалась. Также у нее был сборник моралистических историй для детей («Нравоучительные сказки», 1801).

Произведения, о которых пишет в своей рецензии Погодин, отличаются волшебными, чудесными, фантастическими сюжетами. Нужно при этом сказать, что Жуковского привлекали также готические романы, которые оказали большое влияние на его творчество, но об этом он не упоминает в своих статьях и письмах. Он даже не упоминает авторов готических романов, которые переводит. Это Шписс, Вульпиус, Крамер, Радклиф и др., с героями-рыцарями, разбойниками, монахами и т. п.

Также Погодин писал предисловия к переводам из Шатобриана или других авторов, которые публиковал в своем журнале «Московский Вестник», обращая внимание читателя на стиль. Так, о Шатобриане он пишет: «Недавно получено в Москве несколько томов Шатобриановых сочинений. В первом из них (по времени издания) помещены: «Атала», «Рене» и здесь предлагаемая повесть, которая нигде прежде еще не была напечатана автором.

Для некоторых читателей замечу, что точность не есть достоинство Шатобрианова слога, что он истощает в описаниях все синонимы, и часто прибегает к оборотам, и на французском языке странным» [17, с. 172].

Также в круг интересов Погодина входила этимология. В статье «О происхождении имени Москва» [5] он дает версию Бюргера о том, почему Москва так

называется, предваряя ее рассуждениями из Кеппена и Струбе о том, как вообще именуется реки и города (сначала именуется река, а затем ее название переносится на город). По мнению Бюргера, Москва – слово финно-угорского происхождения, означающее «темная вода» [5, с. 88]. Эта и другие статьи Погодина, посвященные этимологии различных городов, районов Москвы, рек, могла бы войти в круг источников, используемых филологами и историками. У него есть статьи и заметки, например, о Бабьегородском переулке, о Хамовниках и др. Вот, что он пишет в одной из статей на тему об этимологии московских названий: «Кстати вот вам известие об одном народном предании, о котором я слышал на днях от одного почтенного знатока московских древностей, на вопрос мой: откуда происходит название *Хамовников*. Он думает, что это *Хановники*, подле *Крымского брода*. Тут же на другой стороне другие названия, относящиеся также к татарским набегам: *Бабий Городок* (около Голутвина) и церковь Спаса на *Берсеневке*. Для ханов набирались женщины (*Бабий Городок*); некоторые из них были бракованы с словом *берсень*, что значит будто бы: не годится. Эти женщины в благодарность Богу за сохранение их чести выстроили церковь на ближнем месте, которое и прозвано Берсеневкой».

От другого знатока я слышал, что Берсеневка происходит от бесерменов, и что в старинном доме, в этом месте, где живут ныне сенатские курьеры, жила татарские баскаки. Говорят, в этом доме есть на стенах кое-где остатки древностей. Любопытно бы осмотреть их и описать» [11, с. 378 – 379]. Погодин часто в своих статьях и комментариях к статьям других авторов намечает дальнейшие пути исследования, потому что сам он многого не успевал из того, что хотел сделать в жизни. Однако, о Хамовниках он написал заметку, как только обнаружил грамоту, свидетельствующую о происхождении этого названия: «В Москве есть урочище, по берегу Москвы реки, которое называется Хамовниками. От него получила название церковь Св. Николая (в Хамовниках), казармы (Хамовнические) и Полицейская Часть (Хамовническая). Имя это производилось обыкновенно от Ханов, тем более, что и ближний мост называется Крымским бродом. Мне нечаянно попала Грамота, из коей видно, что были какие-то особенные люди, служащие или мастеровые, которые назывались Хамовниками. Они вероятно жили в этой слободе и сообщили ей свое имя, подобно Кожевникам, Сыромятникам, Садовникам, Пушкарям, Воротникам. Предлагаю грамоту» [9]. Интересно при этом, что Погодин всегда ссылается на источники полученной информации, тем самым задавая хороший тон для других исследователей: «Г. Беляев указал мне Грамоту, помещенную в III Том *Актов Археогр. Комиссии под № 280*, из коей видно, что Хамовниками назывались ткачи разного белья; след. были села мастеровые, подобно слободам городским» [9].

В трудах этого ученого можно найти много интересных тем, требующих нового взгляда или развития. Он писал как будто в романтической манере, фрагментами, просто, как будто писал черновые наброски к одному большому труду всей своей жизни. Образцом для подражания при этом был для него Н. Карамзин, труды которого он изучал в юности и критиковал (неизменно благоговей) в зрелом возрасте. Вся жизнь Погодин посвятил собиранию и изучению славянских древностей. При этом интересно, что он жил и творил в одно время с учеными, имена которых прочно вошли в учебники по истории языкознания: А. Х. Востоков, Н. И. Греч, И. И. Срезневский и др.

Таким образом, ранние труды М. П. Погодина не потеряли своей актуальности в наше время и могли бы быть включены в число филологических источников для исследований по истории русского языка, истории русской литературы. И даже сам стиль Погодина представляет интерес для исследователя: он пишет не красивыми фразами, а по существу вопроса, выдерживая строгую логику. Его советы и поучения

могли бы многому научить подрастающее поколение филологов, поэтому составленное нашим научным коллективом полное собрание историко-филологических трудов Погодина адресовано прежде всего филологам и историкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашков С. В. Дискуссия М. П. Погодина и М. А. Максимовича по варяго-русскому вопросу // Вестник ТГУ, Вып. 2(130), 2014. С. 158 – 163.
2. Пашков С. В. Дискуссия М. П. Погодина и Н. И. Надеждина по варяго-русскому вопросу // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. №1(198), Вып. 33, 2015. С. 86 – 89.
3. Плетнева А. В. Век полемик: дискуссия между Д. И. Иловайским и М. П. Погодиным на страницах московских журналов в первой половине 70-х гг. XIX века // Казанский педагогический журнал. №4-2(111), 2015. С. 423 – 429.
4. Погодин М. П. Замечание о Словенском языке // Московский Вестник. 1828. № 12. С. 395 – 404.
5. Погодин М. П. О происхождении имени Москва // Московский Вестник. 1829. Ч. 3. С. 86 – 89.
6. Погодин М. П. О разделении словенского языка на наречия. Отрывок из письма Добровского // Московский Вестник. 1827. № 13. С. 177 – 178.
7. Погодин М. П. О словаре митрополита Евгения (Ответ С. Д. Полторацкому) // Москвитянин. 1846. Ч. 2. №3. С. 265 – 267.
8. Погодин М. П. Об употреблении наречий. Уже и Еще // Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском Университете. М.: В Университетской Типографии, 1826. с. 169 – 182.
9. Погодин М. П. Откуда происходит имя Хамовников // Москвитянин. 1843. Ч. 6. №12. С. 414.
10. Погодин М. П. Переводы в прозе В. Жуковского. СПб., 1827. Т. 1 – 2 // Московский Вестник. 1827. № 23. С. 318 – 319.
11. Погодин М. П. Письмо к издателю о некоторых московских древностях // Молва. №25. 1834. Ц. р. от 22 июня 1834. цензор А. Болдырев. С. 377 – 379.
12. Погодин М. П. Предисловие к книге: Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей. М., 1845. Т. 1.
13. Погодин М. П. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Грекороссийской церкви. СПб., 1827. Т. 1. 343 с.; т. 2. 333 с. // Московский Вестник. 1827. №18. С. 187 – 193.
14. Суза Аделаида-Мария-Эмилия. Мария / Режим доступа: http://az.lib.ru/s/suza_a/text_1802_charles_et_marie.shtml
15. Толочко А.П. Спор о наследии Киевской Руси в середине XIX века: Максимович vs Погодин / А.П. Толочко. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1032945/12/Istoricheskaya_kultura_imperatorskoy_Rossii_Formirovanie_predstavleniy_o_proshlom.html
16. Фосс Юлиус Фон. Горный дух Ур в Гельвеции / Режим доступа: http://az.lib.ru/f/foss_j_f/text_1809_vom_berggeist_ur_in_gelvetien.shtml
17. Шатобриан Р. Приключения последнего Абенсеррага // Московский Вестник. 1827. №3. С. 172.

M. P. POGODIN'S EARLY PHILOLOGICAL ARTICLES

The article deals with the early publications of M. P. Pogodin, in which he reviews the "Historical Dictionary of the former Russian writers of the spiritual rank of the Greek-Russian Church". The article also analyzes the articles of this author concerning the issues of etymology, translation, history of Slavic languages. So M. P. Pogodin was not only historicist, but philologist too.

Key words: M. P. Pogodin, Philology, etymology, history of language.

УДК 372.881.161.1.

Л.В. Мельникова

Государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования»

**ЛАБОРАТОРНЫЕ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК
ПРОДУКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНТОВ**

Автор описал в статье методику использования лабораторных работ на уроках русского языка и занятиях по русскому языку в учреждениях высшего образования с целью формирования лингвистической компетенции учащихся и студентов; в качестве образцов предлагаются модели лабораторных работ (для учащихся основной и средней школы, для студентов, осваивающих курс «Методика преподавания русского языка в школе»), тексты, задания и вопросы для анализа, варианты предполагаемых ответов.

Ключевые слова: лабораторная работа, лингвистическая компетенция, текст.

Современная жизнь предъявляет выпускникам общеобразовательных организаций и учреждений высшего профессионального образования требования, которые можно охарактеризовать следующим образом: сегодня недостаточно быть просто знающим человеком, необходимо научиться применять свои знания, умения и навыки, быть компетентным и умеющим самостоятельно учиться. Подготовка к будущей профессии начинается в школе, поэтому требования к образованию сегодня меняют свои приоритеты. Меняются цели, задачи и содержание образования, появляются новые средства и технологии обучения. И всё же урок остаётся главной формой организации учебного процесса в школе, учебное занятие – в высшей школе. Реализовывать новые цели образования невозможно, если обучающийся пассивно усваивает готовые истины. Необходимо организовать самостоятельный поиск, в процессе которого приобретается опыт целеполагания, достижения поставленных целей, исследовательской деятельности, рефлексивной самоорганизации и самооценки, опыт коммуникативного воздействия, поэтому для развития личности обучающихся, формирования у них деятельностных способностей необходимо включать их в самостоятельную учебно-познавательную деятельность. Учителю (преподавателю) нужно выстраивать образовательную траекторию с учётом главного принципа системно-деятельностного подхода – научить учиться. Современный урок должен формировать универсальные

учебные действия, обеспечивающие обучающимся умение учиться, способность к саморазвитию и самосовершенствованию.

Одной из продуктивных форм учебной деятельности, с нашей т. з., является лабораторная работа на уроках русского языка в общеобразовательных организациях и занятиях по русскому языку в учреждениях высшего профессионального образования.

«Лабораторные занятия – лабораторные работы, один из видов самостоятельной практической и исследовательской работы учащихся в средней общеобразовательной, специальной и высшей школе с целью углубления и закрепления теоретических знаний, развития навыков самостоятельного экспериментирования» [2, с. 131]. Лабораторная работа может выступать в качестве метода, формы и средства обучения. Так, например, лабораторная работа как метод обучения имеет исследовательский характер, и высоко оценивается в дидактике [6, с. 188]. Она мотивирует обучающихся к осмыслению и изучению явления, применению добытых знаний к решению практических и теоретических задач. Лабораторные занятия (работы) широко применяются в процессе преподавания естественнонаучных и технических дисциплин. Чаще всего это фронтальная работа обучающихся, одновременно выполняющих одну и ту же работу. Такая форма организации учебной деятельности и такой вид работы достаточно хорошо описаны в научной литературе (Л.В. Глаголева, В. Гуревич, Т.А. Полякова, Н.И. Фирстова, Е.А. Широкова, Т.А. Ширшова). Вопросами изучения модели и содержания лабораторных работ занимались такие педагоги и психологи, как Ю.К. Бабанский, Л.П. Крившенко, Б.Т. Лихачев, С.А. Смирнов, В.А. Сластенин, П.И. Пидкасистый, В.Л. Полонский, Е.С. Рапацевич, И.Ф. Харламов и другие. Применением лабораторных работ для развития общеучебных умений на уроках, например, геометрии занимались такие ученые и методисты, как Г.В. Дорофеев, Ф.А. Орехов, С.М. Чукашцов, И.Ф. Шарыгин. В словарях наряду с терминами «лабораторное задание» и «лабораторный метод обучения» мы находим и следующее определение: «ЛАБОРАТОРНАЯ РАБОТА. Комплексная система *упражнений* (обычно в звукозаписи) с элементами *программирования*, которые проводятся во время аудиторных занятий под руководством преподавателя» [1, с. 131]. К сожалению, лабораторная работа как форма (тип) урока и лабораторная работа как этап урока (занятия) русского языка, как разновидность домашнего задания ещё не нашли достаточно применения в педагогическом сообществе. Практическим подспорьем для учителя и преподавателя является методический блокнот, подготовленный И.Ю. Гац [3]; рекомендации автора апробированы в общеобразовательных организациях и на филологическом факультете ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», дали хороший результат в направлении формирования лингвистической компетенции учащихся и студентов; идеи получили развитие, новое содержательное и технологическое наполнение.

Основная цель обучения русскому языку по образовательным программам среднего общего образования – формирование у учащихся навыков правильного и уместного использования языковых средств в разных ситуациях общения. В связи с этим особую актуальность приобретают различные активные формы обучения, которые углубляют знания школьников: семинары, практикумы, лабораторные работы, тренинги, дидактические игры, творческие мастерские. Так, например, лабораторная работа, которая включает в себе огромный потенциал развития исследовательских навыков учащихся, может применяться не только на этапе усвоения и закрепления, но и на этапе объяснения нового материала на уроках русского языка, т. е. на уроках «открытия» новых знаний, общеметодологической направленности, рефлексии, развивающего контроля. Содержанием лабораторных работ является материал для

самостоятельных наблюдений и выводов, ставящий перед учащимися учебно-научные и творческие задачи, обеспечивающий новое или более глубокое рассмотрение языковых явлений, известных и неизвестных школьникам. Лабораторным занятиям может быть посвящён весь урок (45 минут), это может быть часть урока (20-25 минут); лабораторная работа может являться домашним заданием (время выполнения – до 20-30 минут). Само задание должно включать этапы исследования: наблюдение и изучение фактов и явлений; выяснение непонятных явлений, подлежащих исследованию; выдвижение гипотезы; построение плана исследования; выяснение связей изучаемого явления с другими; проведение лингвистического эксперимента; решение лингвистической задачи; обобщение результатов и формулировка вывода, которые могут предъявляться как в устной, так и в письменной форме. На этапах усвоения и закрепления учебного материала учащиеся самостоятельно решают познавательные задачи на основе языкового анализа текста. Задачи лабораторной работы – «выработка практических умений в употреблении и квалифицированном анализе фонетических и грамматических явлений; обучение приёмам языкового анализа художественного текста; формирование умения пользоваться лингвистическими словарями и потребности постоянно обращаться к ним; отработка навыков устной речи»; выработка навыка грамотного письма, умения работать в паре и группе (сменной, негетерогенной) [3, с. 56].

При определении содержания лабораторных работ следует руководствоваться сквозными темами, к которым учащиеся обращаются при изучении разных разделов курса русского языка: к понятию языковой нормы, к вопросу теории и практики современной лексикографии, к лингвистическому анализу единиц разных уровней языка. Практические же занятия могут рассматриваться как подготовка учащихся к лабораторной работе, которая предоставляет большую самостоятельность школьникам при анализе языковых фактов и явлений. В ходе лабораторных работ учащимся можно предлагать следующие виды учебной деятельности: составление синонимических рядов или антонимичных пар, работа с лексическим тренажёром, решение словообразовательных, грамматико-орфографических, пунктуационных задач, композиционно-содержательный, сопоставительно-стилистический, типологический и др. анализы текста, конструирование, преобразование и редактирование текста, работа со словарями и справочниками, в т. ч. электронными.

В лабораторных работах можно использовать наглядные методы обучения, к которым относятся наблюдение, иллюстрация и демонстрация. В современной школе наглядные пособия являются не только средством иллюстрации, но и важным источником знаний. Особое внимание следует уделять демонстрационному эксперименту, который применяется как средство мотивации, иллюстрации к разнообразным мыслительным операциям (узнавание, понимание, применение, анализ, синтез, оценка), к соответствующим теоретическим положениям, как средство самостоятельного выявления непонятных явлений и установление связей межуровневого характера.

Уроки в форме лабораторной работы могут обеспечить следующие цели: повышение уровня знаний учащихся по русскому языку: постижение, прочное усвоение теоретического материала и овладение навыками грамотного письма и устной речи; включение полученных теоретических знаний и приобретённых умений и навыков в систему сознательной деятельности в ходе изучения разделов программы по русскому языку; воспитание самостоятельности: развитие навыков самостоятельно наблюдать, анализировать и обобщать языковой материал; совершенствование навыков самостоятельной работы с научной литературой, фактическим материалом, навыков

грамотного оформления полученных результатов, культуры научного изложения; приобретение навыков библиографической работы; развитие лингвистического мышления и формирование научного мировоззрения; совершенствование исследовательских навыков, связанных с узнаванием изученных категорий на основе анализа и синтеза; проверка прочности усвоенных знаний на основе лабораторного опробования; умение использовать полученные знания для решения определённой научной и практической задачи в результате лабораторного практикума; умение использовать различные приёмы распознавания ошибок и приёмы устранения ошибок; формирование языковой, лингвистической, коммуникативной и культурологической компетенций ученика.

Продуктивным приёмом работы с текстом является лингвистический эксперимент, который может проводиться в ходе анализа языка художественного произведения. Цель учебного эксперимента – обоснование отбора изобразительно-выразительных средств в предложенном для наблюдения и исследования тексте и установление внутренней взаимосвязи между языковыми средствами. Лингвистический эксперимент может проводиться двумя путями – от целого текста к его компонентам или от единиц языка к тексту: устранение данного языкового явления из текста; подстановка или замена языкового элемента синонимичным; распространение текста другими языковыми элементами; свёртывание текста; перестановка слов и других языковых единиц. Во время лабораторной работы можно предложить учащимся такие виды упражнений и заданий: составить текст определённого стиля, преобразовав текст одного стиля в другой (например, текст о вьюге/дожде/радуге в научном и художественном стиле); подобрать текст диктанта или изложения из изучаемого произведения с определённым видом орфограмм и пунктограмм и др.

Мотивацией к применению такой формы организации учебной деятельности обучающихся в педагогическом процессе можно считать и то, что для проведения лабораторной работы по русскому языку не нужно использовать специально подготовленное помещение. Достаточным является наличие различных видов словарей: орфографического, толкового, толково-сопоставительного, толково-грамматического, акцентологического, этимологического, фразеологического, лингвострановедческого и др.

С целью более активного использования лабораторных работ в качестве типа/вида урока (или его части) предлагаем рекомендации по проектированию их продуктивной модели.

Трёхчастная модель лабораторной работы, рассчитанная на парную или групповую учебную деятельность, может выглядеть следующим образом: первый блок – вопросы и задания общего характера, которые могут относиться к любому тексту, предложенному для данного исследования (для текста №№ 1, 2, 3 ...); вторая часть – сам текст для наблюдения (поэтический или прозаический текст/отрывок из него); третья часть – вопросы и задания для парной/групповой работы для конкретного текста (например, для текста № 3). Вопросы и задания первого блока должны быть рассчитаны как для устной, так и письменной работы учащихся. Их количество зависит от класса (возраста), степени подготовленности школьников к такому виду деятельности, от умения работать самостоятельно (индивидуально, в группах и парах). Оптимальное количество вопросов и заданий первого блока – 5-7; одно из заданий – выразительное чтение текста. Задания должны проверять уровень лингвистической компетенции учащихся и, по возможности, охватывать все изученные разделы программы по русскому языку. Второй блок лабораторной работы – текст для проведения мини-исследования. Материалы апробации на базе общеобразовательных

организаций позволяют сделать вывод о том, что учащиеся 5-7 классов наиболее продуктивно наблюдают за языковыми явлениями в поэтическом тексте (не более 3-4 строк), учащиеся 8-11 – в прозаическом (50, 70, 100, но не более 150 слов). Вопросы и задания третьего блока должны иметь практико-ориентированную направленность, развивать языковую и речевую компетенции, формировать лингвистическую и исследовательскую культуру учащегося; обязательным условием является мотивация работы с различными видами словарей; записи должны быть оформлены в тетради (классно-домашней или в специальной – для лабораторных работ и лингвистических наблюдений). Ещё одно условие успешной учебной деятельности – орфографическая и пунктуационная грамотность записей. Желательно включать в систему заданий проведение лингвистического эксперимента и лексического тренажёра.

Так, например, при изучении темы «Лексикология. Синонимическое богатство русского языка» в 10 классе учащимся в качестве лингвистического исследования можно предложить наблюдение за отрывком (адаптированный текст) из книги В.В. Набокова «Машенька»: «Он был богом, воссоздающим погибший *мир*. Он постепенно воскрешал этот мир, в угоду женщине, которую он не смел еще в него поместить, пока весь он не будет закончен. Но ее образ, ее присутствие, тень ее воспоминания требовали того, чтобы он и ее воскресил, – и он нарочно отодвигал этот образ, так как желал к нему подойти постепенно, шаг за шагом. Боясь спутаться, затеряться в светлом лабиринте памяти, он прежний путь свой воссоздавал осторожно, бережно. Он *медленно*, не спеша шел по широкой аллее, что вела от площадки дома в дебри парка. Он мечтал, надеялся встретить кого-то в парке – кого – он еще не знал» [5, с. 7.]. В первом блоке (задания для всего класса/группы) могут быть следующие задания: прочитайте текст, выделите главную мысль, определите стиль текста; дайте определение синонимии, найдите в тексте синонимы и объясните их функцию; составьте синонимические ряды с выделенными словами, дополните их, используя «Словарь синонимов русского языка», попробуйте заменить слово в тексте подобранными синонимами, сравните звучание измененных предложений; используя толковый словарь, определите значения неизвестных вам слов, подберите к ним синонимы; дайте определение антонимии, подберите к выделенным словам антонимы; выпишите синонимы, найденные в тексте, составьте с ними новый текст, озвучьте его перед классом/группой; подготовьте выразительное чтение предложенного текста. Приведем примеры заданий для одной из групп/пар: попробуйте представить, что могло вызвать в герое такие воспоминания, составьте и запишите небольшой текст; представьте и устно опишите аллею, по которой шел герой, используя синонимы; повторите описание, но уже без синонимов и ответьте на вопрос: есть ли разница между этими двумя описаниями? Второй группе/паре можно предложить следующий текст: «Этот *день* его, как и предыдущие, прошел вяло, в какой-то безвкусной праздности, лишенной мечтательной надежды, которая делает праздность прелестной. Бездействие, неподвижность теперь его тяготило, а дела не было. Подняв воротник старого, потертого макинтоша, купленного за один фунт у английского лейтенанта в Константинополе, и крепко засунув кулаки в карманы, он медленно, вразвалку пошатался по бледным, *светлым* апрельским улицам, где плыли и качались черные купола зонтиков, и долго смотрел на витрину паровозного общества, на чудесную модель Мавритании. А в глубине была фотография тропической роши, – шоколадного цвета пальмы на бледно-коричневом фоне» (В. Набоков). Задания для данного текста могут быть сформулированы следующим образом: дайте определение слову «праздность», используя толковый словарь; объясните, как вы понимаете словосочетания «безвкусная праздность», «прелестная праздность»; поясните, почему

автор использует в тексте разговорное «пошатался», замените его другим словом, сравните звучание; попробуйте представить, с какими мыслями шел герой по улице. Напишите небольшой текст, используя синонимы; прочтите этот же текст, но без синонимов, расскажите, что изменилось в звучании.

Учащимся 5 класса при изучении/повторении темы «Фонетика» можно предложить для наблюдения следующий текст:

Стучит по крыше монотонно,
Беззвучно льётся по стеклу,
Бурлит в канаве из бетона,
Бормочет в кадке на углу.

В полночной мгле свистит над полем,
Шуршит по листьям мокрых рощ...
Когда б я был собой доволен,
То как бы спал под этот дождь. (К. Ваншенкин) [4].

Общими для наблюдения за любым из предложенных во время лабораторной работы текстов могут быть задания, разработанные И.Ю. Гац: прослушайте стихотворение в актёрском исполнении; докажите, что текст является стихотворением (для этого расставьте ударения, обозначьте безударные и ударные слоги, сравните концы строк, объясните, что делает их созвучными (рифмованными)); в толковом словаре найдите значение неизвестных вам слов; используя «Словарь лингвистических терминов», подготовьте рассказ об основных признаках стихотворения – рифме и ритме; определите, какие звуки играют особую роль в стихотворении и почему, расскажите об этих звуках и их роли в тексте; подготовьте выразительное чтение данного текста; обозначьте орфограммы, подберите, где это возможно, проверочные слова; сформулируйте вопросы к тексту (возможен конкурс на самый лучший вопрос или самый интересный/правильный ответ) [3, с. 57-58]. Для работы в группе/паре предлагаются, например, такие вопросы и задания: о чём или о ком говорится в первом предложении? Почему нет подлежащего при шести сказуемых? Как эти сказуемые называются? На что автор обращает внимание читателя? Как произносится слово *дождь*? Докажите. Проверьте своё предположение по орфоэпическому словарю. Определите первое предложение по цели высказывания и по интонации. Почему оно заканчивается многоточием?

В помощь учащимся/студентам можно предложить опорные конспекты, алгоритмы, инструкции, карточки с лакунами (пропусками), технологические карты, критерии оценивания ответа, рекомендации, образцы выполнения заданий, различные виды словарей и др.

Преимуществом лабораторной работы является более подробное рассмотрение изучаемой темы, максимальная самостоятельность учащегося/студента в ходе наблюдения за языковым явлением, формирование и развитие универсальных учебных действий (УУД), например, навыка поисковой и исследовательской деятельности, оптимальное сочетание индивидуальной, парной и групповой работы, мотивация познавательной активности, выработка практических умений, эффективная работа с разными видами словарей, формирование лингвистической компетенции учащегося/студента, профориентационная направленность учебной деятельности. Лабораторные работы хорошо развивают способность думать и анализировать, а также делать выводы.

Дальнейшие исследования будут связаны с отбором текстов для проведения лабораторных работ со студентами-филологами, апробацией текстов,

описанием технологии решения познавательных задач на основе языкового анализа текста, разработкой критериев оценивания и технологических карт, составлением сборника лабораторных работ и рекомендаций по способам проведения данного вида деятельности и формы проведения занятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб: «Златоуст», 1999. – 472 с.
2. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. С. 131.
3. Гац И.Ю. Методический блокнот учителя русского языка. – М.: Дрофа, 2003. – 120 с.
4. Далёкий свет: Лирика. – М., 1985.
5. Набоков В. Машенька. – М.: Азбука, 2009.
6. Ширшова Т.А., Полякова Т.А. Лабораторные работы как средство мотивации и активизации учебной деятельности учащихся / Т.А. Ширшова, Т.А. Полякова // Омский научный вестник. – №4 (141). – 2015. – С. 188-199.

L.V. Melnikova

LABORATORY CLASSES ON RUSSIAN LANGUAGE AS AN EFFICIENT METHOD OF PUPILS AND STUDENTS' LINGUISTIC COMPETENCE DEVELOPMENT

The author describes the methodology for using laboratory classes in Russian language lessons at schools and higher education institutions with the aim of forming linguistic competence of pupils and students; models of laboratory tasks, texts, questions for analysis and key answers are offered as samples (for students at primary and secondary schools, for students mastering the course “Methods of Russian Language Teaching at School”).

Key words: laboratory class, linguistic competence, text.

УДК 81'276.2

М.Н.Мирза

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов, к. филол. н. И.А. Кудрейко)*

ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА ДОНБАССА

Целью статьи является исследование и описание просторечных явлений в речи жителей Донецка. В ходе работы проведено анкетирование среди студентов и людей старше 25 лет, использован лингвистический ассоциативный эксперимент, разграничена просторечная лексика на высшие и низшие реакции, а также на подгруппы. В исследовании сопоставлены в процентном соотношении данные возрастные категории и группы по количеству употребления просторечных слов и выражений, выявлена частотность использования частей речи, представленные испытуемыми как ассоциации к предложенным стимулам.

Ключевые слова: донецкое просторечие, лингвистический ассоциативный эксперимент, ABC-анализ.

Современный русский язык переживает существенные лексические видоизменения — лексемы из одного идиома языка переходят в другой, происходят внутренние заимствования. В этой динамической языковой системе важное место занимает просторечие. Нами было проведено анкетирование, на базе которого выявлена типовая система коммуникативного взаимодействия, отражающая мировоззренческие, нравственно-ценностные представления и установки респондентов. Существование представлений общества о мире становится тем образующим фактором, который способствует пониманию картины мира, отображению самосознания человека. Это самосознание исторически видоизменяется в ценностном, социальном и духовном смыслах, а, следовательно, заметна перемена и в речевой деятельности как и индивида, так и целого общества. Информанты, носители просторечия — это студенты, представители современных рабочих профессий, а также пенсионеры, которые проживают как и в сельской, так и городской местности Донбасса. Они составляют группу, социолингвистические характеристики которой являются фиксированными. В настоящее время проблема просторечия особенно актуальна. Актуальностью работы является исследование просторечия Донбасса, а именно, определение специфики просторечного словаря, обнаружение лексических и фразеологических просторечных единиц, особенностей их функционирования в речи студентов возрастом 18-20 лет и людей от 25 до 70 лет. Научная новизна работы заключается в том, что в ней представлен механизм по обнаружению, описанию и разграничению просторечных лексем и их форм.

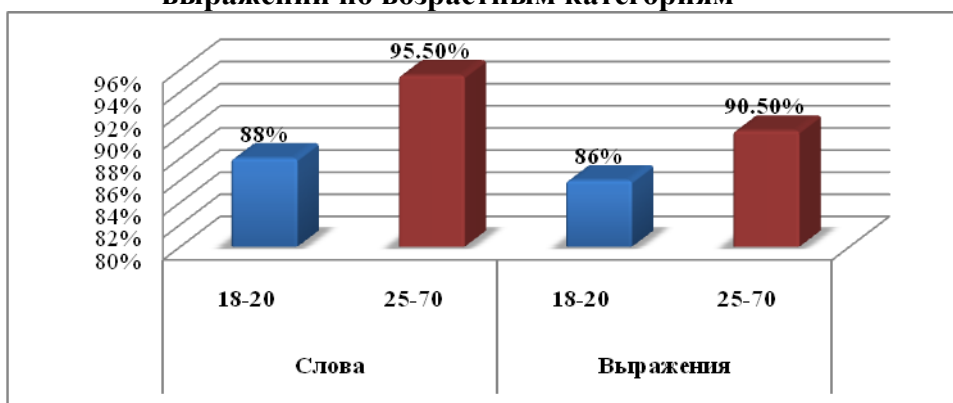
На данный момент в языке обнаруживается «стирание» границы между литературным языком и просторечием, жаргоном, разговорным языком. Это означает, что просторечие занимает переходное положение в системе русского языка: сближается и с жаргонами, арго, диалектами, и как с разговорной речью, так и с литературной. Просторечие используется людьми, недостаточно овладевшими нормами литературного языка. В рамках этого подхода можно выделить такие особенности просторечия, как отсутствие собственных норм и отклонение от норм литературного языка, наличие существенных территориальных особенностей, разнообразных стилевых, функциональных регистров, а также употребление преимущественно в устной форме, но возможно и в письменной, например в письмах, объявлениях, афишах. В просторечии наблюдаются переходные лексические явления, которые изменяются очень активно. В наше время сущность и специфика просторечия остаётся малоизученной, но в отечественной лингвистике просторечие не обойдено вниманием учёных. В Институте языкознания собирались материалы по "языку города" и "языку деревни". В 1928 году Б.А. Ларин обозначил проблему изучения "языка города" как третьего идиома, занимающего место между литературным языком и крестьянскими диалектами. В 1983 г. в серии «Русская разговорная речь» вышла книга о просторечии, которая подняла целый ряд проблем, касающихся его конституирующих признаков. Само слово «просторечие» образовалось из употреблявшегося в XVI-XVII вв. словосочетания «простая речь» и изначально рассматривалось как *«слово, грамматическая форма или оборот устной речи, употребляющиеся в литературном языке для сниженной, грубоватой характеристики предмета речи»*, — отмечает Ф. П. Филин [4, с. 273]. Исходя из этого, мы можем рассматривать просторечие и как стилистический приём, который намеренно употребляется в речи лиц, владеющих литературной нормой, для создания определённого колорита. В просторечии выявляется противопоставление литературного просторечия вневелитарному просторечию. В.В. Виноградов пишет, что просторечие — это язык *«народных масс,*

находившийся во взаимодействии с крестьянским языком» [1]. Таким образом, литературное просторечие можно трактовать как стилистическое средство литературного языка. На наш взгляд, просторечие — это ненормированный языковой микроидиом, имеющий территориальное ограничение и характеризующийся рядом особенностей на всех языковых уровнях: лексическом, грамматическом и фонетическом. Просторечие — это нелитературная форма существования национального русского языка.

Исследование городского просторечия является важным аспектом изучения просторечия в целом. Сам интерес к проблеме городского просторечия начал возникать со второй половины XX века. Определение особенностей городского просторечия интересно тем, что жители отдельного города пользуются достаточно цельным сформированным языком, но при этом речь каждого или отдельных групп людей может носить печать особенностей выработанной формы языка. Было проведено исследование, цель которого заключалась в том, чтобы показать, какую просторечную лексику используют в разговоре жители Донбасса. При этом дифференциация жителей производилась по возрастным категориям (18-20, 25-40, 41-70 лет) и по статусу (студент — работник — пенсионер). Количество респондентов составляет 64 человека: первая половина (32) — студенты филологического и экономического факультетов; вторая половина (32) — люди, находящиеся в следующих профессиональных сферах: воспитатель и его помощник, преподаватель, экономист, домохозяйка, техник-механик, электрослесарь по ремонту автомобилей, библиотекарь, практический психолог, педагог, юрист, филолог, а также пенсионеры. Материал для анализа отбирался по двум критериям: слова должны были быть маркированы как просторечные и разговорные; слова могут быть как моносемичные, так и полисемичные. Материал (просторечные слова и выражения) для анкеты мы частично заимствовали из словаря Г.В.Суковых [3]. Приведенная ниже диаграмма демонстрирует распределение использования просторечных слов по возрастам (18-20 и 25-70 лет) и по двум группам (просторечные слова и просторечные выражения).

Диаграмма 1. Распределение количества употреблений просторечных слов и выражений по возрастным категориям

В исследовании использован лингвистический ассоциативный эксперимент. Его цель состоит в построении и анализе ассоциативных взаимосвязей между словами, поиске закономерностей, обнаружении действительности сквозь индивидуальное видение ассоциативной картины мира. Ассоциации — это единство фактов, предметов и явлений, которые воссоздаются в сознании, закреплённых в памяти человека посредством социума, культуры и менталитета. Ассоциативный эксперимент — это «выявление связей представлений, обусловленных предыдущим опытом и благодаря которым одно представление, что появляется в сознании, вызывает на основе

сходства, смежности или противоположности другое» [2, с. 45-54]. Процедура ассоциативного эксперимента включает следующие этапы:

1) **построение ассоциативного поля.** Эксперимент проходил в свободной форме, то есть испытуемым не ставились никаких ограничений на реакции. Каждому испытуемому давались 200 слов и 7-10 минут на то, чтобы для каждого слова-стимула написать одно слово-реакцию, которое первым пришло в голову по прочтении слова-стимула;

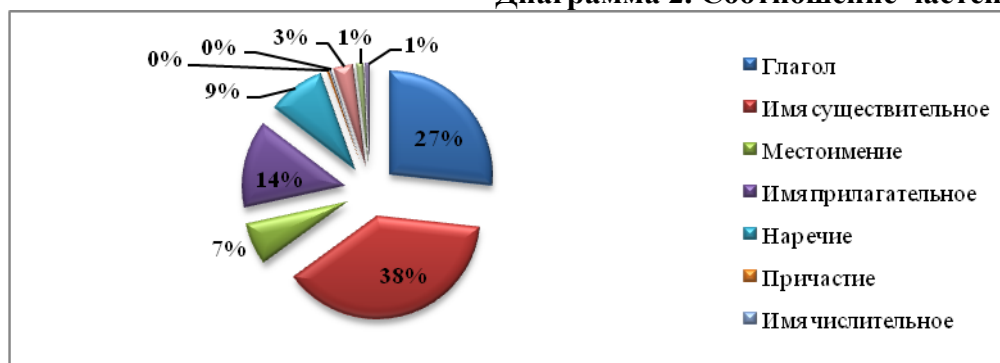
2) **статистика количественных показателей полученных реакций.** После проведения эксперимента сначала подсчитывалось общее количество реакций на предложенное слово-стимул. Далее следовало преобразовать количество использованных слов в процентном соотношении по возрастным категориям;

3) **когнитивная интерпретация ассоциатов.** Выделенные на предыдущем этапе реакции группировались по отдельным когнитивным признакам. Слова-ассоциаты выполняют здесь функцию языковых средств вербализации;

5) **построение модели ассоциативного поля;**

Итак, ассоциативные исследования направлены на поиск концептуальной и семантической структуры памяти человека. Исходя из реакций на стимул, были выделены части речи, которые использовались респондентами.

Диаграмма 2. Соотношение частей речи

Наиболее употребляемая часть речи – частица *не* (количество использования— 31). Также большое количество использований имеют предлоги: *на* (29), *в* (13), *до* (12); имя существительное: *без умолку* (9), *человек* (7); местоимения: *ты* (8), *какой-то* (6), *какая-то* (5); глаголы: *пришла* (10), *уснуть* (2).

Для определения частотности и разделения просторечных слов и выражений мы использовали **АВС-анализ**. Это экономический анализ, в основе которого лежит принцип Парето — 20 % всех усилий дают 80 % результата. Но в нашем случае этот метод способствовал разграничению просторечной лексики на высшие и низшие реакции, а также их подгруппы. АВС-анализ — это, в нашем случае, анализ просторечной лексики путём деления на три категории:

- **А** — наиболее употребляемые, 20 % — просторечная лексика; 80% — употребление
- **В** — промежуточные, 30 % — просторечная лексика; 15% — употребление
- **С** — наименее употребляемые, 50 % — просторечная лексика; 5% — употребление

Порядок проведения АВС-анализа строился таким образом:

1. **Выбор объекта анализа** (просторечные слова и выражения) и **параметры анализа** (возрастная категория, частотность).

2. Подсчёт общего количества использования каждого просторечного слова и выражения.

3. Составление рейтинговых списков объектов. Список формировался по убыванию значения параметра.

4. Рассчитывание доли параметров от общей суммы параметров с накопительным итогом. Доля с накопительным итогом высчитывается путём прибавления параметра к сумме предыдущих параметров.

5. Выделение группы А, В и С. В данном этапе присваиваем значения групп выбранным объектам.

Исходя из результатов АВС-анализа, в статье приведены те реакции, которые являются наиболее употребительными. В возрасте 18-20 лет преобладает использования просторечных слов, которые относятся к какой-либо сфере (*стипуха* (28), *прикольно* (28), класс, *классный* (26), *зачетка* (25), *инет* (19)) и имеют оценочный формант «грубости» (*халява* (20), *ржать*, *хавать* (19), *шарить* (15), *заколебать* (14), *тусовка*, *тусоваться* (13), *понтоваться*, *понты гнать* (11)). Респонденты, возраст которых составляет 40-70 (лет), используют уже более давние просторечия, которые применялись в речи советского времени (*душа-человек* (4), *мелочь пузатая* (4), *фонарь под глазом* (3), *как аукнется, так и откликнется* (3), *заживем как люди* (2), *а я почем знаю* (2), *муж – объелся груш!* (2)). Испытуемые возрастом 25-40 лет используют такие просторечные слова, которые употребляют как студенты 18-20 лет, так и люди 40-70 лет: *пока* (7), *выделываться* (7), *инет* (4), *прыткий*, *посиделки* (3). В работе приведены примеры слов, на которые было указано наибольшее количество реакций.

К высшим речевым реакциям отнесены:

1) обобщенные, когда ответ содержит качественную характеристику предмета, явления: *тряпка* (о человеке) – «просто», «слабохарактерный», «мягкий», «недостойный», «неуверенный», «нерешительная», «а не мужик»; *пичкать* – «что зря», «едой», «много», «информацией», «едет внука», «ребёнка»; *маршрутка* – «приходит», «едет» (количество употреблений –2), «сломалась», «приехала», «городская», «прибыла»; *беспредел* – «из ряда вон выходит», «какой-то» (2), «полный», «везде», «в комнате», «творится»; *тараторить* – «на уроке», «без умолку» (3), «без остановки» (2), «слишком быстро»; *инет* – «медленный», «пополнить», «отключили», «тормозит», «не работает»; *зачетка* – «в деканате», «заполнена», «студента (2), «в вузе»; *балдеть* – «красиво», «от конфет», «от безделья», «от наслаждения»; *холодрыга* – «мороз» (2), «на улице» (4), «осенняя»;

2) индивидуально-конкретные, когда исследуемый в ответ называет притяжательное местоимение: *гляделки* – «мои», *дурья* – «башка твоя», *зачетка* – «моя», *пока* – «мой брат!», *предки* – «мои», *физиономия* – «твоя», *барахло* – «моё», *кулёк* – «наш порвался»;

3) абстрактные – когда в ответ, исследуемый называет слово, которое выражает по отношению к слову-раздражителю родовое понятие: *гляделки* – «игра», *маршрутка* – «транспорт».

По качеству ответов наших испытуемых в высшие речевые реакции мы выделяем обособленно от «притяжательных местоимений» ещё две группы – местоименные и синонимичные.

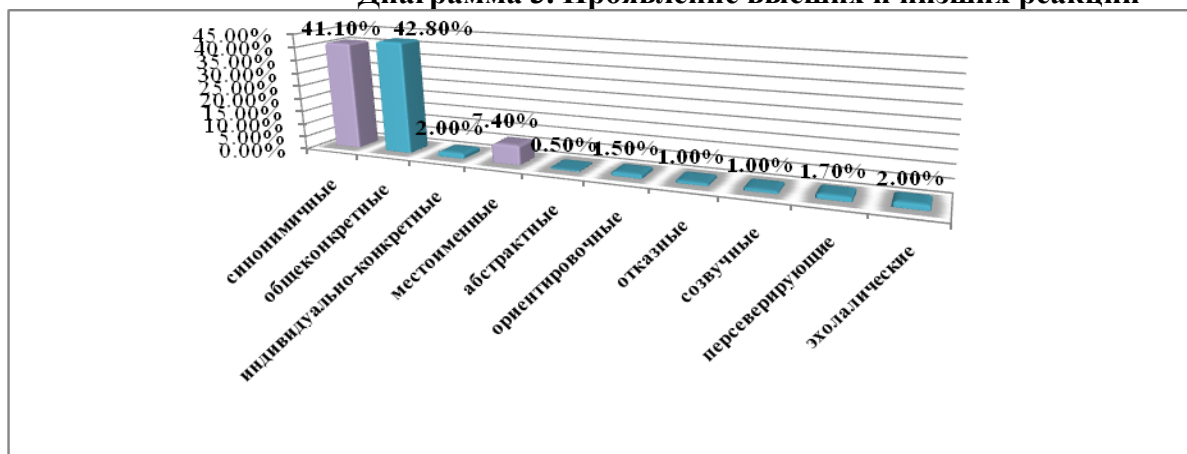
В местоименной группе мы выделили такие наиболее использованные слова: *задолбать* – «всех и вся», «меня», «захотел меня»; *скучно* – «с тобой», «такой», «ты такой»; *чушь* – «несёшь», «мне рассказываешь», «мне в уши»; *жмот* – «такой ты», «ещё тот»; *пацан* – «какой-то», «ты»; *гонит* – «на другого», «она»; *дохляк* – «я»; *клево* – «мы поём». В синонимичной группе преобладают приведённые ниже

слова: **бесшабашный** – «беззаботный», «бестолковый», «обезбашенный»; **задолбать** – «довести до предела», «замучать», «утомить»; **гулянка** – «прогулка», «весёлый день», «отдых»; **горланить, гавкать, рывкнуть** – «кричать», «говорить»; **борзеть** – «наглеть», «переступить черту дозволенного»; **прикид** – «внешний вид», «одежда» (2); **физиономия** – «лицо» (2), «фейс»; **похавать, хавать** – «покушать», «кушать»; **чересчур** – «более чем», «много»; **дрыхнуть** – спать (2); **зырить** – смотреть (2); **задубеть** – замёрзнуть (2);

Низшие речевые реакции включают следующие варианты ответов:

1. ориентировочные – вместо ответа исследуемый задает вопрос: **квасить, реветь** – «не надоело?» (2), **стипуха** – «когда?», **мямлит** – «что ты мямлишь?», **барахло** – «собрали?», **обдурить** – «надумали?»;
2. отказные: **врать** – «не надо», **покамест, рыпаться** – «не буду» (2);
3. созвучные (ответ в рифму: **авось** – «небось»);
4. персеверирующие (на два, три и более слов-раздражителей исследуемый отвечает одним и тем же словом): **безбашенный** – «человек», **непутёвый** – «человек»; **заначка** – «у мужа», **гаркать** – «на мужа», **непутёвый** – «муж»; чепуха – «какая-то», чушь – «какая-то»;
5. эхολалические:
  - а) повторение слова-раздражителя (**мямлит** – «что ты мямлишь?»);
  - б) повторение слова-раздражителя + ответ (**попрошайка** – «попрошайка на улице» (3); **дрыхнуть** – «дрыхнуть до обеда» (2); **дурында** – «дурында странная» (2); **потасовка** – «потасовка на улице»; **зачётка** – «зачётка книжка»).

Диаграмма 3. Проявление высших и низших реакций

В целом, мы можем сделать вывод о том, что наиболее многочисленная подгруппа – это синонимичные (41,1%) и общеконкретные (42,8%), относящиеся к высшим реакциям. Наименее частотная подгруппа – отказные (1%) и созвучные (1%), которые относятся к низшим речевым реакциям. Экстрасигнальные, междометные реакции в анкетах наших испытуемых отсутствуют. Также по данным нашего исследования не фигурируют атактические низшие речевые, что говорит об отсутствии диссоциированного мышления у респондентов.

В анкетах у испытуемых была возможность предложить свои варианты наиболее употребляемых слов и просторечных выражений. Исходя из этого, распределены ответы по возрастным категориям: **18 лет:** *тыры-пыры, бла-бла-бла, вседела, блин, капец, баба, препод, студак, пуся, додик, чухня, класс, дура дурацкая, Шо? Капшо, какой, поц, симпотный, чел, базаришь, канешина, моросит*; **19 лет:** *отсюдова, дурак*

дураком, пыркаться, красотка, студак, какой поц чел, базаришь, дурдом какой-то, короче, тупа, ужас; 20 лет: ёханный бабай, пахан, нормас, родаки, магаз, тралик, базарить, ор, орать, велик; 25 лет: дичь, клепать, бахнуть, капец, фишка, филонить, дурка, дурдом, стипа, конса, репать, вякать, поклади; 40-70 лет: ёханный бабай, як раз, якраз и т.д.

В структуре национального языка просторечие занимает особое место. Современное просторечие – достаточно распространённое явление живой речи носителей русского языка. Исследование просторечной лексики проведено на материале анкетирования, выявлены особенности функционирования речи и её особенности. Был использован лингвистический ассоциативный эксперимент. Использование просторечной лексики дифференцировано по возрастным категориям (18-20 – 25-70 лет) и социальному статусу. Используя АВС-анализ, установлено, что высшие речевые реакции преобладают над низшими. Просторечные слова и выражения используют жители Донбасса, обладающие разными социальными и возрастными характеристиками и проживающие как в городском пространстве, так и в сельском. Данные наблюдения позволяют говорить о просторечии как о потенциальном факторе, оказывающем влияние на речь студентов и людей старше 25 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В.В. Виноградов. – М., 1982.
2. Климкова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте / Л.А. Климкова // Филологические науки. – 1991. – № 1.
3. Суковых Г.В. Внеклассная работа по русскому языку. Словарь просторечий и просторечных выражений [Электронный ресурс] / Суковых Г.В. – Электрон. текстовые дан. – Россия, Тюменская обл, Казанский р-н, 2013.
4. Филин Ф. П. Просторечная лексика // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. – М., 1979.

M.N.Mirza

VERNACULAR LEXIS OF DONBASS

The aim of the work is to identify the vernacular speech features of the residents of Donetsk. The study consists in conducting a survey among students and people over 25 years of age, using a linguistic associative experiment, and also in distinguishing between the common language and vocabulary into higher and lower reactions, as well as subgroups. In the course of the work, these age categories and groups by the number of usage of colloquial words and expressions were compared in percentage, the frequency of use of parts of speech, presented by the subjects as associations to the proposed stimuli, was revealed.

Keywords: *Donetsk vernacular, linguistic associative experiment, ABC analysis.*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные тенденции функционирования языка интернет-коммуникации на лексическом, фонетическом, стилистическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: *интернет-коммуникация, интернет, общение, прагматический потенциал*

Целью данной статьи является изучение основных тенденций функционирования языка в интернет-коммуникации. Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач: определить основные функции интернет-коммуникации; выделить лексические, фонетические, грамматические и стилистические особенности интернет-коммуникации.

Несмотря на кажущееся изобилие работ, исследующих разные стороны интернет-коммуникации, работ по лексическим, фонетическим и стилистическим аспектам насчитывается немного. Виртуальное общение достигло одного уровня с реальным общением, а соответственно, изменения в этих формах коммуникации взаимодействуют друг с другом.

Рост информационных технологий значительно изменил нашу жизнь. Глобальная сеть изначально имела только одну функцию – передача данных, сейчас Интернет используется для хранения информации, для рекламы, торговли, развлечения, а главное – для коммуникации. Всё чаще реальное общение заменяется другой формой – виртуальной коммуникацией со своими правилами, лексическими, фонетическими, грамматическими и стилистическими особенностями.

Как отмечает О.В. Лутовинова, коммуникация в Интернете трансформируется в особую разновидность «устно-письменной речи» [3]. Исследователь разделяет устную и письменную речь, как противоположные, но при этом тесно взаимодействующие друг с другом формы коммуникации. Но, исходя из многих особенностей речи в сети Интернет, нельзя отрицать, что написанный текст, вбирает в себя устную интонацию и эмоции. О.В. Лутовинова пишет: «Несмотря на то, что при общении в интернете канал связи предполагает письменную фиксацию производимых коммуникантами текстов, онлайн-общение воспринимается пользователями Сети как разговор, а не как письмо» [3, с.58].

Текст в интернет-коммуникации – это читаемое с определённой интонацией письменное сообщение. Эта особенность интернет-коммуникации во многом отражается с грамматической стороны.

Первой, наиболее распространённой особенностью языка в сети, является нарушение правил орфографии – частое отсутствие заглавных букв, начало предложения или строки, имя или фамилия, город или страна, всё это может быть написано со строчной буквы. Например, «ещё не понятно, поедет оксана в киев сама или с серёжей». Но благодаря активному использованию гаджетов, в которых присутствует автоисправление на заглавные буквы имён, стран и слов в начале предложения, эта проблема начинает уходить на второй план. Для участников

интернет-коммуникации существует одно правило: «Как слышится, так и пишется», например, *«ничиво нинада»*.

Такой же распространённой ошибкой является отсутствие мягкого знака в конце существительных женского рода, например: *ноч (ночь), мыш (мышь)*, и в конце глаголов на шипящую: *делаеш (делаешь), еш (ешь), несёш (несёшь)*.

Игнорируется не только мягкий знак, но и твёрдый. Причём здесь его отсутствие заменяется двумя способами:

1. Слово пишется целиком, а на месте твёрдого знака ничего не возникает *подехать (подъехать), обявление (объявление)*;

2. Твёрдый знак заменяется пробелом, отделяя префикс от корня: *под езд (подъезд), двух ярусный (двухъярусный)*.

Помимо ошибок, которые допускались и до появления коммуникации в Интернете, возникает особый вид слов – эрративы [1]. Эрратив - намеренная ошибка носителем языка, знающим правильность написания слова. Самые распространённые эрративы: *«красавчег» (красавчик), аффтор (автор), прифет (привет), деняк (денег)*. [1]

Правила пунктуации вовсе могут игнорироваться, но это не значит, что пользователи – участники коммуникации – не знают правил. Знаки препинания в виртуальной реальности расставляются не в соответствии с правилами пунктуации, а по ощущениям пишущего: где бы он сделал паузу, а где бы говорил быстрее. Точки заменяются разрывом предложений, посредством переноса следующего предложения на другую строку, либо предложения разделяются на разные сообщения:

«Я ничего не делал

Не было желания»;

«Ты могла успеть»

«Надо было раньше проснуться».

Эмоциональное наполнение предложений в интернет-коммуникации напрямую связано со знаками пунктуации, так, точка может выражать злость, гнев, указание на нежелание продолжать диалог. Вопросительные и восклицательные знаки практически перестают существовать в текстах интернет-коммуникации. Либо наоборот, используются совсем не по правилам. Восклицательные и вопросительные знаки могут находиться и в начале, и в середине, и в конце предложения, акцентируя внимание на чём-либо, а также употребляться в больших количествах. Например, *«Настя!!! И когда ты мне собиралась это сказать????»*.

Запятые расставляются по интонации пишущего, либо могут совершенно отсутствовать в тексте. К примеру, обращения совершенно не выделяются запятыми, либо выделяются тире: *«Давай быстрее – Катя – автобус уже подъехал»*. Многоточия могут указывать на настроение пишущего (мрачное, грустное, мечтательное), либо на его состояние (сонное) [3, с.63].

Синтаксис интернет-коммуникации отличают следующие характеристики: предложения во время виртуального общения чаще всего являются простыми, не загруженными разного рода речевыми оборотами. Общение в Интернете по своей скорости соотносится с устной формой общения, поэтому предложения создаются прямо здесь и сейчас, без времени на обдумывание.

Благодаря онлайн коммуникации, адресату не обязательно каждый раз указывать на определённые объекты, уточнять время, место и т.д. Распространённой особенностью общения в сети Интернет является использование эллипсиса, т.е. многие слова в высказывании могут быть опущены.

С лексической точки зрения можно наблюдать не менее значимые изменения в языке интернет-коммуникации. Глобальная сеть во много раз ускорила передачу сообщений, язык в интернет-коммуникации сталкивается со значительной экономией речевых средств. Наиболее распространенные сокращённые слова в интернет-коммуникации: *прив* (от слова *привет*), *норм* (*нормально*), *нрав* (*нравится*), *жиза* (*жизненно*), *админ* (*администратор*), *крос* (*красавчик*).

Сокращение распространилось и на часто употребляемые словосочетания. К примеру, праздники Новый год и день рождения стали обозначаться аббревиатурами НГ и ДР. Домашнее задание преобразовывается в ДЗ, а выражение может быть в мб (*may be*). Приобретает популярность исключение из слов гласных букв: *спс* (*спасибо*), *пжлст* (*пожалуйста*), *крч* (*короче*), *нзчт* (*не за что*), *бл* (*блин*).

Высокая эмоциональность передаётся междометиями, звукоподражательными восклицаниями, например, «*ooo*», «*mmm*», «*aaa*», «*ахаха*», «*хмм*». Это подтверждает тот факт, что язык, используемый в интернет-коммуникации вбирает в себя одновременно письменную и устную речь.

Интернет привёл и к пополнению речевых ресурсов, т.к. глобальная сеть даёт возможность мгновенной связи на огромных расстояниях и убирает языковые барьеры. Русский язык в сети Интернет пополняется заимствованиями, преимущественно из английского языка. Например, слова «*окей*», «*гоу*» (*go*) и «*хай*» уже укоренились в русском языке и их сложно назвать неологизмами.

Наиболее распространёнными являются прямые заимствования. Это слова *хайп* (от англ. *hype*) – ажиотаж на пустом месте, *хейт* (от англ. *hate*) – осуждение, ненависть; *лайфхак* (от англ. «*life*» – *жизнь* и «*hack*» – *взлом*) – эффективное решение какой-либо проблемы, упрощающее жизнь, *фейк* (от англ. *fake*) – фальшивка.

На просторах интернета в речи русскоговорящих пользователей появляются кальки с английских слов: *пранк* (от англ. *prank*) – розыгрыш; *рофл* (от англ. аббревиатуры ROFL - *Rolling On the Floor Laughing*, что переводится, как «кататься по полу от смеха») – шутить; *плиз* (от англ. *Please*) – пожалуйста; *бан* (от англ. *ban*) – ограничение каких-либо прав пользователя в сети.

В результате неологизации появляются слова: *флексить* (от англ. *to flex*) – танцевать, «изгибаться под музыку», *читерить* (от англ. *cheat* – «мухлевать, жульничать») – мошенничать, обманывать в компьютерных играх с использованием специальных программ, *чиллить* (сокращение от англ. *I'm chilling* – я отдыхаю), значит отдыхать, расслабляться.

В русскоговорящем сегменте Интернета встречаются аббревиатуры английских выражений. Например: *gg* – *good game* – *хорошая игра*, *ez* – *eazy* – *проще простого*, *gl* – *good luck* – *удачи*, *omg* – *oh my god* – *о боже мой*.

Язык в Интернете отделился от русского литературного языка, практически не имеет запретов, в том числе и на ругательные слова. В речи пользователей часто встречаются маты. Анонимность позволила людям любого возраста общаться так, как они хотят, не соблюдая никаких норм приличия.

Одним из способов выражения эмоций в интернет-коммуникации является написание слов, словосочетаний или предложений исключительно заглавными буквами, это подчёркивает экспрессию высказывания, такие выражения называют «кричащими». Например: «**Почему ТЫ НЕ МОЖЕШЬ МЕНЯ ВЫСЛУШАТЬ?**» - «**Не ори на меня!!!**».

Отличительной особенностью выражения эмоций в Интернете является использование смайлов, эмоджи, стикеров. Это небольшие изображения, чаще всего рожицы, выражающие какое-либо эмоциональное состояние пишущего. Но и этот

способ стал слишком сложным для пользователей, и его пришлось упростить. Коммуниканты в Интернете нашли максимально быстрый способ выражения эмоций – скобка. Правая скобка будет означать хорошее настроение, позитив и т.д., а левая – грусть, злость, чем больше скобок, тем сильнее передаваемая эмоция, например, «Я так рада была тебя видеть»); «Сегодня был ужасный день»).

В интернет-коммуникации встречается «избыточность» речевых средств, которая выражается тавтологией, дублированием словосочетаний и предложений: «Привет) Мне как бы... как бы нужна твоя помощь.... Помощь нужна очень срочно... ОЧЕНЬ.» Избыточность может выражаться в ненужном дублировании, затягивании слов, как в устной речи: «Нууууу, давай не будеееем».

Бесспорно, язык в интернет-коммуникации стремительно меняется, пополняясь новыми словами, выражениями, нормами, выражая современные особенности общения. Эти изменения происходят на лексическом, фонетическом, грамматическом, синтаксическом уровнях и требуют детального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы: доклад, прочитанный в Fitzwilliam College (University of Cambridge), 29 августа 2008 года / URL: <http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm>
2. Дубина Л.В. Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации / Л.В. Дубина. – Томск, 2012. – С. 177 – 178.
3. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации//Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-ustno-pismennaya-sistema-kommunikatsii>.
4. Трач А.С. Особенности использования письменной речи в сети интернет. - Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

Ie. S. Ovsyanaya

MAIN TENDENCIES OF LANGUAGE OPERATION ON THE INTERNET COMMUNICATION

The article discusses the main trends in the functioning of the language of Internet communication at the lexical, phonetic, stylistic and syntactic levels.

Keywords: *internet communication, internet, communication, pragmatic potential*

СТОРИТЕЛЛИНГ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР РУССКОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются основные языковые черты креолизованных текстов, относящихся к востребованному речевому жанру бизнес-коммуникаций в современном интернет-общении – сторителлингу.

Ключевые слова: речевой жанр, генристика, интернет-общение, сторителлинг, бизнес-коммуникации.

Как самостоятельный тип коммуникации русскоязычное интернет-общение сформировалось в последнее десятилетие XX века. Его эволюция насчитывает несколько этапов: электронная почта, интернет-доставка, форумы, социальные сети, мессенджеры.

В эпоху массового увлечения перепиской на форумах и публикациями в предтече современных соцсетей – «Живом Журнале» – пользователи Рунета конструировали своеобразный игровой вариант собственного коммуникативного поведения, вербальный образ [4; 8, с. 112]. Исследователи назвали его «виртуальной языковой личностью» [2, с. 6].

В отличие от реальной языковой личности, создаваемой неповторимостью комбинации социально-психологических характеристик языкового сознания индивида [10, с. 114], сетевой персонаж базировался на моделях коммуникативного поведения, не свойственных пользователю, являлся его «коррективом к неудовлетворяющей действительности» [1, с. 105]. У одного коммуниканта могло быть более тридцати таких идентичностей [3, с. 248].

Часть из них участвовала в формировании так называемых «комплексных языковых личностей» [11]. Они складывались в коммуникативном пространстве сетевого сообщества, члены которого объединялись на основе общности мировоззрения [6, с. 341]. К их числу относят таких персонажей, как «хакер», «чайник», «ламер», «программист» (или «программер»), «администратор» («системный администратор», «сисадмин»), «модератор», «чаттер», «флудильщик», «спамер» и «падонок» [4; 5, с. 489]. Они сформировали актуальные для того времени лингвокультурные типажи [13].

В социальных сетях люди, как правило, регистрируются под настоящими именами, общаются со знакомыми, продвигают свои проекты и бизнес. Это приводит к тому, что в этом коммуникативном пространстве реализуется их реальная языковая личность

При этом посты, публикуемые коммуникантами в соцсетях, неоднородны в плане генристики. Это преимущественно креолизованные тексты, которые разнятся от однострочных посланий наподобие твиттов до масштабных повествований – «лонгридов». Значительную часть последних составляют образцы сторителлинга (сторитейлинга) – сравнительно нового явления для традиционной русской лингвориторической культуры. Существует два типа данного речевого жанра: развлекательный и лидерский [12, с. 99].

Канон развлекательного сторителлинга сложился в русле мировой лингвокультуры. Начало его формирования относится к периоду, предшествовавшему первой коммуникационной революции, связанной с появлением языка и письменности. Древние люди «рассказывали» истории посредством невербальной коммуникации – с помощью жестов, мимики, поз, прикосновений и танцев.

В основе современного развлекательного сторителлинга лежат классические труды по сценарному мастерству, театральной и кинодраматургии. Согласно основоположникам этого вида словесного искусства, «стереотипные истории остаются там, где появляются на свет, а архетипичные отправляются в путешествие» [7, с. 11].

В этом случае адресант создает занимательную историю, заставляя адресата следить за перипетиями сюжета и изменениями судеб героев. Характерно, что в коммуникативном пространстве социальных сетей наиболее популярными блогерами, пишущими в этом речевом жанре, являются профессиональные сценаристы, зачастую продвигающие за счет публикуемых коротких бытовых зарисовок свой личный бренд и творческие проекты в Сети.

Лидерский сторителлинг отличается от развлекательного принципиальной установкой автора «раскрыть стремления, убеждения и подлинное “я” самого себя и своей команды» [12, с. 20]. Его образцы предназначены для достижения конкретных задач коммуниканта: формирования имиджа бренда, разработки бизнес-стратегий, повышения уровня вовлеченности персонала, партнеров, клиентов и т.д. Их канон сложился в сфере бизнес-коммуникаций в русле американской лингвокультуры, где под сторителлингом понимают процесс и результат рассказывания смешной, трогательной или поучительной истории с реальными или вымышленными персонажами, которое позволяет эффективно преподнести информацию слушателям. Иными словами, в данном случае речь идет о коммуникационной методике, которая применяется, в частности, для создания продающих текстов, позволяющих связать предпринимателя с потенциальными потребителями его товаров и услуг в Сети.

Важно отметить, что в русскоязычной блогосфере адресантом соответствующих сообщений, как правило, являются не профессиональные сторителлеры, нанятые крупными компаниями, или SMM-менеджеры корпоративных аккаунтов, продвигающие бренды в соцсетях. Это прежде всего собственники малого бизнеса, прошедшие обучение у создателей бизнес-курсов для начинающих предпринимателей (например, Михаила Дашкиева, Татьяны Маричевой или Тимура Исякаева из «Бизнес молодости» и т.д.). Они следуют изученному на курсах канону написания продающих текстов, реализуя глобальное коммуникативное намерение «запустить цепную реакцию» репостов истории о своем стартапе, поскольку у них нет денег на традиционную коммерческую рекламу в соцсетях. Указанная коммуникативная цель предопределяет тематическую принадлежность соответствующих сообщений к историям об идентичности, отвечающим на вопрос «Что значит быть нами?», а, точнее, к их распространенному в лидерском сторителлинге подтипу – историям о происхождении (бизнеса, команды, проекта или карьеры).

Интересно, что вопреки канону историй об идентичности, сложившемуся в русле американской лингвокультуры, истории российских пользователей не посвящены рассказу о том, что было актуальным и ценным для автора в начале пути к успеху и осталось значимым, несмотря на обретение богатства и опыта. Они также не содержат описание времени, когда главный герой, его единомышленники или организация показывали лучшее, на что способны [12, с. 44]. Их нарративная (от лат. *narrare* ‘рассказывать’) структура включает воспоминание автора о начале своего пути к успеху, непременно дополненное специфическими текстовыми элементами. Их

наличие обусловлено глобальным коммуникативным намерением автора повисить интерес потенциальных клиентов к своему бизнесу и условиями интернет-общения.

Важно отметить, что тексту, как правило, предшествует интригующий заголовок (ср.: *РИСК РАДИ МЕЧТЫ; ЭЛЕКТРИК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ЧУТЬ БОЛЬШЕ!*; *РАЗБИТЬ МАШИНУ И НАЧАТЬ БИЗНЕС; ПУБЛИЧНЫЙ ПОСТ НЕПУБЛИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА; А ТЫ ДАВНО ВСТРЕЧАЛАСЬ С ПОДРУГОЙ?*), набранный заглавными буквами. В этой роли может выступать измененный прецедентный феномен. Так, один из наиболее популярных в Сети сторителлингов, посвященным стартапам, озаглавлен *Лучший друг невест*, что отсылает читателя сразу к двум нашумевшим голливудским фильмам с актерами первой величины – «Лучший друг» и «Свадьба лучшего друга». Они знакомы девушкам, которые выходят замуж, и, следовательно, заставляют их обратить внимание на соответствующий текст в информационно насыщенной ленте новостей.

Наше исследование показывает, что во многих случаях за заголовком следует призыв дочитать пост до конца. Зачастую он сопровождается намеком на так называемое «первое бесплатное предложение», которое пользователь делает читателям, поставившим ссылку на его пост, в конце (ср.: *Прочитав текст до конца, вы не потеряете время зря, а скорее даже получите что-то полезное для себя. А так же у меня есть для Вас бонус в конце поста; Дочитай до конца!* *В конце тебя ждет СюРпРааайЗ! Возможно мой пост соберет вас снова вместе!*).

Характерно, что в этом случае пользователь может демонстрировать стремление к солидаризации с партнером по общению (ср.: *Прошу дочитать до конца всех, кто когда либо стеснялся*), в том числе с помощью специфических обращений (ср.: *Друг, ты прочитаешь это до конца, потому что в конце будет интересно; Друзья, если хотите в любой момент получить бесплатную консультацию по вопросам электроснабжения*, *автоматизации* *и энергетике*, *то прочтите эту историю до конца, вы все поймете, тем более что я старался писать интересно; Прочитай до конца, брат*), или шокировать адресата речевой агрессией. Характерно, что в этом случае ее может сопровождать этикетная формула, в результате чего возникает игровое рассогласование элементов фразы и пренебрежением нормами речевого этикета [9, с. 346] (ср.: *Не будь гадом! Дочитай до конца, пожалуйста!*). Перечисленные языковые средства позволяют автору учесть специфические условия протекания коммуникации в социальных сетях и установить связь с удаленным адресатом общения.

Дело в том, что, читая свою ленту новостей, пользователи видят лишь два абзаца лонгридов и пролистывают посты, которые не привлекли их внимания началом. При этом, как утверждают интернет-маркетологи, человек, который прочел пятьдесят слов, прочтет и пятьсот. Поэтому авторы сторителлинга стремятся достичь наибольшей языковой выразительности в начале поста, чтобы адресат нажал на ссылку «Read more». Этому, в частности, способствует антонимия (ср.: *Моя жизнь состоит из двух больших этапов. Я их называю ДО и ПОСЛЕ. Прочитай этот пост до конца, мне это очень важно! А твоя жизнь не будет прежней!*) и фразеология (ср.: *Думаю, многие найдут в этой истории ключи к себе. Поэтому ПРОШУ дочитать и поделиться с вашим окружением РЕПОСТОМ!*).

В целом контактоустанавливающую функцию могут выполнять такие единицы языковой экспрессии, как диминутивы (ср.: *Собираться с подружками за бокалом* *вина или чашечкой* *чая, конечно, приятно, но уж больно однообразно и не так весело*), неологизмы (ср.: *Я всегда любила* *и сейчас люблю "посиделочки-трынделочки"*; *А что если собраться в классном шоу-румчике и перемерить все*

наряды 🧴👗, сделать профессиональный макияж 💄 и укладку, попозировать перед фотокамерой, поболтать, 🗣️, посмеяться; 🏠 После выплаты долга за автомобиль (Кредит бабушкобанку) осталось около 80 000Р; Наша бодрая команда на выходе из Луклы. 18 девочек, влюблённых в горы и с большой мечтой – увидеть Эверест), элементы просторечия (ср.: **Чего уж**, моим кумиром тогда был Джим Керри!), жаргонизмы (ср.: А для самых внимательных в конце поста от меня припасен **ништячок!**; В радиотехническом институте о будущем было ничего не ясно, и во время диплома в мозгу промелькнула мысль, что быть проектировщиком современных микрочипов - очень сложно, и **ОЧЕНЬ круто!**; Площадка для продаж должна быть **заточена** под конкретную ЦА и контент должен отвечать ее ожиданиям), арготизмы (ср.: Акцент пришлось продать **коцанным**, как есть (Спасибо, Глеб). 😊) и прецедентные феномены (ср.: Работать над начинкой спутников на микроэлектронном предприятии, о котором формально “ничего нельзя рассказывать”, это же прямо приближение **судного дня** и **восстания машин** собственными руками!; Чего уж, моим кумиром тогда был **Джим Керри!**; Причем взрослые дети как раз и помогают им находить нужную информацию в Сети, но решение о сделке исключительно за ними – теми, кто и в **избу войдет**, и **коня остановит**; Считаете меня **Кэпом**? Но почему до сих пор ведете свой бизнес «поколхозному»? Развиваться легко – думайте о клиенте и продукте).

Наименее шаблонной является часть, в которой сторителлеры говорят о своем прошлом и поворотном моменте, заставившем их работать на себя, заниматься бизнесом (ср.: 😞 Но в голове так и сидит мысль, что я что-то делаю не так. Я хочу заниматься другим. **И тут появляется известная всем фраза "я не хочу работать на дядю"**. Только, что мне теперь делать с этой мыслью, если я всё это время готовился к тому, что бы как раз на него работать?; Почему простое желание обзавестись домашней птицей переросло в полноценный бизнес? Все просто – **в этой нише был настоящий «колхоз» и захотелось это изменить**). Важно отметить, что воспоминание всегда строится по законам сюжетной арки Аристотеля, т.е. предполагает нарастание, вершину и спад напряжения, драматический конфликт. Его кульминация – нахождение своей ниши:

Мы ринулись в райцентр, чтобы в назначенное время взять десять кур-молодок со скидкой, еще и петуха получить в подарок. С небольшим опозданием подъехала машина с кучей замученных кур в тесных клетках. Сразу отовсюду появились несколько активных бабушек с корзинами и ящичками, оттеснили нас подальше, чтобы мы не мешались с расспросами. На торговлю отводилось всего полчаса. Мы провели их в очереди и в набегах на окрестные магазины в поисках подходящей коробки.

В итоге на приготовленные деньги мы смогли купить всего 4 пожилых курицы. Вместо молоденьких здоровеньких птичек предлагались отжившие свой век полторагодовалые куры с птицефабрики по цене в 3 раза выше, чем в объявлении. Одна из них сдохла в тот же день. Остальные долго хандрили, линяли, ничего не ели и плохо неслись вплоть до своей естественной смерти в следующем году.

По словам других покупателей, это – норма. Но мы-то, избалованные городской жизнью, знали, что бывает иначе и бизнес может быть другим.

Как правило, он связан с серьезным кризисом в жизни пользователя:

Это был конец мая 2014 года, когда моя карьера таксиста 🚕 рухнула, потому что за 4 дня со мной произошло 3 ДТП:

1 Сначала пьяные подростки на белой семерке без бампера вошли в поворот вслепую, чуть не задавив старушку с внучкой. Перед машины вписался, зад занесло и

ударило об мой припаркованный акцент. Я как раз шел из Пятерочки, но не смог их остановить, они умчались к другому "Красному-Белому".

2 На следующий день узбеки на шестерке решили повернуть направо во двор с левого ряда без поворотников. Получилось повернуть в меня К счастью, у одного из них были документы. Он решил стать виновником ДТП

3 Через день двое пьяных на мотоцикле с пивом и рыбой подъехали к светофору, загнулись об жигули, процарапали вдоль красивый Opel Insignia и упали. Мотоцикл застрял между двумя хундаями, парни укатились под задние бампера. Слева парню повезло, солярис принял мягко. Об мой бампер парень ударился сильнее. Была большая лужа пива и крови, рыба разлетелась по перекрестку. Мы вызвали скорую, парней увезли, они остались живы и скрылись от следствия.

Спад эмоционального напряжения позволяет пользователю вербализовать желаемое финальное впечатление о себе:

Сейчас я живу так, как хотела. Занимаюсь ЛЮБИМЫМ ДЕЛОМ – помогаю людям найти свой путь, лучше узнать себя и развить, решить те проблемы, которые им не под силу решить в одиночку. У меня есть разные навыки и умения, которые я использую в своей работе. Самое крутое чувство для меня, то от чего я ТАЩУСЬ и ВДОХНОВЛЯЮСЬ – это когда жизнь моих клиентов меняется, и они оказываются там, где мечтали, или получают то, что хотели.

Каждый раз, когда я слышу слова благодарности, я понимаю, что ЖИВУ НЕ ЗРЯ и это состояние не купить ни за какие деньги. Наверно поэтому я больше не могу просто работать на работе только ради денег. Не вкусно это мне. Мне нравится помогать людям развиваться, совершенствоваться и становится автором своей жизни.

Оно становится попыткой пользователей преодолеть специфику интернет-коммуникации – общение с удаленным партнером, сформировать привлекательную виртуальную идентичность, чтобы найти «своего» клиента, взаимодействовать с которым будет комфортно и прибыльно:

💰 На данный момент я профессиональный фотограф, моя точка А составляет 50-65 тысяч рублей (средняя зарплата в Челябинске 35 тысяч), я ни на кого не работаю, в основном я сотрудничаю. С каждым клиентом я выстраиваю доверительные, профессиональные, выгодные, дружеские отношения.

Я зарабатываю на съёмке еды и напитков (меню, каталоги), репортажная съёмка (свадьбы, мероприятия, праздники, светские события) а так же съёмка интерьера/экстерьера. <...>

✅ Сейчас я нацелен на новый уровень. Один из его шагов, это крупные клиенты предприятий, где нужно правильно организовать фотосъёмку больших объёмов. На очереди уже есть несколько таких клиентов, но этого не достаточно.

Далее следует просьба о репосте и бесплатный первый шаг – подарок или услуга, которые пользователь обещает за размещение ссылки на его сообщение в Сети (ср.: Всех, кто не останется равнодушным и сделает репост этой записи я буду рада угостить чашкой кофе ☕; Всем, кто сделает репост, 📌 подарю приглашенный билет на один из девичников!; Друзья, пожалуйста, сделайте репост этой записи. В свою очередь, я готов каждому дать бесплатную консультацию по вопросам электроснабжения, энергетики и другим смежным направлениям. Просто напишите мне в личные сообщения, буду рад помочь. 🙌🏻).

Важно отметить, что, как креолизованный текст, продающий сторителлинг всегда сопровождается фотографией автора (зачастую в рабочей обстановке) и смайликами.

В целом лидерский сторителлинг для малого бизнеса в Рунете как нарративная структура представляет собой скорее не единый речевой жанр, а речевое событие, обсуживаемое комплексом жанров, в том числе рассказом, рекламой и просьбой (их могут дополнять другие, скажем, пожелание: *Всем любви, теплых встреч и добра!*). Распространенность таких постов в русскоязычном секторе Интернета, стремление овладеть навыком написания таких текстов, присущее все большему количеству пользователей, и малоизученность этого языкового явления в отечественной науке о языке обуславливают необходимость исследования сторителлинга в рамках дискурсивной лингвистики, медиалингвистики, психолингвистики и других лингвистических дисциплин. Очевидно, что оно будет способствовать всестороннему научному пониманию специфики протекания бизнес-коммуникаций в активно развивающемся и все более востребованном коммуникативном пространстве социальных медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – 416 с.
2. Горошко Е.И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) // Общение, языковое сознание и межкультурная коммуникация. – М., 2005: <http://www.textology.ru>
3. Капанадзе Л.А. Структура и тенденции развития электронных жанров // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 246-256.
4. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» / Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 170-174: <http://www.philology.ru>
5. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «Падонак» // Ethnohermeneutik und kognitive Linguistik. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2007. – (Reihe «Ethnohermeneutik und kognitive Linguistik»). Bd. 12. Herausgeber der Reihe: Н. Barthel, Е.А. Pimenov). – S. 488-497.
6. Макаров М.Л. Жанры в электронной коммуникации // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: Колледж, 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 339-354.
7. Макки Р. История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 456 с.
8. Резанова З.И., Мишанкина Н.А. Метафора в виртуальном дискурсе (на материале чатов) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть II: Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 107-118.
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
10. Седов К.Ф. Языковая личность в ракурсе речевой биографии // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-7 февр. 1997 г. / ВГПУ. – Волгоград: Изд-во Перемена, 1997. – С. 114-115.
11. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): <http://planeta.gramota.ru>
12. Хатченс Д. 9 техник сторителлинга: Руководство для инноваторов и создателей идей. – Минск: Попурри, 2016. – 208 с.: ил.

13. Шаповалова Н.Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета): дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2008. – 200 с.

N. D. Shapovalova

STORYTELLING AS A SPEECH GENRE INTERNET COMMUNICATION

The article deals with the main language features of creolized texts related to the popular speech genre of business communications in modern Internet communication – storytelling.

Key words: *speech genre, genre studies, Internet communication, storytelling.*

УДК 81-2

Ляньцэнь Ван

Юго-Западный университет КНР

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПИЩА» «НАПИТОК» В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлено исследование и описание основных семантико-прагматических и национально-культурных характеристик концепта «пища» и «напиток» в русском и китайском языках. Данная работа поможет восполнить недостаточные знания специфических названий блюд и напитков в двух языках, познакомит с культурой питания двух стран. Она может быть использована в области перевода и методики преподавания языка.

Ключевые слова: *лексико-семантическое поле, пища, русский, китайский язык*

Термин «поле» введен в лингвистику Г.Ипсеном, который рассматривает поле как общность лексем, выделяемых на основе интегральных семантических признаков. Теоретическое осмысление семантического (понятийного) поля берет начало в концепции Й.Трира. данный исследователь определяет поле как упорядоченную структуру комплекса понятий, обладающих рядом общих признаков. Понятийное поле по мнению Й.Трира соотносится с лексическим полем[2]. традиционно под семантическим полем понимается комплексная иерархически структурированная, системно организованная, незамкнутая языковая единица, элементы которой объединены общностью инвариантного смысла и наличием семантических связей [4] Семантическое поле представляет собой группу слов, близко соносимых по значению и подпадающих под определение общего термина. Целью анализа семантических полей является выявление всех слов, принадлежащих данному полю, и отношений каждого из них друг к другу, а также к общему термину[1].

На современном этапе развития лингвистики выделяют следующие типы семантических полей: функционально-семантические поля; ассоциативно-семантические поля; лексико-семантические поля. Рассмотрим их:

—функционально-семантическое поле - термин функциональной грамматики, базирующаяся на определенной семантической категории группировка средств различных уровней языка, а также комбинированных языковых средствах, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. Данная единица

обладает как планом выражения, так и планом содержания, то есть является двусторонним единством; имеет полевую структуру (имеет центр и периферию). Ядро функционально-семантического поля составляют единицы морфологического и синтаксического уровня. Словообразовательные и лексические средства составляют периферию поля.

—ассоциативно-семантическое поле как комплексная языковая единица имеет план выражения, представленный его лексико-фразеологическим составом, и план содержания, включающий стереотипные образные представления, отражающие различного рода связи, в которые вступает слово и речь, и способ их воплощения в языке.

Лексико-семантическому полю присуща иерархическая организация, основанная на многообразии лексем-компонентов, которые объединены на базе инвариантного значения для отражения конкретной сферы понятий. Все лексемы, входящие в состав лексико-семантического поля, указывают на одно интегральное понятие и добавляют к нему частные значения.

Традиционно единицей деления лексико-семантического поля принято считать лексико-семантическую группу (ЛСГ). Китай и Россия - это соседние дружественные державы, имеющие древнюю историю. Из-за различий местности, особенностей климатических условий и культурных обычаев в двух странах зародились отличные друг от друга культурные питания. Целью нашего исследования является анализ семантических полей категории «пища» и «напиток» в русском и китайском языках с точки зрения особенностей значений слов, входящих в эти группы.

В китайском языке в семантическом поле «пища» имеется три лексико-семантические группы : основные блюда , вспомогательные блюда и лакомство. В лексико-семантическую группу «основные блюда» в китайском языке входят рис, продукты из муки(лапша, лепёшки, пирожки и др.); в лексико-семантическую группу «вспомогательные блюда» входят горячие, готовые мясные закуски, а в лексико-семантическую группу «лакомство» входят чипсы, жаренная картошка, сушеные фрукты, десерты, сладкое и пирожное, хлеб, печенье и сыр др.

В русском языке семантическое поле «пища» имеет 4 лексико-семантические группы: кондитерские изделия, суп, холодные блюда , горячие блюда . Такой анализ позволяет нам выделить ряд существенных отличий в семантике слов, входящих в ЛСГ «пища» в двух языках. Прежде всего это лексем основных блюд: рис-для китайского языка, хлеб для русского языка.

Это связано с китайской культурой питания. Зерновые культуры в Китае являются главными продуктами питания, комбинированно используются основные и второстепенные продукты питания. Основными готовым блюдами в китайской кулинарной традиции считается горячие, готовые блюда. У русского человека главными продуктами являются хлеб и молоко, второстепенные продукты- мясо, рыба, курица, яйца и овощи. Особое внимание уделяется “легкой” еде (различные холодные блюда), а также супам с зеленью.

Мы рассмотрели и разделили на 9 лексико-семантических групп названия блюд и напитков в русском и китайском языках. Материал привлекался из семантический словарь современного китайского языка(苏新春 现代汉语分类词典 商务印书馆2013)[6] и русского семантического словаря. Русские лексические единицы, номинирующие блюда и напитки, по тематико-когнитивным блокам, были рассмотрены и распределены О.Г.Савельевой[3.с.132]

1. Название блюд по основному ингредиенту: каша (гречневая, ячневая,

овсяная), хлеб (постной ,черный , пшеничный, ржаной,белый,)крупник (густой суп из крупы пшена), щавельник, медовуха, хлебный квас, шоколадный мусс, ромовая баба, свекольник, макароник, курник(пирог), рыбник(пирог), раковый суп голстейнский, рисовые крокеты, сметаник.

2. Название блюд по способу приготовления: мясо (тушенное, жаренное,) овощи на пару, вареники, затирка (клёцки), яйцо фаршированное, поджарка, огурцы маринованные, яблоки мочёные, капуста квашеная, сушеные грубы, солёные помидоры, рыба вяленая, ветчина вареная, жарёха, заливное запеканка, заправка, зразцы рубленные, отбивная котлета, жаркое.

В китайском языке для названия блюд используются сочетание иероглифов материалы способ приготовления : 辣子鸡丁(жаренная курица кубиками с перцем), 青椒土豆丝(жаренная картошка в форме соломки с зеленым перцем), 铁板牛柳 (жаренная говядина на горячей железной плитке), 水煮鱼 (вареная рыба с перцами) , 酸菜鱼 (варённая рыба с квашеной капустой) ,糖醋鲤鱼 (карп в кисло-сладком соусе) ,炒鸡蛋西红柿 (обжаренное яйцо с помидором в масле при постоянном помешивании) , 炒西兰花 (обжаренная спаржевая капуста ломтиками в масле при постоянном помешивании) ,烤乳猪 (жаренный молочный поросенок) , 酱牛肉 (туплинная говядина в соевом соусе) ,炆土豆丝(добавление приправа в предварительно отваренная картошка в форме соломки) , 爆炒鱿鱼 (кальмар при быстром обжаривании на сильном огне в масле) , 溜肝尖(обжариванная печень свинья в форме ломтиков в масле с соусом), обжаренный 锅塌豆腐(соевый творог в кляре из яйца в масле на медленном огне) , 氽羊肉(быстро отваренная баранина в кипящей воде),烤鱼(выпеченная рыба), 拌黄瓜 (добавление приправ в свежий огурец) .

3.Название блюд по различным событиям,торжествам и праздникам:пасхальный кулич, поминальная кутья, свадебный каравай, свадебные шишки,На севере Китая в праздник Новый год традиционное блюдо- пельмени,а на юге Китая – пирожное из клейкого риса 年糕, варёные клецки Таньюань汤圆(праздник Фонарей), сладкий зелёный рисовый шарик青团 (праздник Цинмин), Цзунцзы粽子(праздник Дуану или Драконьих лодок), лунные пряники月饼(праздник Луны или Середины осени) ,пяτισлойный пирог重阳糕 (праздник Двойной девятки), круглый ушки Хунтоны馄饨(праздник Зимнего солнцестояния Дунчжи冬至), праздничная каша из риса и бобов腊八粥(праздник Лаба).

4.Название блюд по форме изготовления : хлеб подовый (круглый), хлеб формовой (кирпичный),печенье «звёздочка», печень «рамашка», пирожное кольцо с орехами, колечки с корицей, пирожное корзиночка с желе и фруктами, пирожное полоска с помадкой, ушки с грибным фаршем, а в китайском языке не таких слов:таньюань(тан в значение суп, юань в значение круглое),кусковой сахар方糖.

5.Название по вкусовым качествам: квашенная капуста, огурцы солёные. В китайском языке есть кислые овощи(на севере их делают из китайской капусты, на юге из brassica juncea芥菜, имбирь в кисло-сладком бульоне,острая капуста辣白菜, горький чай, сладкий чай,филе под кисло-сладким соусам, жаренная

капуста с уксусом. 辣子鸡丁(жаренная курица с перцами)¹, 麻婆豆腐(жаренный соевый творог с острым соусом), 糖醋鱼рыба под кисло-сладким соусом, помидоры соленые.

6. Название блюд по месту приготовления: тульский пряник, рассольник ленинградский, лобио(грузинское блюдо), харчо(суп с рисом, армянский), утка по-пекински. Существуют так называемые восемь видов китайской кухни: сладкая кантонская , известная своими нежными и хрустящими блюдами, анхойская, ароматная , сладкая и свежая фуцзянская, масляная и разноцветная хунаньская кухня, кухня цзянсу, необычная шандунская - именно там готовят суп из акульих плавников и ласточкины гнезда, острая и жирная сычуаньская, известна сохранением исходных вкусов блюд и виртуозной работой ножом и чжэцзянская, где основным материалом явилось морские продукты. Отсюда делаем вывод, что определение название места происхождения блюд китайской кухни даёт нам понимание вкусовых качеств. Сычуанская –острая, шандунская –солёная, анхойская-ароматная.

7. Название блюд по времени приготовления: холодец(только зимой готовят), суп летник, салат зимний и летний, борщ холодный, а 冰糖葫芦(бинтан хулу - засахаренные фрукты на палочке), традиционное зимнее лакомство в Китае. Блюдо готово, когда сироп затвердеет. Число плодов на палочке обычно не превышает 6-7 штук, длина батата-10-15 см. Особой популярностью засахаренные фрукты на палочке пользуются на севере Китая. Они появляются в лавочках уличных продавцов в осенне-зимний период и пользуются спросом у населения всех возрастов.

8. Название блюд по именам собственным в русском языке :Беф-Строгонов-по имени французского повара графа Строганова, который придумал рецепт, Салат Оливье –в честь своего создателя повара Люсьена Оливье, державшего в Москве в начале 1860-х годов ресторан французской кухни «Эрмитаж», торт Наполеон, связывают с приготовлением его во время празднования ста лет с момента изгнания французского императора и его армии из России. Конечно, во Франции и Италии он не стал Наполеоном. Там - это «Мильфей», знаменитый слоеный десерт , десерт Павлова, салат Цезарь- был назван в честь создателя американского повара итальянского происхождения Цезаря Кардин. Наверно, в западных странах существует история о репутации повара.

В китайском языке названий блюд по именам очень мало, исключение: свинина Дунпо. Аппетитное блюдо носит имя своего создателя Су Дунпо, знаменитый поэт в династии Сун. Как гласит легенда, однажды Су Дунпо решил пригласить друзей к себе в гости. Он положил локоть свинины в кастрюлю с приправами, чтобы угостить гостей. Но после того, он пошёл играть в шахматы с соседями и забыл про неё. Когда гости пришли и он вспомнил о ломте свинины, подумал , что блюдо испорчено, а получилось очень вкусно- особый вкус блюду придала поджаренная корка. Второе название - МаПо Доуфу麻婆豆腐-известное далеко за пределами Китая блюдо сычуаньской кухни. Это стало одним из символов этой региональной кухни. Его создателя фамилия Чэнь, у нее лицо в осипинах(по китайски 麻子), и назвали ее Чэнь мапо, и блюдо получило название МаПо Доуфу.

9. Название блюд по способу употребления: в китайском языке есть шо чжуа фан-плов, шо в значение рука, чжуа в значение брать, фан в значение отваренный рис, т.е есть руками отваренный рис. В китайском языке 汤 обозначает суп, сам иероглиф состоит из двух частей :вода и чаша, вода считается основным материалом, поэтому китайцы говоря «пить суп», а в русском языке говорят «есть суп».

---

¹ По традиции используются несколько видов перцев и много, поэтому с перцами (мн.число)

Название китайских блюд разнообразны, существуют некоторые названия блюд образованы не по вышеописанным способам. По их названию мы не можем понять какое это блюдо. «муравьи взбираются на дерево». Блюдо делается из прожаренного риса со специально приготовленной острой мясной подливкой. Еще пример, «битва дракона с тигром». Это блюдо, компонентами которого служат змеиное мясо (символ дракона) и мясо, специально откормленной кошки (символ тигра). Холодная закуска под названием «павлин распускает хвост». Это блюдо сделанное из 15 компонентов, в том числе утиного мяса, ветчины, свиного языка, перепелиных яиц, мяса крабов и огурцов, в форме распушенного хвоста павлина. По традиции китайцы считают, что павлин символизирует добро, красоту, благоприятие и роскош. В Китае принято назвать блюдо с помощью названия растения, животного, нефрита, пейзажа и слово, который имеет элитные, тонкие и благоприятные значения, дающие активные ассоциации. Есть такой известный суп под названием «котлеты четырех счастливых». Это четыре шарика из мясного фарша и других приправ, обжаренные в масле и отваренные на пару. Четыре шарика символизируют четыре счастья в понимании китайского народа: благополучие, карьеру, долголетие и богатство. «Курица победячки». Рецепт приготовления этого блюда имеет интересную историю. Какой-то нищий украл цыпленка, но приготовить ее ему было не в чем. Тогда бедняк, обмазал её глиной и запек в костре. Теперь повар по данному рецепту делает разнообразные начинку. Особое блюдо г. Фучжоу (фотьяоцян) 佛跳墙 «будда перелетающий через стену». В состав блюда входят следующие продукты: акулий плавник, акулий губы, рыбий плавательный пузырь, морские ушки, кальмар, морской трепанг, китайские шампиньоны и др. Соответственно блюдо получилось очень вкусно, даже монархи, понюхав его, и не выдерживали такой вкус и переплыгли через стену, чтобы попробовать.

В китайском языке имеет два лексико-семантических поля: напиток и алкоголь. Русский и китайский языки принадлежат к разным языковым группам. В русском языке можно с помощью прибавления к основным значениям слова множества аффиксов образовать слово, например к слову “жарить” с помощью аффикса получается *пожарить, выжарить, прижарить, ужарить* пожарить, прижарить, нажарить, пережарить, дожарить, отжарить, при этом их похожи на китайские кулинарные значения «炸» и «煎». В китайском языке словосложение является основным способом образования слова. Вино по китайски будет (пуао цю)葡萄酒, главный иероглиф цю, т.е это тип алкоголя, пуао по-русски - виноград. Слово «вино» по-китайски образуется из двух частей: материал +алкоголь. Желтое вино –это самый древний сорт китайского вина, делается из риса, цвет его желтый. В китайском языке это словосочетание образуется тоже из двух частей : цвет +алкоголь. Пиво по китайски будет (пи цю)啤酒. Пиво в начале 20 века привезли в Китай, заимствованный напиток. (Пи)啤 в китайском словаре нет такого иероглифа, в начале жители в г. Циндао называли пиво как “皮酒”“比酒”, по фонетическому принципу, потом люди оценили вкус пиво опьяняющий как проникнуть в сердце и селезенку(по-китайски脾), превратили пиво как «脾酒», в конце концов решили, что пиво все таки напиток, люди выпивают его через рот (по китайски-口), и получилось новый иероглиф啤.

В китайском языке напитки обозначают только безалкогольные, в которые входят соки (яблочные, вишневые, апельсиновые, персиковые, кокосовые, виноградные), морс, соевое молоко, чай и кофе. Алкоголь по китайски будет (цю)酒, соответственно нет категория как алкогольные (酒)напитки, потому что китайцы считают, что напитки и

алкоголь две разные семантические категории. В китайском языке слово «пиво» «вино» «желтое вино» образуется из двух частей: материл (вкус, цвет) + алкоголь (цзю), поэтому китайцы относят к вину (красное, белое, желтое), пиву как к крепкому алкоголю, также как к водке и коньяку. Самая известная китайская элитная водка Маотай, названный в честь городка Маотай в провинции Гуйчжоу, где производится. Само название образуется из двух частей: Маотай (место производства) + алкоголь (цзю). название сортов китайской водки – топонимы: Сифэн (уезд Фэнсянь в провинции Шанси), Лан цзю (уезд Эрлан в провинции Сычуань), Сифэн цзю (город Фэнсянь в провинции Шанси).

В России названия сортов вин, коньяков, минеральных вод – топонимы: вино «Бурлунское» (по имени французской провинции Bourgogne), «Донское» (по названию реки Дон), коньяк «Гурзуф» (посёлок городского типа в Крыму), «Ереван» (столица Армении), минеральная вода «Ессентуки» – города – курорта Ессентуки на Северном Кавказе.

Чай – традиционный напиток Китая, его основные разновидности черный, зеленый, красный, белый и желтый. Чай – необходимый атрибут любой встречи. Существует множество способов обработки чая, в том числе вяление, сушка, скручивание, ферментация и т.д. В зависимости от них получают множество чаев, названия которых чаще всего связаны с цветом.

Зеленые чаи богаты витаминами и полезными веществами с высоким содержанием кофеина. Имеют неяркий настой от желтоватого до зеленого цвета, с ароматом и насыщенным вкусом. Красный чай самый популярный чай в мире.

Чай «Улун» по степени ферментации находится между зеленым и черным чаем. В России этот вид чая называется также красным. Они имеют неповторимый вкус. Улун назвал по имени создателя. Легенде гласит, что молодого крестьянина по имени Су Лун, он был смуглый и крепкий, поэтому прозвали его У Лун (в китайском языке (у) 烏 обозначает черный). Он жил в деревне в провинции Фуцзянь. Однажды он поднялся в гору собирать чай и встретил горную козу, долго охотился на нее. Когда домой уже было поздно, он угостил своей пайманей козу весь поселок и забыл о вялении чая на время. На следующий день они начали вяление вчерашнего чая и получили неожиданно очень вкусный чай.

Желтые чаи близки по своим характеристикам к зеленым. Производятся только в китайской провинции Фуцзянь. Название «Черный чай» в Китае встретилось в династии Сун, традиционно поставляют в приграничные районы для этнических меньшинств. К ним относятся пуэр, черный чай Хунань и др. Белые чаи распространены почти исключительно в Китае, они производятся из нежных полураспустившихся листочков. Процесс производства включает только завяливание и сушку. Белый чай можно отнести к самым редким и дорогим чаям, к тому же он весьма чувствительный к транспортировке и хранению.

В Китае принято называть чай по месту происхождения, потому что аромат чая зависит от земли. Всем известно чай Лунцзин (колодец Дракона). Этот чай растет в разных регионах, но особо ценится чай, которые производятся в горах около озера Сиху близ Ханчжоу, провинции Чжэцзян. Кроме того есть хорошие зеленые чаи Хуаншань маофэн, Синянь Маоцзан Пуэр-прессованный чай, изготовленный по специальной технологии из зеленого чая. Обычно чаи пуэр поставляются в виде различных прессованных форм-плиток, кирпичей, лепешек и т.д. Пуэр – южный поселок провинции Юннань, именно здесь главный торговый поселок и чайный рынок.

Таким образом, еда наиболее часто получают название по ингредиенту и способу приготовления и по вкусовым качествам в русском и китайском языках. Было выяснено, что в России распространено название по собственным именам и по форме, а в Китае это не так популярно. Еще было выяснено, что в китайском языке название чая традиционно по цвету и месту происхождения. Традиционно классификация чая имеет 6 видов: зеленый, красный, черный, белый, желтый и улун. А название напитка популярно по основному материалу, а название водки по топониму, другого алкоголя – по основному материалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка) / А.М.Кузнецов/М.:Наука, 1980. 160с.
2. Лавкова И.В. Лексико-семантическое поле «оказание материальной или вещественной помощи»/ И.В.Лавкова// Вестник Вуи Т, 2013.№3.- 147с.
3. Савельева О.Г. Концепт еда как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): дис....канд.филол.наук:10.02.19– теория языка /Савельева Ольга Геннадиевна/–Краснодар, 2006.–130с.
4. Хуан Чжунлянь, Лю Лифэнь анализ семантического поля кулинарных глаголов «жарить» в русском и китайском языках/ Чжунлянь Жуан //филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017.№11(77): в 3-х ч. Ч.2.-с.171-175
5. Черейко Л.О. Лингвистический анализ абстрактного имени./Л.О.Черейко/ М.,1997.-314с.
6. 苏新春 现代汉语分类词典 北京 商务印书馆. 2013. (Су Синчун Семантической словарь Современного китайского языка . Пекин: пресс Шану. 2013)

Liancen Wang

SOUTHWEST UNIVERSITY CHINA COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS OF "FOOD" "DRINK IN LEXICAL UNITS, LEXICAL-SEMANTIC FIELD IN CHINESE AND RUSSIAN

The article presents a study and description of the main semantic-pragmatic and national-cultural characteristics of the concept of "food" and "drink" in the Russian and Chinese languages. The findings help to fill the lack of knowledge of specific names of dishes and drinks in two languages, introduce the culture of the two countries and can be used in the field of translation and language teaching.

Keyword: *lexical and semantic field, food, drink, Russian, Chinese languages*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В СОВРЕМЕННОЙ МИФОЛОГИИ ДОНБАССА

В статье анализируется реализация концепта «страх» в современной мифологии Донбасса. Для анализа были выбраны три мифа, в которых ЭК (эмоциональный концепт) «страх» является основным. В ходе исследования были выявлены концептуальные поля ЭК «страх», установлен многокомпонентный характер ЭК «страх», который вербализуется лексемами, отражающими объект страха.

Ключевые слова: мифология, ЭК (эмоциональный концепт), концептуальное поле, тропы.

Каждая эпоха рождает свои мифы, легенды, сказания. Организующим концептом большинства мифов является концепт «страх». В исследовании концепта «страх» в мифологии можно отметить работы учёных: А.Ю. Каширина («Страх как культурная экзистенция современной мифологии»), И.В. Сапожниковой («К вопросу о сущности страха в мифологическом мышлении»), Л.А. Ван Хааске («Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи Высокого Средневековья») и др. Мифотворческий процесс особенно плодотворен в обществе, где происходят кризисные явления, смена приоритетов, социальные потрясения. В XXI веке такие явления происходят в Донбассе.

Исследованиями мифологии Донбасса занимались: И.С. Костыря, Е.Н. Ущাপовская, Е.Г. Коновалов, В.И. Подов, Б.Л. Горбатов. Однако, мифы Донбасса в ситуации социальных потрясений не были предметом изучения учёных, что и обуславливает **актуальность** нашего исследования. **Цель** исследования – выявление и фиксация концепта «страх» в мифах Донбасса в условиях социальных потрясений. Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1. Фиксация мифов Донбасса.
2. Выявление концептуального поля ЭК «страх».
3. Осмысление особенностей реализации данного концепта.

Изучение языка требует интегрирующего подхода, который учитывает достижения не только лингвистики, но и истории, этнографии, философии, фольклористики, психологии, культурологии и т.д. Легенды, сказки, мифы это базис любой культуры. Мифология является одной из самых ранних форм культуры, и одной из задач лингвокультурологии является изучение «концептов мифологического мышления как составляющей концептосферы национальной картины мира» [10, с. 3]. Новейший философский словарь под редакцией А.А. Грицанова определяет миф как «форму целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [2, с. 739]. Исследователь В.М.Найдыш считает, что «...мифология – первое объяснение мира, первичная форма переживания и понимания социальной реальности» [9, с. 274], с чем соглашалась Е.П. Филиппова: «миф – это форма

интерпретации окружающей действительности человеком, способ осмысления мира и формирования представлений о нем» [14].

Исследователь А.Ф. Лосев подчёркивает разницу между современными и древними мифами, считая, что «современные мифологические теории базируются исключительно на логических и психологических данных истории человеческого сознания, вследствие чего мифология истолковывается как тончайшее и высокоинтеллектуальное явление, каковой она вовсе не была в период дикости и варварства» [6, III., с. 457]. Современные мифы не так устойчивы, как мифы древности, они подвержены изменениям в результате динамичных перемен в общественной жизни: развития науки и техники, влияния религиозных конфессий, социальных потрясений (войны, революции). Но все-таки мифологическое мышление свойственно человеческой природе в любые времена, так как «стереотипность человеческого сознания предполагает сохранение мифологичности» [12, с. 18], а «значение мифа заключено не в словах, а в схемах, данных нашему сознанию» [1, с. 282]. Исследования современного мифотворчества потребовало классификации современных мифов. В этой области необходимо отметить работы П.Н. Барышникова («Мифология современности»), А.Л. Топоркова («Мифы и мифология XX века: традиции и восприятие»), Э.А. Баташевой («Мифы в современной культуре: негативная и позитивная роли») и др. Согласно классификации А.Л. Топоркова рассмотренные нами мифы относятся к мифам, связанными с «внерелигиозными верованиями» [13].

Материалом нашего исследования послужили мифы, зафиксированные в устной речи жителей Донбасса и Интернет-источниках, представляющие, по нашему мнению, ЭК «страх» в регионе. Каждая мифологическая история служит материалом для исследования ЭК «страх» и его проекции на массовое сознание.

1. Миф о доме Васнева

Это относительно современный миф, связанный с внерелигиозными верованиями о доме, населённом призраками. Дом Васнева был построен в 1904 году в Луганске. В своё время этот дом занимали НКВД, гестапо, КГБ. Благодаря этому дом приобрёл дурную славу и стал объектом мифологизации.

I. В 1930-е годы в доме Васнева расположились органы НКВД. Одна из хозяйственных построек была приспособлена для приведения смертных приговоров в исполнение, там конвейером казнили «врагов народа». Во время фашистской оккупации в здании было гестапо. И опять пытки, казни. Позже здесь разместился КГБ. О доме Васнева луганчане говорили с ужасом. Особенно чудовищные вещи происходили в повалах. До сих пор там со стен не удаётся смыть кровь от пыток. Каждую ночь кровавые пятна проступают. Каждый день их смывают, а на утро они опять появляются. Это души жертв зывают к мщению [7].

II. Этот дом был построен на деньги купца Васнева. О том, как этот человек разбогател, ходило много слухов. Говорили, что он нашёл проклятый темными силами клад. Именно поэтому в этом доме было столько страданий, бед и адских мучений. Красные Звезды являли собой на заре советской власти здесь ад на земле. В 30-е годы здесь работали органы сталинского террора. Во время фашистской оккупации здесь располагалось гестапо, затем органы НКВД и КГБ. В одной из пристроек было казнено много людей, чьи призраки остались в этом доме навсегда. Говорят, по ночам из этого страшного дома раздаются стоны призраков, которые здесь страдают и после смерти. Не стоит и приближаться в тёмное время суток к этому дому мёртвых [7].

III. В этом доме, построенном на деньги купца второй гильдии Васнева, была женская гимназия. Так вот, однажды на заднем дворе дома нашли труп гимназистки.

Суицид девушка совершила из-за несчастной любви. После этого события проклятье нависло над мрачным домом, а призрак девушки появлялся в коридорах, пугая людей. И чудовищную славу дом приобрёл в 30-е годы. Здесь было казнено много людей, ведь здесь было сначала НКВД, затем гестапо и КГБ. И призраки казнённых до сих пор обитают в этом доме, их принимает к себе призрак гимназистки, который оберегает и защищает от внешнего мира [8].

IV (здесь и далее в записанных текстах особенности произношения респондентами сохранены)

Этот дом / строился на земле / где с огнём и мечом проходили орды хана Батыя // здесь горела степь / горели поселения / на пути орды встретился / половецкий курень // храбро сражались половцы / мстя за смерть своих братьев на Калке // в битве погибло много конников Батыя // по приказу хана курень был сожжён / и Батый проклял это место // построенный много веков спустя / дом Васнева был обречён ханским проклятием / быть домом страданий человеческих // дому была уготована участь / стать местом казней и пыток // здесь располагались органы НКВД / гестапо / КГБ // по непонятным причинам в 50-е годы в доме вспыхнул большой пожар // позже дом был восстановлен / но проклятье хана продолжало действовать //

Как видим, несмотря на отсутствие прямого номинанта (ядерной лексемы), ЭК «страх» во всех вариантах мифа выражен на эксплицитном уровне и является фундаментальным концептом.

Так, в I и II вариантах к доминирующему страху перед смертью, реализующемуся лексемами: *пытки, казни, стоны*, добавляется страх перед незащищённостью, выражающийся лексемой *террор*.

В III версии концептуальное поле [3; 5] страха дополняется страхом перед несчастной любовью – *суицид*.

В IV варианте доминирует страх перед стихийными бедствиями – *пожар*.

Таким образом, ЭК «страх» приобретает многокомпонентный характер, вербализующийся лексемами, которые входят в состав концептуального поля «страх»: *призрак, террор, казнь, гестапо, смерть, суицид, пытка, пожар, мрачный вид, проклятые, труп*.

Думаем, что основной функцией этого мифа является предостережение от посещения дома Васнева. Поэтому во всех вариантах мифа дом назван *проклятым, мрачным, полуразрушенным, домом мёртвых*, что вызывает страх.

На основании анализа частотности использования выявляем основные базовые лексемы в формировании концепта «страх» в мифе о доме Васнева: *смерть* фиксируем в двух вариантах мифа, *проклятый* – в трех, *казнь* – в трёх, *призрак* – в четырёх.

Обратимся к словарям за разъяснением основных репрезентантов: «*смерть* – прекращение жизнедеятельности организма» [11]; «*проклятый* – 1) ненавистный, проклинаемый; 2) надоевший и вызывающий досаду, злобу» [11]; «*казнь* – лишение жизни как высшая карающая мера» [11]; «*призрак* – образ кого-чего-н., представляющийся в воображении, видение, то, что мерещится» [11]. Во всех вариантах мифа для описания яркого образа используются следующие виды тропов: метонимии (*Красные Звезды*), эпитеты (*сталинский террор, мрачное здание*), метафоры (*ад на земле, на заре советской власти*).

2. Миф о бездонной «Блохе»

Относительно современный миф о мистическом озере, которое обнаружилось, когда расстраивали город Донецк на восток. Этот миф связан с внерелигиозными верованиями о призраках.

I. В Калининском районе Донецка есть небольшой пруд под названием «Блоха». Почему «Блоха»? Потому, что маленький, и не связан ни с какой водной артерией, такое вот крохотное водное зеркало, зажатое со всех сторон городской застройкой. Старожилы рассказывают очень страшную историю, что это котлован, оставшийся после того, как под землю провалился целый дом (в Донецке были такие случаи из-за пустот после добычи угля). Многие жители этого дома погибли. Глубина этого озера достигает огромных размеров. Говорят, что останки жителей до сих пор находятся в рухнувшем доме на дне озера, а их призраки могут забрать к себе тех, кто здесь купается, поэтому лишний раз никому здесь отдыхать не рекомендуется. [4].

II. Пруд «Блоха» в Донецке – это мрачное место // здесь утопился юноша / из-за неразделённой любви // девушка отвергла его // и до сих пор призрак утопленника / ищет свою любимую / чтобы отомстить ей / а // повстречав любую девушку / которая имеет несчастье сама здесь гулять в полнолуние // зазывает её к себе и не отпускает // оставляет у себя // чтобы она не разбила сердце какому-нибудь юноше // отвергнув его любовь //

III. В Калининском районе Донецка // есть небольшой пруд под названием «Блоха» // дончане рассказывают // что «Блоха» – это затопленный шахтный ствол // и поэтому глубина её достигает // просто невообразимых размеров // нельзя / нырять в «Блоху» / живым ты оттуда не выплывешь // потому что шахтёры // погибшие // там // оставят тебя в шахте навсегда // говорят / что слышно в полночь / как грохочут вагонетки // и шумят отбойные молотки // это призраки шахтёров и после смерти // продолжают свою работу // но с 2014 года никто больше не слышал шум работы шахты / это призрачная шахтёрская бригада / ушла защищать родную землю от проклятого врага / надеемся / что с ними будет все хорошо / и они вернуться сюда / хотя / если честно / я иногда их побаиваюсь //

В этих вариантах мифа нет ядерной лексемы, организующим концептом выступает ЭК «страх».

В I варианте ЭК «страх» реализуется его концептуальным полем: *страшная история, жители погибли, призраки*. Составляющие общего концепта складываются из страха перед стихийными бедствиями: *провалился целый дом* и страхом смерти: *призраки*.

II вариант мифа обладает определённой интенцией – ЭК «страх» имеет функционально предупреждающий характер, выступая защитной функцией индивида. Страх смерти, страх насилия проявляется в употреблении следующих лексем: *зывает, не отпускает, оставляет*. Словарные единицы, номинирующие «страх» в данном варианте манифестируются образами: *утопленник, несчастье, мрачное*.

III вариант мифа привязан к последним событиям на Донбассе. И если в начале мифа концептуальное поле ЭК «страх» вербализуется: *затопленный ствол, глубина, нельзя нырять, призраки* и эти лексемы и словосочетания вызывают страх перед образом *пруд*, в котором эксплицирован страх смерти, то окончание мифа мы можем исключить из концептуального поля «страх» – *призраки* становятся союзниками не вызывающими у жителей Донбасса опасения.

На основании анализа частотности использования выявляем основные базовые лексемы в формировании концепта «страх», коими представлена реализация содержания ЭК «страх»: *«пруд»* (встречается в трёх случаях), *«глубина»* (встречается в двух случаях).

Толковый словарь С.И. Ожегова наиболее часто употребляемые репрезентанты ЭК «страх» в данном мифе разъясняет так: *«пруд – водоём в естественном или выкопанном углублении, а также запруженное место в реке»* [11]; *«глубина – 1.*

протяжённость, расстояние от поверхности до дна; 2. место на дне водоёма, большого углубления» [11]. Во всех вариантах мифа для большей выразительности текста используются следующие виды тропов: гиперболы (*достигает невообразимых размеров*); метафоры (*чтобы она не разбила сердце*), эпитеты (*проклятый враг*).

3. Миф о памятнике «Слава Шахтерскому труду»

Памятник возведён в Донецке в 1967 году, поэтому миф является современным. Он относится к внерелигиозным верованиям о работе горняков, связанной со смертельной опасностью.

I. *Этот памятник установлен в Киевском районе города Донецка // памятник представляет собой фигуру шахтера / который в вытянутой вперёд руке держит символ Донбасса / кусок каменного угля // дончане говорят / что души шахтёров / погибших в забое вселяются в этот памятник // тревожить эти души нельзя иначе может случиться самое страшное в шахтах / взрыв метана / обвалы кровли // да мало ли угроз таят в себе рудники // никто и никогда не оскорблял этот памятник-символ // никто / и не оскорбит / я в этом просто уверен / а иначе нас / ждёт большая беда / от которой абсолютно ничего / не спасёт /*

II. *Каждый год / в последнее воскресенье лета / когда Донбасс отмечает свой главный праздник / День Шахтёра / горняк на постаменте оживает / он сходит с пьедестала / и присоединяется к празднующим // но в полночь он обязательно возвращается / потому что он не только символ / но и страж города // и дончане верят что / пока шахтёр на месте / город будет жить и никому не дано захватить / покорить его // утром после праздника жители города видят // что их защитник опять на пьедестале // значит / несчастья / беды / тревоги вновь обошли Донецк стороной / я надеюсь / что так будет всегда / не хочу / чтобы мой родной город / встречал / новую беду /*

III. *Символ Донецка – памятник шахтёру / держащему в правой руке кусок каменного угля // тяжела глыба и // поэтому // чугунный шахтёр ночью иногда перекладывает её в другую руку / а утром руку опять меняет // но / однажды / перекладывая глыбу / дрогнула рука шахтёра / и уронил он уголь // и случилась беда // в город пришла война // в город пришли смерть / разруха / страдания // но шахтёр поднял камень / дарящий людям жизнь / а это значит / что скоро уйдут все беды и тревоги // и Донбасс будет жить спокойно /*

Все варианты мифа носят информативный характер, миф – предупреждение, связанный с географическим объектом в Донецке.

В I варианте мифа слово «страх» не встречается, однако фиксируем однокоренное наречие *страшное*, указывающее на степень эмоции и выражающее ЭК «страх». Выражение *случиться самое страшное* входит в базовый слой ЭК «страх», репрезентируя страх перед смертью – *взрывы, обвалы*. Языковые единицы, реализующие ЭК «страх» в I варианте отражают семантику данного концепта в сознании группы людей, объединённых по профессиональному признаку. Ключевые словарные репрезентанты концептуального поля «страх»: *взрыв метана, обвал кровли, шахты*. Эти слова в массовом сознании шахтеров представляют собой пакет информации, связанный со страхом смерти. Функциональная направленность этого мифа – предостережение от опрометчивых действий.

Во II и III вариантах мифа также отсутствует прямой номинант концепта «страх». Во II варианте реализация концепта осуществляется посредством лексем: *несчастья, беды, тревоги*, входящими в концептуальное поле «страх».

В III варианте страх смерти проявляется как следствие страха перед ужасами войны: *разруха, страдания, смерть*. В этих вариантах чувство страха реализуется в

желании найти защиту: *шахтер поднял камень, защитник опять на пьедестале*. Основными репрезентантами смыслового содержания ЭК «страх» являются такие: *беда*, лексему фиксируем в трёх вариантах мифа; *тревога* – в трёх вариантах.

Разъяснение основных репрезентантов исследуемого концепта: «*беда* – то же, что и несчастье» [11]; «*тревога* – беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-нибудь неизвестного» [11]. Эмоциональную окраску мифу предают следующие виды тропов: гиперболы (*самое страшное, большая беда*), персонификации (*беды уйдут, тревоги обошли стороной*).

Итак, проанализировав три мифа с точки зрения лексемной реализации исследуемого концепта можем отметить, что концептуальное поле ЭК «страх» формируется лексемами, которые репрезентируют различные виды страха: страх перед смертью, страх перед незащищенностью, страх перед стихийными бедствиями, страх несчастной любви. Причина возникновения современных мифов нашего региона и доминирования в них ЭК «страх» – трансформация, оязыковление когнитивного восприятия практически всех социальных явлений в Донбассе. Поэтому в мифах наиболее актуализирован страх перед смертью. Более того, мифы указывают на различные источники опасности, регулируя наиболее разумное поведение человека. Мифотворчество продолжается и в наши дни, а социальные потрясения вносят в этот процесс свои коррективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаркова Н.Э. Исследование концепта *money* в языковой картине мира // Когнитивный анализ слова / Н.Э. Агаркова // Отв. ред. Л.М. Ковалева. – Иркутск: Из-во ИГЭА, 2000. – 282 с.
2. Грицанов А.А. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. / А.А. Грицанов. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
3. Евсюкова Т.В. Лингвокультурология : учебник // Т.В. Евсюкова, Е.Ю. Бутенко. – М.: Флейта, Наука, 2014. – 478 с.
4. Журнал донецкого краеведа: URL: <https://kashkaha.livejournal.com/>
5. Ключевская А.Ю. «концептуальное поле "агрессия" как объект лингвистического исследования» / А.Ю. Ключевская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – 2011 – № 131 – С. 177-185
6. Лосев А.Ф. Мифология / А.Ф. Лосев / А. Ф. Лосев // Философская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – Т. 3. – 584 с.
7. Луганская История в фотографиях и видео: URL: https://vk.com/lugansk_foto_history
8. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия». 2001 – 208 с.
9. Найдыш В.М. Философия мифологии. XIX-XX вв. – М.: Альфа-М, 2004. – 544 с.
10. Никитин М.В. «Реализация концепта «страх» в сценариях городской легенды»: дис. ... канд.. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка. / М.В. Никитин. – Челябинск, 2002. – 196 с.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова: URL: <https://slovarozhegova.ru/>
12. Питина С.А. Концепт мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. – Челябинск: ЧелГУ, 2002 – 191с .

13. Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиции и восприятие // Человек и общество: поиски, проблемы и решения: URL: <http://mifoteka.ru/articles/reading/toporkov-mifi-i-mifologia-xx-veka-traditsia-i-sovremennoe-vozpriatie.htm>

14. Филиппова Е.П. Научный миф как основа современного научно-популярного текста / Е.П. Филиппова // Вестник науки Сибири. 2014. № 4 (14): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnyy-mif-kak-osnova-sovremennogo-nauchno-populyarnogo-teksta>

D. G. Epiphantzev

THE CONCEPT OF FEAR IN MODERN DONBASS MYTHOLOGY

In the article the concept of «fear» realization in modern Donbass mythology is analyzed, Three most popular myths, in which EC (emotional concept) “fear” takes the main part were taken for analysis. During the research the conceptual fields of EC were determined, as well as slots to make them full.

Key words: mythology, EC (emotional concept)

УДК 81.373

М.А. Капиносова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. канд. филол. наук, доцент Н.В. Гладкая)*

ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ ЧЕРВОНОГВАРДЕЙСКОГО РАЙОНА ГОРОДА МАКЕЕВКИ

В статье рассматриваются особенности топонимии Червоногвардейского района города Макеевки. В результате опроса местных жителей был выделен ряд неофициальных топонимов. В соответствии с концепцией Суперанской А. В. они поделены на лексико-семантические группы. Наиболее многочисленными оказались классы «наименований по группам лиц» и «наименований, связанных с местоположением». Многие официальные топонимы города упрощаются. Это связано в первую очередь с историческим процессом.

Ключевые слова: регион, район, топоним, наименования

Донецкий региолект – это речь жителей городов Донецкой области: Донецка, Горловки, Макеевки и т.д. В 1958 году Г. И. Рихтер выпустил работу «Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной», в которой описываются донецкие региональные речевые ошибки, опытов донецких краеведов, писавших о донецких словах и городских названиях, исследований Е. С. Отина, посвящённых донецкой топонимике. Ранее подобных исследований не было. Поэтому в 2018 году кафедра русского языка ДонНУ приняла участие в написании монографии под редакцией В. И. Теркулова «Донецкий региолект». В работе был впервые описан донецкий региолект, его «языковые (фонетические, словообразовательные, лексические и грамматические) черты, основные особенности ономастикона, донецкая языковая личность, маркёры лингвокультурного пространства Донбасса, донецкий текст, методика обучения русскому языку в региолектных условиях» [1].

это собственное наименование географического объекта (реки, населенного пункта и т. п.) [2]. Топонимы неоднократно становились предметом исследования и изучаются лингвистами по сей день. К вопросам городской топонимики в разные годы обращались такие исследователи, как В. А. Ражина, Н. Ю. Забелин, С. Д. Олейникова, Р. В. Разумов, А. М. Мезенко, Э. М. Мурзаев, В. П. Нерознак, В. А. Никонов, Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов, Г. П. Смолицкая, Е. С. Отин, В. Д. Познанская, А. В. Суперанская и др. [1, с. 7].

В современной топонимике нет единого мнения относительно классификации топонимов, поэтому исследователи предлагают свои схемы для их рассмотрения.

А. В. Суперанская в статье «Применение метода лингвистической статистики для изучения топонимической системы города Москвы» выделяет следующие лексико-семантические типы наименований:

- 1) наименования по группам лиц;
- 2) наименования по названиям населенных пунктов;
- 3) наименования по искусственно созданными микрообъектам;
- 4) наименования по объектам природной микротопонимии;
- 5) наименования по физико-географическим объектам;
- 6) наименования, связанные с церковными названиями;
- 7) наименования, связанные с местоположением;
- 8) наименования по внешнему виду;
- 9) наименования по назначению или главным применениям;
- 10) наименования, повторяющие названия соседних улиц;
- 11) символические наименования [11].

В нашей работе мы разделим объекты по данной классификации.

Предметом нашего анализа была выбрана неофициальная топонимия Червоногвардейского района города Макеевки Донецкой области. Официальные топонимы Червоногвардейского района уже рассматривались в работе А. Е. Жукова «Урбанонимия Червоногвардейского района г. Макеевки» [5].

Цель данного исследования – анализ неофициальных топонимов региона и разделение их на классы.

Для реализации цели исследования необходимо решить такие задачи:

- 1) Проведение опроса среди жителей района;
- 2) Анализ и систематизация топонимов Червоногвардейского района.

Само название района имеет варианты: Красногвардейский, Червоногвардейский, Гвардейка (наименования по группам лиц). В народе центр района именовали «трестом» (как форма объединения предприятий, действующих по единому плану).

Изначально центром считался район Кагановический (наименования по группам лиц), названный в честь партийного деятеля Кагановича, сейчас это часть поселка Горького, который местные жители называют «Военкомат» (наименования по назначению или главным применениям). Затем центром стал Горшковский район (наименования по группам лиц), по названию шахты им. Горшкова. Некоторые исторические топонимы города используются до сих пор, а некоторые поменяли своё название (жители используют упрощённые названия Гвардейка, Григорьевка вместо официальных).

Коренной житель Гвардейки, горный инженер А. М. Перетятыко рассказал нам о многих неофициальных топонимах района:

1. Щегловка (наименования по группам лиц)

Данный топоним весьма распространён. Происходит он от искажённого звучания фамилии землевладельца Ефима Шидловского, первоначально основавшего в 1779 г. слободу на правом (донецком) берегу Кальмиуса, позже прозванную Александрово-Щегловкой.

Топоним неоднократно фигурировал в названиях различных предприятий: Щегловская геологоразведочная экспедиция, шахта «Щегловка-Глубокая» (им. К.И. Поченкова) (наименования по группам лиц), Щегловская больница (сейчас больница №5). Последняя в прошлом ещё неофициально именовалась «Любимовской Больницей» (наименования по группам лиц), по имени руководившего ей много лет известного доктора Н. Н. Любимова.

Перетятыко А. М. отмечает: «Я родился на Гвардейке вблизи шахты им. Орджоникидзе в 1958 г., то есть район уже 20 лет, как входил в состав города. Однако, в моём свидетельстве о рождении записано: селение Щегловка, район Макеевский, область Сталинская. Такой вот парадокс местного делопроизводства».

2. Берестовка (наименования по физико-географическим объектам)

Это топоним, ведущий своё происхождение от Берестового ручья и, соответственно, Берестовой балки, пересекающей центр района с северо-востока на юго-запад. В нижнем (донецком) течении именуется Игнатъевской (названия, происходящие от имен людей и их прозвищ) балкой и впадает в р. Кальмиус в районе пр. Мира.

Далее пошли многообразные производные. Первоначально Берестовкой именовался посёлок и сам Берестовский рудник Н. Пастухова (будущая ш. «Красногвардейская»), но затем оба они получили название «Пастуховка» (наименования по группам лиц), неофициально бытующее по сей день. А вот название Берестовка перешло к стволу №14 соседнего «Берестово-Богодуховского» рудника, затем – ко всей шахте № 6/14 «Берестовская» (находилась на месте нынешнего Гвардейского рынка), а в широком смысле – к прилегающему нынешнему центру Гвардейки. С южной и юго-западной стороны от территории шахты располагались пос. «Красненькие» и «11-я колония» (дома последнего в 70-е были засыпаны при распланировке «Рогатого террикона» (наименования по внешнему виду)). В 1956г. севернее района нынешнего «Военкомата» вступила в эксплуатацию шахта «Берестовская №2», которая была закрыта в конце 1970-х.

3. Григорьевка (первоначально Александрово-Григорьевка) (наименования по группам лиц)

Григорьевские сельсоветы №1 и №2 в 20-годы входили в Макеевский район, созданный из Макеевской волости в 1924 г. В октябре 1937 г. они вошли в состав вновь созданного на базе Красногвардейского (Щегловского) и Чайкинского (Новочайкинского) рудсоветов (наименования по группам лиц).

4. Кагановичский (с 1957 г. – Червоногвардейский) район (наименования по группам лиц). Это также «бродячее» название: до революции земельные владения Григорьевки были довольно обширны - есть ещё свои Григорьевки на территории нынешних Будёновского и Киевского района г. Донецка. Соответственно, находящийся на территории макеевского посёлка Свято-Николаевский храм (1906 г.), в разговорной речи именуется как «Григорьевская церковь».

5. Горшковка (наименования по группам лиц)

Этот район расположен северо-западнее центра района на правом берегу Берестовой балки. Так же, как и Щегловка, случай простонародного искажения польской фамилии совладельца угледобывающего «Товарищества «Горж(ш)ковский, Хибчинский и К-о». В состав входил рудник «Александровская Гора», располагавшийся в районе Кальмиусской ЦОФ и шахты №8-8 «бис» (отсюда образовался топоним «Восьмая» (наименования, связанные с местоположением). Имелись и отдельные шахты, названия которых также свидетельствуют об их польских корнях – «Ванда» и «Ольгерд». Отсюда второе, но давно вышедшее из обихода название п. Горшковка – «Ольгердовка» (наименования по группам лиц). С запада граничит с бывшим пос. «83-й квартал» (наименования по названиям населенных пунктов), благодаря чему возник топоним «КварталА» (наименования по названиям населенных пунктов).

В начале 60-х в Берестовой балке был устроен благоустроенный пруд, получивший в народе название «Горшковский ставок». Однако, от работников-угольщиков того времени, можно было услышать название «Тибабишевский» (наименования по группам лиц) по фамилии тогдашнего управляющего трестом «Красногвардейскуголь».

В 30-60-х годах центром района была именно Горшковка, райисполком переехал в нынешнее новое здание на ул. Вокзальная (нынешняя Малиновского) на рубеже 60-70-х. Его прежнее строение занял районный военный комиссариат, в связи с чем прилегающая местность было прозвана «Военкоматом» или «Комиссаровкой» (наименования по группам лиц).

6. Трест (наименования по назначению или главным применениям)

Плавное перемещение центра района на нынешнее место начался ещё в 1949 г., когда рядом с парком на ул. Вокзальная было построено здание основного конгломерата промышленных предприятий района – треста «Красногвардейскуголь» (после его ликвидации в 1970г. здание занял Информационно-Вычислительный Центр П.О. «Макеевуголь»). Естественно, название Трест, как обозначение центра района, прочно вошло в обиход. В начале 60-х к нему добавился топоним Космос – по названию районного кинотеатра, построенного на месте питейного заведения, носившего в народной среде имя Голубой Дунай (наименования, связанные с местоположением).

А вскоре рядом, по адресу ул. Бестужева, 3, была построена первая в районе пятиэтажка, получившая по первоначальной окраске прозвище Красный дом (наименования по внешнему виду).

7. Двинка (наименования, связанные с местоположением) – название посёлка происходит от номеров бывшей шахты № 12-13 и продмага №12 по ул. Мориса Тореза.

8. Орджо (наименования по группам лиц) – пос. шахты им. С. Орджоникидзе.

9. Чапаевские Планы (наименования по физико-географическим объектам) – второе слово произносится с ударением на последний слог – подразумевается землеотвод, распланированный под частную жилую застройку.

10. Ново-Чайкино, Чайкино (наименования, связанные с местоположением) – часть нынешнего посёлка Комсомольский, ведущая название от шахты Ново-Чайкино (1900 г.) и прилегающего одноимённого посёлка, строительство которого было начато в 1924г. по концепции «города-сада» англичанина Э. Говарда. Отсюда же произошли топонимы Чайкинское кольцо на Макшоссе и Чайкинский поворот с него на ул. Антропова.

В ходе исследования мы пообщались с информантами разного возраста и социального статуса, проживающих на территории Червоногвардейского района. Нам привели ещё несколько примеров неофициальных названий: «Чистые пруды» (наименования, связанные с местоположением), «Сороколетка» (символические наименования), «Восточный» (наименования, связанные с местоположением), «Дудкинский» стадион (наименования по группам лиц), «Батман», «Бутовка», «Горьковский» водоём (наименования, связанные с местоположением).

В результате работы мы определили, что для Червоногвардейского района города Макеевки характерна весьма запутанная и изменчивая топонимика. Многие объекты имеют официальные и несколько неофициальных названий. Наиболее многочисленными оказались классы «наименований по группам лиц» и «наименований, связанных с местоположением». Это связано в первую очередь с историческим процессом. Изучение топонимов этого района города дополнит имеющиеся исследования региональной лексики Донецкой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. – 265 с. ISBN 978-5-6041177-3-6.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз. 2000. в 2 т.– 1209 с. – (Б-ка словарей рус. яз).
3. Жиловец Ю. Восьмая линия, Девятый проспект...: (Топонимы Макеевки – история улиц города) / Ю. Жиловец // Донецкий краж плюс. – 2006. – 13–19 окт. – №38. – С. 7.
4. Мезенко А.М. Из истории переименования улиц городов Белоруссии / Исторические названия: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. – М., 1989. – С. 52–53.
5. Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол. : Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – 580 с.
6. Отин Е. С. Гидронимия Дона: монография в 2-х тт. / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток. – Т. 1 : Верхний и Средний Дон. – 2011. – 575 с.; Т. 2 : Нижний Дон. – 2012. – 792 с.
7. Отин.Е.С. Топонимия Донетчины. – Донецк: Юго-Восток, 2013
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
9. Рихтер Г. И. Нормы литературной речи (по преимуществу разговорной). Сталинское областное издательство, 1958. — 36 с. Справочное указание по словоупотреблению, фразеологическим и синтаксическим сочетаниям слов, по формам слов (по материалам языка города Донецка) 1958 г.
10. Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // А.М. Селищев. Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 45–96.
11. Суперанская А.В. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы города Москвы / А.В. Суперанская // Лингвистическая терминология и прикладная топ ономастика. – М.: Наука, 1964. – С. 119–134.

12. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. – Сборник документов и материалов. – Донецк, 2001. – С. 274.

М.А. Kapinosova

PECULIARITIES OF TOPONIMES OF THE CHERVONOGVARDEISKY DISTRICT OF THE CITY OF MAKEEVKA

The article discusses the features of the toponymy of Chervonogvardeisky district of the city of Makeevka. As a result of a survey of local residents, a number of unofficial toponyms were identified. In accordance with the concept of Superanskaya A. V. they are divided into lexical and semantic groups. The most numerous were the classes of “names by groups of persons” and “names associated with location”. Many official place names of the city are simplified. This is primarily due to the historical process.

Keywords: region, district, toponym, names

УДК 316.773.3

А.В. Понкратенкова

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В. Даля»

СООБЩЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕССЕНДЖЕРАХ КАК ОСНОВНОЙ ЖАНР СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассмотрены сообщения в социальных сетях и мессенджерах как основной вид письменной коммуникации в семье, выявлена специфика виртуального общения, описаны особенности интернет-жанров, их классификация. Выделены группы сообщений на основе тематического содержания.

Ключевые слова: сообщения, социальные сети, мессенджер, семья, общение.

За последние десятилетия развитие компьютерных технологий отразилось на всех сферах жизни человека и, конечно, на языке (появление специальной, жаргонной лексики, неологизмов) и межличностном общении, которое не только отражает реалии «компьютерного» мира, но и само стало компьютерно-опосредованным.

По мере развития Интернет, коммуникация в сети превращается из суррогата реального общения в его альтернативу, потенциал сохранить социальные связи и упрочить социальное взаимодействие. Интернет-коммуникация не замещает и не вытесняет реальное общение, она дает еще один инструмент социального взаимодействия для решения проблем реальной жизни [6, с. 147].

В связи с этим, все больше лингвистов обращаются к проблеме становления нового коммуникативного пространства – Интернет-языка, его жанрового своеобразия, к особенностям общения в сети Интернет.

Проблемой терминологического определения жанров, функционирующих в глобальной сети, занимались такие лингвисты: В.И. Карасик (жанры сетевого дискурса), О.В. Лутовинова, Е.И. Горошко, (виртуальный жанр), Е.Н. Вавилова (электронный жанр), Л.А. Капаназе (электронный жанр, гипержанр), Л.Ю. Щипицина (дигитальный, цифровой жанр), Л.Ф. Компанцева (жанровый формат виртуального дискурса). Общение в сети Интернет происходит в социальных сетях, блогах, чатах,

электронной почте (e-mail), мессенджерах, посредством специальных программ, веб-сайтов, интернет-платформ и приложений для телефонов. Современные лингвисты изучают своеобразие общения в социальных сетях (А.А. Матусевич, Н.Н. Казнова, И.Г. Овчинникова, В.Н. Левина), блогах (Н.Б. Рогачёва), форумах (Л.С. Патрушева), чатах (И.В. Голубева, И.В. Овчарова, О.А. Левоненко), мессенджерах (О.К. Голошубина, Л.Б. Никитина). Но на данном этапе развития виртуального дискурса отсутствуют исследования, посвященные общению в сети Интернет в определенных социальных группах, чем обусловлена **актуальность** нашего исследования.

Семья как основной социальный институт является отражением всех культурных и социальных изменений, проецирует их в общественной и внутрисемейной жизни. Ещё в конце прошлого века мы могли говорить только о таких проявлениях письменных жанров семейной коммуникации как письмо и записка. Сейчас эти жанры «перешли» в виртуальную реальность – электронные письма, СМС, заметки в телефоне и сообщения в социальных сетях и мессенджерах. **Целью** нашего исследования является определение специфики внутрисемейного общения в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджерах WhatsApp и Viber как основной формы письменного жанра семейной коммуникации.

Следует отметить, что семейная коммуникация – это, в первую очередь, непринужденное повседневное общение, которое, безусловно, в большей степени реализуется в устной форме. В монографии «Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы» М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова указывают на «нехарактерность» письменного общения для быта семьи: «В городском общении, в отличие от общения дома, широко используется не только устная, но и письменная форма коммуникации. (...) Так, приватное пространство городской квартиры не нуждается в письменной фиксации ее функциональных зон (дома нет табличек типа *ванная, гостиная, детская, кухня* и т. п.) (...)» [2, с. 62]. Однако, письменные жанры виртуального общения считаем распространенным явлением в семейном дискурсе.

Традиционно к письменным жанрам разговорной речи относят: письмо, дневник, записку [7]. По нашим наблюдениям ведущие письменные жанры являются компьютерно-опосредованными, относятся к интернет-жанрам, отражающим особенности устной речи, письменными мы можем назвать эти жанры условно, т. к. речь создается с помощью графических знаков на экране компьютера или телефона.

Электронное письмо (e-mail) сейчас используется в основном в официально-деловом общении, в нем соблюдается этикет деловой переписки, свойственны черты эпистолярного жанра – приветствие, обращение к собеседнику, изложение основной темы, прощание и т. д., так в интернет-общении между хорошо знакомыми людьми, часто игнорируются этикетные формулы, знаки пунктуации, правила орфографии, подобное явление наблюдаем в устной речи.

Материалом для нашего исследования послужили сообщения членов одной семьи, отправленные в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджерах WhatsApp и Viber. В семейной коммуникации общение в социальных сетях и мессенджерах не имеет кардинальных различий, обладают такими признаками: а) наличие двух собеседников, б) цели и темы беседы, в) использование дополнительных графических изображений (смайлы, эмодзи), г) пересылка видео и изображений, д) распространение информации между друзьями и знакомыми и другие характеристики, присущи обоим видам интернет-коммуникации. Существенными отличиями является возможность оценивать фото, заметки, записи, публикация какой-либо информации на

личной странице, однако для семейного общения эти особенности, по нашему мнению, не имеют особого значения.

Изначально термин «социальная сеть» ввел американский социолог Джеймс Барнс в 1954 г., подразумевая под этим понятием разветвленные взаимосвязи отдельного человека с другими [3, с. 44].

В отличие от форумов, чатов и даже блогов, общение в социальных сетях ориентировано прежде всего на поддержание отношений с друзьями, близкими, коллегами, единомышленниками, что иногда подразумевает карнавализацию или эксперимент над собственной идентичностью. Виртуальная личность участника социальной сети сохраняет реальные социальные характеристики, но приобретает возможности расширить круг общения, реализовать недоступные в реальности потенциалы, полнее выразить индивидуальные предпочтения и привлечь внимание к себе, добиться социального одобрения, оказаться «калифом на час» [6, с. 147].

Мессенджер (ИМ – Instant Messenger) – это программа, мобильное приложение или веб-сервис для мгновенного обмена сообщениями [4].

Никитина Л.В. и Голошубина О.А. рассматривают жанр «разговор в мессенджере», основной особенностью которого считают режим коммуникации – online (автор текста точно знает, что его послание мгновенно дойдет до адресата и будет тут же увидено и воспринято – для фиксации этого в большинстве программ-клиентов установлены специальные маркеры, оповещающие о том, что сообщение прочитано); являясь синтезом идей чата и электронной почты, мессенджер в то же время не предполагает группового общения незнакомых друг другу собеседников (отличие от чата) и не ориентирован на офлайновую коммуникацию (отличие от электронной почты и SMS) [5, с. 305].

В.И. Карасик в статье «Жанры сетевого дискурса» говорит, что «Общение в социальной сети в определенной мере размывает сложившуюся систему речевых жанров и противопоставил приватную коммуникацию, предельной разновидностью которой выступает интимное общение, и публичную коммуникацию, предельной разновидностью которой является массовое тиражирование некоторой информации» [1, с. 50]. Ученый в своем исследовании анализировал сообщения, размещенные на личных страницах пользователей и в так называемых сообществах (группах) социальных сетей, которые может прочитать любой пользователь. Мы же говорим о личной переписке, которая имеет особенности семейной беседы и рассчитана на то, что ее никто не прочитает, кроме собеседников, однако, конечно, критерий коммуникативной дистанции все же имеет значение даже в семейном общении, например, влияет на тематику сообщений.

Информацию, содержащуюся в социальных сетях, В.И. Карасик делит на восемь основных жанровых групп: 1) **демонстративы** (лат. *demonstro* – «показывать, указывать», автопрезентации, фотографии себя и/или своих близких, часто с подписью, ярким представителем этой группы является селфи); 2) **репортативы** (лат. *reporto* – «передавать, сообщать, извещать», сообщения о важных новостях, часто в виде перепоста, такая информация вызывает живое обсуждение и по своей сути соответствует жанрам медиадискурса); 3) **социативы** (лат. *societas* – «компания», заметки и рассуждения об интересных вещах, эта жанровая группа позволяет объединиться друзьям в рамках той или иной предметной области; в лингвистике этот термин используется для обозначения особого совместного залога в некоторых языках, например, «мы сотрудничаем»); 4) **креативы** (лат. *creo* – «творить, создавать», художественное творчество, свое или чужое, в виде текстов, картин, инсталляций и мультимедийных проектов, сопровождаемое комментариями), 5) **агитативы** (лат. *agito*

– «приводить в движение», различные сообщения, продвигающие тот или иной товар или образ жизни); 6) **инструктивы** (лат. *instruo* – «наставлять, обучать», рекомендации для решения конкретной практической проблемы); 7) **прескриптивы** (лат. *praescriptio* – «предписание», назидательные послания морального плана), 8) **аттрактивы** (лат. *attractio* – «притягивание», развлекательно-шутливые послания, например, демотиваторы) [1, с. 50].

Подобные жанровые группы фиксируем и в межличностной переписке членов семьи:

Демонстративы в семейном общении (фото свое или близких, отправленное родственникам) заменило функцию просмотра семейного альбома при встрече – теперь фотографиями делятся сразу после события, а также для получения мгновенной реакции (*Вот, Л. вчера защитила диплом; фото со свадьбы М., На улице дождь, а нам срочно нужно во двор, Как тебе платье, не сильно обтягивающее?*).

Репортативы в интернет-общении семейного дискурса, прежде всего, считаем, носят бытовой характер. Например, это информация, пересланная из различных источников (*Список улиц, где не будет воды; 05.04.2019 отключение электричества в районе верхнего Камброта*).

Инструктивы в основном направлены на одного собеседника (*Вот нашла статью про воду, интересно. Дайте и бабушке прочитать; «10 способов как очистить ковер»*).

Прескриптивы характеризуются тем, что по решению одного из собеседников данная информация будет полезна другому («Будь в ладу с собой», «Как правильно воспитывать детей»).

Креативы – редкое явление в семейном общении, целью являются: а) развлекательная (создание анимированных картинок, добавление текста или эмодзи на фото); б) самоидентификация (добавление своего фото в семейную фотографию с помощью специальной программы, слайд-шоу, коллажи, картинки, стишки).

Аттрактивы часто являются пересланными из различных сайтов, порталов и сообществ в социальных сетях (новости, цитаты, анекдоты, видео).

В сообщения, отправляемых посредством компьютера и / или телефона можно выделить черты, соответствующие модели речевых жанров Т.В. Шмелевой: коммуникативная цель; образ автора; образ адресата; образ прошлого; образ будущего; диктумное содержание; языковая реализация речевого жанра [8, 91-97].

Коммуникативная цель, выражающаяся посредством тематики сообщений, является основополагающей в виртуально-письменной коммуникации. Темы носят информативный и фатический (эмоциональный) характер. В семейном общении преобладают группы, которые можем разделить по тематическому содержанию: **информационно-бытовые** – бытовой разговор, вопрос, просьба, напоминание, обсуждение, подробности прожитого дня (отчеты); **фатические** – жалоба (ответ на жалобу), поздравления, признания, приветствия, ответ на сообщение; **цитируемые сообщения** – тексты, присылаемые для сохранения какой-либо информации (ссылки на нужный текст, картинки, видео и т. п.).

Информационно-бытовые:

• Болтовня (информационной направленности): 1. – *Не смогли пополнить интернет – 😞 – В десятке не работает, а в центре нашего нет* (в данном и последующих примерах сохранены орфография и пунктуация коммуникантов). 2. – *Уляглись только // Врач не дошла 😞 – 🤔 // Класс // Завтра в 8 дойдет // Без*

предупреждения. 3. – У нас ужин сейчас, если получится, позвоню 📞 (символом // обозначается написание с новой строки).

• Вопрос (ответ): 1. – Это на таксопарке который – Да, на 5-й школе. 2. – Уже собираешься куда-то? // Или ждешь задание? – Нет // Отчёты // Задания // И жду. 3. – Она, наверное, не рада была, что опять сдвиги? – Не, нормально разговаривала. 4. – Где вы есть? – Во дворе гуляли. 5. Какой у нас индекс? – 91002.

• Просьба: 1. – Можешь мне супчика нагреть? – Могу // 😊😊😊. 2. – Как проснетя наберите – Ок. 3. – Скиньте по газу показания – Хорошо. 4. – Выключи машинку, когда достирает, если ещё не ляжешь спать. 5. – Купи киндер, яйца, печенье. 6. Н. передай Т., что мы все поздравляем ее С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!!! 7. Выйду вечером на связь. Позвоните, если сможете!

• Напоминание: 1. – Н., мама же просила деньги на водолазку снять на завтра. 2. – Скинь размер и цвет. 3. – Позвоните, когда придете.

Фатические:

• Жалоба (ответ на жалобу): 1. – Люди меня уже раздолбали просто // – Сказал сегодня решат – 😡 // Ясно. 2. – А тут опять проблему с обзвонами // Еду на офис – Нет звонков // Пипец // Что делать? 3. – Голова так болит // 😞 – Солнышко мое... // Ну ты что 😞

• Признания / пожелания: 1. – Люблю тебя – И я. 2. – Через 12 дней увидимся – Скорее б // Скучаю. 3. – Удачи на районе. 4. Спокойной ночи.

• Приветствия: 1. – Доброе утро – Доброе утречко. 2. – Добрый вечер, Н !!! 3. Всем привет от нас.

• Поздравления: – Сегодня у Татьяны день рождения, передай ей наши поздравления и наилучшие пожелания. 2. Поздравляю вас всех с РОЖДЕСТВОМ!!! С новым годом послала в скайпе, но не знаю бываете ли вы там. 3. С наступающим! Крепкого здоровья, хорошего настроения и успехов во всем 🎄🎁🎊

• Сообщения-реакции (на поздравления, фото, видео и т.д): 1. – Класс // Красавчик. 2. – Спасибо, очень приятно! 3. – Спасибо, простые и интересные рецепты. – Рада, что тебе понравилось.

• Сообщения для привлечения внимания (ку, ау, имя собеседника, зай, привет! 😊😊😊, доброе утро).

В письменном общении не меняется образ автора и образ адресата, т. е. семейные роли – жена, муж, мама, сестра, тетя, дядя – сохраняют черты, характерные для устной коммуникации. При продолжительном общении образ автора и адресата составляют единое целое – задать вопрос, ответить, сменить тему общения и закончить обсуждение могут оба собеседника. Как и в непринужденной «живой» беседе темы сообщений взаимосвязаны и переходят одна из другой. Также имеет значение степень родства собеседников – влияет на тематическое разнообразие, частоту общения, употребление обценной лексики, соблюдения правил орфографии и пунктуации, наличие демонстративов. Так, в общении муж / жена стираются границы этикета переписки, например: – Та блин вроде вчера пожарать сготовил, выспался, с утра все ок! А в обед разболелась и к вечеру все сильнее.

Критерии образа прошлого и образа будущего, играют важную роль в семейной переписке, т. к. собеседники являются супругами или родственниками. «Поскольку разговор в мессенджере всегда приурочен к моменту речи, в отношении соответствующего речевого жанра следует говорить об образах ближайшего прошлого и ближайшего будущего. «Сказанное» в мессенджере сохраняет свою актуальность в определённый момент, возврат к теме происходит в краткий срок, не превышающий

одного дня» [5, с. 305] : 1. – Еду на кв. 2. – Я у компьютера, наберите в скайпе. 3. – Я в кассе // Скинь деньги // Жду. 4. – Сейчас сготовлю поесть. 5. – Зайди потом в ашан.

Одним из основных является критерий расстояния (пространства), который влияет на тематическое содержание и частоту сообщений. Члены семьи могут переписываться в социальных сетях и мессенджерах находясь в разных странах, городах, местах (работа /дом), и даже в разных комнатах, но набирает активность переписка при большом расстоянии или длительном отсутствии одного из членов семьи: 1. – Иди в зал. 2. – Иди есть // Мы ждем. 3. – Забыла закрыть калитку. – Мама закрыла – Хорошо. 4. – Учи стих!!!

Как мы видим из приведенных примеров, в письменной коммуникации отражаются особенности устной разговорной речи – употребление ненормативной и просторечной лексики (*хрень, пипец, норм, нас спалил кто то, та блин капец*), игнорирование знаков пунктуации (*– Вы спите; – Ждем соц работницу; – Зая уже еду; – Сказал сегодня решат*), несоблюдение правил орфографии (*– Где то в наших продается // В лугани вроде; – Ни чо сегодня там комната; – Толи забита, толи звонила, когда я с Таней 45 мин по лугакому разговаривала*). Также отличительной чертой виртуального дискурса является использование различных знаков, символов, эмодзи (смайликов), дополняющих информацию, содержащуюся в сообщении или показывающую реакцию на нее и заменяющую невербальное общение (эмодзи, повторяющие выражение лица или действие – печаль, смех, недоумение, поцелуй, объятие и т. д.).

В письменном общении семьи большую роль играют социальные признаки: возраст, социально-экономический статус, семейное положение, семейные роли (в том числе и роль главы семейства), психологические особенности собеседников.

Таким образом, в семейной коммуникации мы можем рассматривать письменные жанры сообщения в мессенджерах и социальных сетях, неразрывно связанные с виртуальным дискурсом, так как общение происходит опосредованно – с помощью компьютера и / или телефона, подключенного к сети Интернет. Данные сообщения в малой социальной группе делим на три тематические группы: информационно-бытовые, фатические и цитируемые сообщения. Основной особенностью общения в социальных сетях и мессенджерах является графическая передача устной разговорной речи (уменьшительно-ласкательные формы – *Макарёня, Мироша, Танюшка*; пренебрежение правилами орфографии и пунктуации), использование эмодзи для замены невербальных средств общения, обмен фотографиями, видео и картинками различной тематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55. 2. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы / М.В. Китайгородская, И.Н. Розанова. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

3. Матусевич А. А. Общение в социальных сетях : прагматический, коммуникативный, лингвистический аспекты характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2016. 190 с.

4. Мессенджер [Электронный ресурс]

Режим доступа URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Facebook_Messenger

5. Никитина Л. Б., Голошубина О. К. Моделирование ре-чевого жанра «разговор в мессенджере» // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 304–312.

6. Овчинникова И.Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типаж, национально-культурная специфика (на материале социальной сети

Твиттер). Вестник Пермского университета. Серия: Полилогия. – 2013. № 2. – С. 143-156.

7. Письменные жанры разговорной речи [Электронный ресурс]

Режим доступа URL : <http://velikayakultura.ru/kultura-rechi-russkiy-yazyk/pismennyye-zhanryi-razgovornoj-rechi-pismo-zapiska-dnevnik>

8. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи: Сб. науч. ст. Вып.1. Саратов, 1997. С. 91-97.

A.V. Ponkratenkova

MESSAGERS IN SOCIAL NETWORKS AND MESSAGERS AS A MAIN GENRE OF FAMILY COMMUNICATION

The article discusses messages in social networks and instant messengers as the main type of written communication in the family, identifies the specifics of virtual communication, describes the features of Internet genres, their classification. Highlighted groups of messages based on thematic content.

Key words: messages, social networks, messenger, family, communication.

УДК 811.161.1

Н.П. Курмакаева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОМПРЕССИЯ: ДИНАМИКА ЗНАКА И СМЫСЛА

Вскрывается одна из сторон универсального языкового явления – синтаксической компрессии, в основе которой лежит принцип функциональной эквивалентности знака в позиционном составе предложения. Результатом становятся внутрисхемные и межсхемные сдвиги, функционально-синтаксическая и семантическая деривация. Исследуется компрессема как квинтэссенция функционального прагматизма в речевой деятельности человека.

Ключевые слова: синтаксическая компрессия, функциональная эквивалентность, функционально-синтаксическая и семантическая деривация, метонимия.

Избранная нами тема неслучайна. Она отражает прагматику современного речевого дискурса: максимальная экономия средств (устранение речевой избыточности), структурный минимализм (словосочетание —> словоформа; группа предиката —> предикат и др.), пересемантизации (обновление или «уплотнение», синкретизация смыслов) и прочие динамические процессы, детерминированные интенсивностью жизни самого нынешнего социума. Синтаксическая компрессия – один из наиболее заметных процессов в современном русском языке. Под ней подразумевают «выпадение из логически развернутых конструкций избыточных словесных компонентов и синтаксическое объединение оставшихся при полном сохранении семантико-синтаксического значения исходных, глубинных структур» [2, с. 228], а также «результат поиска путей экономии речевых усилий, когда количество компонентов логической структуры не равно количеству компонентов словесной

структуры» [3, с. 7]. Л.Н. Мурзин определяет компрессию синтаксического уровня как "деривационные процессы, упрощающие поверхностную структуру предложения (по сравнению с исходным)" [8, с. 189]. Более емкое определение находим у А.К. Киклевича, который считает, что компрессия заключается в том, «что в поверхностной структуре предложения не получают представления (или лексикализации) некоторые обязательные элементы семантической структуры – зарезервированные для них синтаксические позиции связываются нулевыми или же заполненными синтаксемами, которые выполняют иные семантические функции» [4, с. 199]. С.Н. Ордынская предложила именовать компрессированную конструкцию «синтактокомпрессемой» [10, с. 12–13].

Само явление языковой компрессии в тех или иных ее разновидностях – как сжатие, свертывание, опрощение, конденсация, стяжение, совмещение, редукция, универбация, эллиптирование, скрещение (контаминация) и др. – достаточно подробно изучено и описано в работах, посвященных проблемам деривации на всех уровнях языка, многих современных отечественных лингвистов (Г.Н. Акимовой, Т.Г. Винокур, Н.М. Енчевой, С.А. Зимнухой, А.Л. Кибрика, Е.С. Кубряковой, Л.А. Кудрявцевой, Г.И. Кустовой, М.В. Лисник, Л.Н. Мурзина, А.М. Пешковского, В.З. Санникова, Л.В. Сахарного, А.П. Сковородникова, Г.Г. Сильницкого, И.С. Торопцева, А.А. Шахматова, Н.Ю. Шведовой, А.А. Шевцовой, А.Б. Шокиной и др.). На уровне морфемики и русского словообразования на него обращала внимание и Г.П. Цыганенко в [12].

Цель нашего исследования – сосредоточить внимание на механизмах и результатах синтаксической компрессии непосредственно в тех речевых реализациях, где сталкиваются и специфически «отображаются одновременно структура объективной действительности и структура мыслительного процесса» [7, с.9, со ссылкой на В.Н. Мигирину], где взаимодействуют центростремительные и центробежные силы, где возникают компромиссы в противодействии категориального значения словоформы функционально-семантическому потенциалу занимаемой синтаксической позиции.

В общих чертах соглашаясь с трактовкой исследуемого понятия А.К. Киклевичем, все-таки отметим, что синтаксическую сторону явления в [4] он только проконстатировал, всецело сосредоточившись на семантической деривации (метонимизации), соотнося ее с процессом синтаксической компрессии.

На наш взгляд, *синтаксическую компрессию* в русском языке следует разделить на два типа: 1) без изменения «семантико-синтаксического значения исходных, глубинных структур» – они достаточно полно описаны в работах перечисленных выше и других ученых, и мы их затронем только по случаю, в сравнении с другими; это такие, например, речевые образования, как: *Казбич – к окну* (Лермонтов); *Она опять о делах; Это вы о погоде?; Тёмные ягоды полезнее* (рекл. ТВ) и ряд других; 2) с изменением, влекущим внутрисхемные или межсхемные сдвиги в структурной организации предложения-высказывания в сторону не только сокращения, но и смещения компонентов позиционного состава по принципу функциональной эквивалентности, что при сохранении общего объема информации обуславливает определенные сдвиги и в семантической его структуре в виде полной или частичной пересемантизации (нередко метонимизации), конденсации (синкретизации) и/или экспрессивизации смыслов. Доказательству этого тезиса мы посвятим данную статью.

Чаще всего компрессивные явления встречаются в разговорной речи, печатных и электронных СМИ (особенно в заголовочных статьях), художественной литературе, рекламных текстах (в том числе на радио и ТВ), откуда и был собран наш

иллюстративный материал. Все эти разновидности современной коммуникации людей, говорящих на одном языке, преследуют одну общую цель: быть понятными и адекватно воспринятыми. А с прагматической точки зрения – наименьшими затратами передать наибольший объем смыслов или, наоборот, умышленно эти смыслы размыть, исказить, антонимизировать относительно требуемого. С помощью приема синтаксической компрессии говорящий способен создать атмосферу языковой игры и даже лингвистического «шока».

Основным при квалификации компрессии считается принцип экономии, а «условием для появления компрессивных структур является внутреннее качество языка, основанное на противоречивости самого языкового знака, его асимметричности» [2, с. 229]. Синтаксическую компрессию второго типа в строгом смысле следует понимать как определенные перегруппировки на уровне позиционного состава предложения, которые детерминируются действием универсальной закономерности: означаемое стремится к приобретению новых средств выражения, а **означающее – передать больше значений**, т.е. по существу с асимметрическим дуализмом знака и значения в духе С. Карцевского. Когда концептуальная картина мира не совпадает с языковой картиной мира, в процесс заполнения позиционного состава предложения вмешиваются центробежные силы (словоформы, специализированные для определенных позиций, выдвигаются в несвойственные им роли, и происходит актуализация новой их функции). Особенно это заметно в современных заголовочных и рекламных текстах. Например: *Триумф без гопака* (заголовок статьи Т.Карговой в еженедельнике «2000» от 15.11.2013 об очередной победе боксёра А.Усика) можно воспринимать как свёрнутое (эллиптированное) предложение-высказывание: *Триумф (прошел, состоялся, случился, был) без (исполнения танца) гопака*. Исходная структурная схема предложения $N_1 - Vf$ без N_2 , а семантическую рамку можно смоделировать с помощью особых местоименных словоформ, обладающих предельной степенью обобщенности, что позволяет им контурно отображать функционально-семантический потенциал синтаксических позиций в предложении [6, с. 164]: *то-то произошло без того-то (так-то)*. В приведенном примере имеем дело с трансформом исходного предложения. Базовая схема преобразовалась в модификат-схему, но не просто через регулярный эллипсис малоинформативного экзистенциального глагола-сказуемого, а сложнее – через процедуры 1) стяжения словосочетания-распространителя глагола в словоформу и 2) замещения (функциональной эквивалентности – в терминологии В.В. Луцкай [7]) неспециализированной словоформой *без гопака* позиции, предназначенной для специализированной. Стяженный глагольный распространитель с атрибутивным в широком смысле значением выдвигается в субпозицию именной части сказуемого ($N_1 - Vf$ без $N_2 \rightarrow N_1 - без N_2 \approx Vf$), т.е. второстепенный член предложения берет на себя роль вторичного предиката, заняв предикативную позицию, отчего разрыва в цепи синтаксической связи не чувствуется, как это имеет место в предложениях первого типа – с эллиптированным глаголом движения или интенсивного действия (*Татьяна в лес, медведь за нею*. Пушкин; *Офицер – из пистолета, Тёркин – в мягкое штыком*. Твардовский). Зато новая структура приобрела собственную модально-временную парадигму: *Триумф (был / будет / был бы / будь) без гопака*. Формально-семантическая модель таких вторичных построений *то-то (было/будет) таково*. Вслед за В.В. Луцкай мы относим подобные предложения-высказывания к эллиптическим полным [7, с. 249] (бытийный тип), поскольку экспликации глагола-сказуемого уже не требуется, достаточно глагольной связки. Предложно-падежная словоформа выступает как функциональный эквивалент глагола-сказуемого (*без N₂ ≈ Vf*) и стягивает на собственное категориальное значение

семантику синтаксической позиции, т.е. обогащается новыми смыслами – предикативно-оценочным, атрибутивным (без чего? —> каков?) на уровне синтаксиса, метонимическим – на уровне семантики (‘без ярко выраженной украинской символичности’) и одновременно эмоционально-экспрессивным на уровне прагматики (исполнение гопака как признак большого эмоционального подъема у украинцев).

Предложения же типа *Я за свечку, свечка – в печку* (К.Чуковский); *Он опять о своём* (разг.); *Пушки в сторону!* (рекл.) и подобные мы относим к первой разновидности (см. выше) и считаем их эллиптическими неполными (акциональный или перцептивный тип). Основное различие между ними и полными эллиптическими предложениями лежат как в сфере структуры, так и семантики. У эллиптических неполных не происходит семантических сдвигов. Связь второстепенного члена предложения группы сказуемого с подлежащим осуществляется опосредованно через имплицитный глагол, который удерживает распространитель в исходной позиции. Опираясь на выявленные различия, сформулируем определения для данных разновидностей компрессивных безглагольных конструкций.

Эллиптическое неполное предложение – речевая реализация двусоставного полного глагольного предложения, в котором отмечается регулярная незамещенность позиции глагольного сказуемого с семантикой интенсивного действия, движения или мысли, говорения и замечен разрыв в цепи синтаксической связи : *Бабка – за деду, дедка – за репку* (из народной сказки); *Теркин – дальше. Автор – вслед* (А. Твардовский); *Я ему – про Фому, а он мне – про Ерему*. Для их «поворота» на оси времени потребуются эксплицитировать соответствующий глагол (или подходящий из лексико-семантической группы), следовательно, такая компрессированная конструкция отвечает схеме $N_1 - (Vf) N_2... / Adv$. Структурная компрессия не влечёт семантических сдвигов. Можно говорить только об интенсификации самого действия при отсутствии глагола.

Эллиптическое полное предложение – полное двусоставное предложение с именным составным сказуемым, сформировавшимся из бывшего приглагольного распространителя вследствие системного устранения экзистенциального глагола и передвижения второстепенного компонента в присвязочную субпозицию составного именного сказуемого без видимого разрыва в цепи синтаксической связи: *День – в мельчайших деталях* (рубрика на ТВ); *Фильм – в оптимистическом ключе* (из рекл.); *Майдан под кленовым сиропом* (Донецкий кряж, №47, 2013); *Любовь – с первого вклада* (реклама банка); *Обувь по ноге и по карману* (вывеска на магазине обуви); *Жизнь – как по маслу... эфирному* (реклама ароматерапии в аптеке); *Отдых на «бегающей дорожке»* (из рекламы модели Наоми Кэмпбелл); *Карьера – за два года*; *Стиральный порошок – в подарок* (реклама в магазине); *Мир не без добрых людей*; *Им хлеб – не в сласть, Вода не в милость, Им ночь – не в отдых, День – не в свет* (Е.Благинина); *Не по Сеньке шапка* (погов.). В них реализуется семантическая схема *то-то таково*, т.е. присвязочный компонент состава сказуемого, несмотря на разнообразие его формы и лексико-грамматического значения, под влиянием функционально-семантического потенциала синтаксической позиции приобретает значение предикативного признака, оценки и дополнительных коннотативных наслоений. На его семантическую структуру накладывает отпечаток изменившаяся дистрибуция, возникает семантический синкретизм. Производная единица нередко подвергается пересемантизации – метафорическим или метонимическим переносам. Например: *Микстура – от 100 невзгод* (Мелочи жизни, №7, 2017): первичный потенсив (*убережет/избавит от 100 невзгод*) синонимизируется с выражениями: *от многих болезней, от всякой хвори*, а в своей вторичной функции предиката он обретает дополнительный ряд синонимов,

несвойственных для первичной: *очень эффективная, широкого спектра применения = вылечивает от всего*. Ср. также: *Galina Blanca: любовь с первой ложки!* (телереклама) – *любовь (начинается с чего?) – с первой ложки*; но *любовь (какая, но не с чего?) – с первой ложки = быстрая, мгновенная – метафора*; *Удовольствие – в квадрате!* (вывеска в развлекательном центре) – *удовольствие какое? = огромное, безмерное – метафора*.

Вследствие действия принципа функциональной эквивалентности в таких случаях имеем дело не с конструкциями, подпадающими под обобщенную структурную схему $N_1 - Vf N_{2...}$, а с многочисленными трансформами, соответствующими модификат-схеме $N_1 - \approx Vf$ (где знак $\approx$ указывает на то, что позиция, предназначенная для морфологизованного члена предложения, замещена функциональным эквивалентом, т.е. неспециализированной словоформой или комплексом). Г.Н. Акимова назвала этот процесс результатом «распада словосочетаний, ранее занимавших второстепенные позиции в предложении» [1, с.67]. Мы склонны квалифицировать его как функционально-синтаксическую деривацию, сопровождающуюся развитием дополнительного значения у словоформы во вторичной синтаксической позиции и функции. Подробнее об этом явлении – в нашей публикации [6].

Современный разговорный и публицистический дискурс дает огромное количество примеров таких конденсированных структур с предикатом оценки, возникшими из приглагольного субстантивного или комплексного распространителя и подтверждающими мысль А. Киклевича о том, что «часто семантическая деривация слова напрямую связана с изменением его синтаксического функционирования» [4, с. 195], с поправкой: не слово, а словоформа: *Твоя девушка – без тормозов* (соцсети), *Одежка не по сезону* (соцсети); *Он опять с прибылью*; *Один за всех, все за одного*; *Донецк – за мир!*; *Веб в помощь* (ж. Chip, №2, 2010); *Приём только по записи* (ж. Т₃, № 8, 2016); *Смех «на закуску»* (рубрика на ТВ); *События недели – в лицах и цифрах* (ТВ); *Частная жизнь – в интерьере политики* (ТВ); *Дроны – на страже порядка* (ТВ), *У меня интернет по модемному соединению* (соцсети); *Во всем Барцевский – сам от себя в экстазе* (блогосфера радио «Эхо Москвы»); *Теперь всё общение – в сетях* (разг.).

Иными словами, полисемантность словесного знака обусловлена его полифункциональностью, способностью к позиционным менам. Одна и та же синтаксема в различных синтаксических позициях демонстрирует омосинтаксемные ряды [7, с. 133-145], которые иерархизируются в функционально-синтаксическую парадигму [5; 6]: в каждой синтаксической позиции словоформа должна функционально-семантически соответствовать своему статусу – быть первичной, специализированной или вторичной, неспециализированной.

Можно предполагать, что через подобные сдвиги по принципу функциональной эквивалентности в русском языке сформировалась модель синкретических по семантике словосочетаний с «некоординированными» (Н.Ю.Шведова) компонентами ($N N_{2-6} \approx Adj$), и наблюдается устойчивый рост атрибутивных связей, именующихся падежным примыканием. Так, первый из проанализированных нами примеров может в определенном контексте восприниматься как словосочетание (семантическая модель *такой-то тот-то*), например: *Мы наблюдали **триумф без гопака*** (какой триумф?). А когда модель сформировалась и «работает», то дальше идет ее свободное наполнение: *спорт по выходным, город на Кальмиусе, человек из блогосферы, повреждения от осколков, дом без крыши; демократия по разрешению; «пространство между звездами – это время без любви»* (К. Кедров); *«Конфетки в оберточном глянце / суют*

нам, и хлеба куски...» (В. Калиниченко). Интересные примеры авторских (часто окказиональных) заголовков-словосочетаний исследуемого типа находим у Д. Донцовой: «Аполлон на миллион», «Привидение в кроссовках», «Экстрим на сером волке», «Фейсконтроль на главную роль», «Тушканчик в бигудях», «Скелет из пробирки», «Фен-шуй без тормозов», «Маникюр для покойника» и др.

Однако вернемся к предикатам. Имена предикатов – это способы мышления о мире. Структура объективной действительности преломляется в структуре мыслительного процесса (в терминах В.Н. Мигирова). Современный человек в содержание своих высказываний стремится вложить не только информацию о реальном положении дел в действительности, но одновременно, предельно конденсируя её, – и свое отношение, оценку, субъективное видение ситуации. Отсюда обнаруживается глубинно-синтаксическая природа многих семантических явлений в лексике. Так, регулярный эллипсис предикатора субъектного компонента позиционного состава предложения исторически привел к закрытию («разрушению» по И.П. Распопову) позиции подлежащего (N_I) и образованию безличных предложений. Это повлекло межсхемные трансформации на уровне синтаксиса и изменения в семантической структуре предикатора компонента под влиянием семантики сформировавшейся позиции для безличной формы глагола (*Кровь стучит в висках* → *В висках стучит*, т.е. $N_I - V_f \rightarrow V_{fs}$; *то-то происходит* → *таково происходит*), где акциональный глагол, выдвинутый в позицию главного члена безличного предложения со специфической дистрибуцией приобретает значение самопроизвольного действия как состояния инактивного субъекта. Этим объясняется возникновение некоторых разновидностей безличных глагольных предложений: *В боку колет; Под ложечкой ноет; Голову разламывает; Счастливому и промеж пальцев вязнет* (В.И. Даль); *Ну и льет сегодня* (разг.); *Из окна дует; И вдруг... Кишки от этого «вдруг» зацципало!* (А. Приставкин); *Чтоб тебя ахнуло, грюкнуло, фукнуло, бацнуло* (ТВ: «Аншлаг»); *... в ободнявшем приглушенном свете виделось далеко и чисто* (В. Распутин). Структуры могут быть не только глагольного происхождения, но и именного с расчлененным главным членом, который в позиции $\approx V_{fs}$ под влиянием семантики позиции и дистрибуции приобретает признаковое значение состояния:

а) ‘состояние как результат законченного бессубъектного или косвенно-субъектного действия’: *Сказано – сделано; Было и пито и бито* (В. Даль); *У кого спереду навешано, у кого сзади нашито* (П. Бажов); *Уж об этом говорено-переговорено* (разг.); *У нас открыто* (вывеска на двери магазина); *Налайкано от души* (соцсети); *Уже загулено, ждём* (разг.) *Сделано в Италии; Изготовлено на ДМЗ; Интересно задумано; С ошибками набрано* (смс-сообщение);

б) ‘непроцессуальное состояние природы, среды или человека как результат субъективно-оценочного атрибутивно представленного восприятия и отображения мира говорящим’: *К вечеру туманно и моросно* (ТВ); *Было в городе строго и лыжно* (Е. Евтушенко); *Мне тихо и осенне* (Р. Казакова); *В мире душно от ненависти* (Н. Тихонов); *С умами туго и почти беспросветно* (соцсети);

в) ‘непроцессуальное, квазиатрибутивное состояние среды и человека’: *У хлеба не без крох* (В. Даль); *Им не до шуток; В политике не без грязи* (М. Леонтьев); *С лозунгами «наша жизнь – поцелуй, да в омут» нам не по дороге* (Ю. Домбровский); *Нам здесь по колено; В воре что в море, а в дураке что в пресном молоке* (В. Даль); *А меж тем сказке – далеко до развязки!* (Л. Филатов); *На войне как на войне* и др. (Подробнее об этом в нашей публикации [5]).

Все именные предикаты структурной схемы $\approx V_{fs}$, независимо от их морфологической принадлежности и категориальной семантики, соответствуют

семантической схеме *было/будет таково*. Так, например, в конструкции *На войне как на войне* к предикату уместно задать вопрос: *Каково на войне?* – *На войне как на войне* (= тяжело, трудно, опасно).

Изменение синтаксической функции словоформы в связи с компрессированием контекста и синтагматическими перегруппировками может лежать в основе такого лексико-семантического явления, как метонимический перенос. Например: *пить валериану* (вместо *настой / экстракт валерианы*); *купить спальню / кухню* (вместо *мебель для спальни / кухни*); *попал в больницу с почками / с сердцем* (вместо *попал в больницу с заболеванием почек / сердца*); *пользоваться Далем / Фасмером* (вместо *словарем Даля / Фасмера*); *Его телефон у тебя на столе, я на календаре записала* (А.Берсенева) (вместо *номер телефона*). Налицо семантическая трансформация зависимой словоформы (расширение её семантической структуры в производной конструкции) как результат синтаксической конденсации господствующего слова. О «семантическом усложнении» подобных компрессем при «формальном упрощении конструкции» говорит и Б.Ю. Норман [9, с. 186].

В других случаях метонимический перенос и конденсация смысла в слове с референтным значением происходит либо через синтаксическую редукцию валентности на распространитель: *стакан залпом выпил* (вместо *стакан воды*); *целую кисть умял* (разг.; о винограде); *«Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»* (И. Крылов; о содержимом тарелки); *Какая марка ушла?* (разг., донецкое; о номере автобуса), либо в результате стяжения словосочетания в словоформу, несущую ключевое значение: *Вы думаете, у него нет шенгена?* (А.Берсенева) – о шенгенской визе; *Пусть сначала «минск» выполнят, потом разговаривать будем* (Радио Вести FM) – о Минских соглашениях по Донбассу. Подобные речевые образования Б.Ю. Норман отнес к «парадигматической» разновидности свертывания» и отметил в них «семантическое развитие опорного слова» [9, с. 181].

Связь полисемии различного толка с синтаксической компрессией достаточно подробно описал А.К. Киклевич в [4, с. 195–212]. Однако если он видит в данных процессах сходство [4, с. 199], то мы – прямую зависимость первого от второго.

Любопытно, что многие исследователи компрессем в речевом дискурсе обращают внимание на конструкции окказионального характера, в которых актуализируется языковая игра (Б.Ю.Норман, В.З.Санников) на базе синтаксической компрессии, в результате которой говорящий «получает явление, именуемое “семантической компрессией”» [11, с. 495], где небрежная «окказиональная» компрессия приводит к комическому эффекту, искажает общий смысл фразы, создает неуместную двусмысленность: *Больных в семь утра закапывать всех* (вместо *закапывать глаза больным*); *В связи с ремонтом парикмахерской укладка женщин будет производиться в мужском зале* (вместо *укладка волос женщинам*) [4, с. 199]. К таким построениям можно относиться по-разному: это «грамматика говорящего» (по Б.Ю. Норману), за ней же стоят, как показывает материал всего исследования, не только поверхностные синтаксические, но и глубинные семантико-синтаксические трансформации.

Таким образом, явление синтаксической компрессии не столь просто и однозначно, как может показаться на первый взгляд. В нем есть сегмент с ярко выраженной функционально-семантической спецификой, где проявляется действие закона асимметрического дуализма знака и значения, срабатывает принцип функциональной эквивалентности при заполнении позиционного состава предложения-высказывания, возникает семантический синкретизм, «обусловленный противодействием категориального значения неспециализированной формы и

функционально-семантического потенциала занимаемой синтаксической позиции» [7, с. 69].

Когда в современной речевой коммуникации превалируют тенденции к усилению диалогичности, разговорности, экспрессивности, следует ожидать дальнейшего наращивания темпов развития таких явлений, как синтаксическая компрессия, а значит, наблюдения в этом направлении необходимо продолжать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
2. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
3. Дедковская, Д.М. Влияние синтаксической компрессии на употребление именительного падежа во вставке / Д.М. Дедковская // Русистика. Вестник ЦМО МГУ – 2009. – №1. – С. 7–11.
4. Киклевич, А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом / А.К. Киклевич. – Харьков, Изд-во «Гуманитарный центр», 2014. – 444 с.
5. Курмакаева, Н.П. Безличные номинативно-субстантивные предложения в русском языке // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; под ред. А.П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2013. – Вип. 26. – С. 103–109.
6. Курмакаева, Н.П. Проявление асимметрического дуализма в позиционном составе предложения / Н.П. Курмакаева // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность : VII Междунар. науч. конф. (к 100-летию Таврического ун-та): сб. науч. ст. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 160–167.
7. Лушай, В.В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В.В. Лушай. – Донецк: ДонНУ, 2010. – 255 с.
8. Мурзин, Л. Н. О законах синтаксической деривации и порождении связного текста / Л.Н. Мурзин // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 189.
9. Норман, Б.Ю. Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию / Норман Б.Ю. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 232 с.
10. Ордынская, С.Н. Языковая компрессия: ее онтология, сущность и функции / С.Н. Ордынская // III Междунар. Бодуэновские чтения: труды и м-лы: в 2 т. / под ред. К. Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 2006. Т.2. С. 12–13.
11. Санников, В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В.З. Санников. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
12. Цыганенко, Г.П. Русский язык. Морфемика. Словообразование. Этимология / Г.П. Цыганенко. – Донецк, 1999. – 316 с.

N. P. Kurmakaeva

SYNTACTIC COMPRESSION: DYNAMICS OF SIGN AND MEANING

The article reveals the essence of the universal linguistic phenomenon - syntactic compression, which is based on the principle of functional equivalence of a sign in the positional composition of a sentence. The result is in-circuit and inter-circuit shifts, functional

syntactic and semantic derivation. The compressema is studied as the quintessence of functional pragmatism in human speech activity.

Key words: syntactic compression, functional equivalence, functional syntactic and semantic derivation, metonymy.

УДК 81:656.123.4

Е. В. Юрьева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

ОСНОВНЫЕ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассмотрены стратегии, речевые ходы и тактики, которые использует адресант слогана социальной рекламы для воздействия на адресата. Установлено, что адресантом с целью усиления перлокутивного эффекта используются основные и вспомогательные стратеги. К основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, на его картину мира, поведение. Вспомогательные стратегии обеспечивают условия для эффективного восприятия и запоминания слогана.

Ключевые слова: адресант, адресат, слоган социальной рекламы, основные стратегии, вспомогательные стратегии.

Воздействие на адресата рекламного текста осуществляется с помощью фразы-лозунга, – слогана, который выражает содержание рекламного сообщения и легко запоминается.

Несмотря на то, что в наше время существует немало лингвистических исследований, посвященных языковым особенностям рекламного текста и слогана в частности [3; 9; 11; 12 и др.], оказывается проблематичным найти комплексный подход к изучению прагматических особенностей слогана социальной рекламы. В связи с этим основной задачей данного исследования является коммуникативно-прагматический анализ слогана, который даст возможность определить языковые средства, тактики и стратегии, используемые адресантом; дифференцировать и систематизировать функциональные коммуникативные стратегии в зависимости от степени их воздействия на сознание адресата.

Изучением коммуникативных стратегий занимались такие лингвисты, как Р. Водак, А. А. Горячев, Т. ван Дейк, И. М. Дзялошинский, С. В. Доронина, О. С. Иссерс, Д. М. Колесник, Ю. К. Пирогова и др.

Первоначально термин «стратегия» не являлся лингвистическим, а был заимствован из военной науки и означал «наука о ведении войны, искусство ведения войны» [10, 687]. В широком смысле под стратегией понимается способ каких-либо действий, не детализированный план достижения целей.

По мнению Ф. С. Бацевича, стратегия речевого общения, или коммуникативная стратегия – это оптимальная реализация интенций говорящего в отношении достижения конкретной цели общения, то есть контроль и выбор действенных ходов общения и гибкого их видоизменения в конкретной ситуации [1, с. 133].

Учитывая все вышесказанное, на наш взгляд, наиболее полным толкованием коммуникативной стратегии представляется определение И. Н. Борисовой. По ее

мнению, коммуникативная стратегия – это способ реализации замысла, она предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата [2, с. 85].

В связи с особенностями рекламной коммуникации любое использование речевых средств в слогане является стратегическим замыслом адресанта.

Мы разделяем мнение О. С. Иссерс о том, что «с функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии» [7, с. 184]. По мнению О. С. Иссерс, «основной можно назвать стратегию, которая на данном этапе коммуникации взаимодействия является наиболее весомой с точки зрения иерархии мотивов и цели. В большинстве случаев, к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его картину мира, систему ценностей, его поведение. Вспомогательные стратегии, по мнению автора, способствуют оптимальному воздействию на адресата [7, с. 184]. Разделение стратегий О. С. Иссерс связывает с иерархией коммуникативных задач: семантические (когнитивные стратегии) соотносятся с главными задачами, то есть с непосредственной целью воздействия, а все другие коррелируют с второстепенными [7, с. 184].

Создавая образ объекта рекламирования, адресант связывает этот объект с чем-то, что оценивается адресатом положительно или отрицательно. Не случайно В. И. Карасик считает оценочность одним из шести главных качеств рекламного текста [9]. Скрытая или прямая оценка, которую содержит текст рекламного сообщения, влияет на использование речевых средств. Обычно, текст рекламы построен на антитезе, и его речевые средства делятся на две группы в зависимости от высказанной ими оценки (положительной или отрицательной) [14, с.115]. Оценочность в рекламе реализуется не только путем выявления прямой оценки («*Хорошие книги поднимут тебя до небывалых высот*» (<https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samye-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/>)), но и за счет связывания объекта рекламирования с предметами или явлениями, которые уже оцениваются адресатом положительно или отрицательно («*Книги – музыка для души*» (<https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samye-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/>))). В данном примере положительно оценивается чтение книг.

В основе любого рекламного текста – прототипный рекламный текст, который является идеальной моделью основных компонентов, участвующих в рекламной коммуникации [12, с. 104]. По мнению А. С. Поповой, трансформация прототипной модели находится в основе рекламного манипулирования. Принимая во внимание систему описания А. С. Поповой, мы предложили собственную модель основных компонентов слогана социальной рекламы:

- 1) я (адресант)
- 2) прошу
- 3) тебя (адресата)
- 4) изменить свое отношение к определенным социальным нормам, проблемам и тому подобное.

Это изменение возможно лишь при условии удачного сочетания основных стратегий и стратегий оптимизации коммуникативного воздействия слогана социальной рекламы [14, с.116].

Среди основных стратегий особое внимание следует уделить стратегиям дифференциации или стратегиям нейтрального самостоятельного выбора, которые помогают выделить объект рекламирования [11], стратегиям ассоциирования, которые подчеркивают связь объекта рекламирования с положительным опытом, и стратегиям

диссоциирования, которые подчеркивают различия между объектом рекламирования и ментальными репрезентациями других объектов, идей, явлений и тому подобное [3, с. 79]. Условно можно отметить определенные корреляции между стратегиями ассоциирования и диссоциирования, с одной стороны, и стратегиями негативной репрезентации и положительной самопрезентации, с другой стороны [5]. На наш взгляд, последние две стратегии являются когнитивным планом первой пары стратегий, поскольку позволяют объяснить когнитивные механизмы и результаты ассоциирования и диссоциирования.

Когнитивные стратегии негативной репрезентации осуществляются, по мнению Т. ван Дейка, с помощью когнитивных операций расширения / транспозиции и обобщения [5].

Цель «*расширения или транспозиции*» – эффективно построить новые или активизировать старые модели ситуаций, связав их с негативными схемами чужих говорящему групп. Это осуществляется с помощью переноса негативного опыта с одной когнитивной сферы на другую. Если в модели или схеме получила выражение какая-нибудь негативная деталь, отрицательное отношение распространяется на всю модель или схему, как, например, в слогане «*Скажи «НЕТ» наркотикам! Выключи модем!*» (<http://mnogostatusov.ru/statusy-pro-zhizn/7719-skazhi-net-narkotikam-vykly.html>). Когнитивная когерентность достигается путем объединения негативных моделей или схем с помощью атрибуции качеств [5].

Когнитивная стратегия обобщения (частичной модели к групповой схеме) реализуется в речевых ходах *обобщения и приведения примера* [5]. Обобщение используется, чтобы показать, что приведенная информация не «случайная», оно способно сформировать и интенсифицировать общественное мнение, например: «*Легкие курильщика подобны губке, полной канцерогенных смол. Курение – причина рака легких, бронхита, эмфиземы. Курение сокращает жизнь на 10-15 лет!*» (<http://sozd.org/ru/content/antitabachnaya-socialnaya-reklama>). С помощью хода «*приведение примера*» адресат понимает, что общественное мнение базируется на конкретных фактах (статистических данных) или опыте: «*8 лет жизни и молодость – в подарок. Хотите подарить себе 8 лет жизни, бросьте курить. Именно настолько дольше по сравнению с курильщиками живут те, кто не имеет этой пагубной привычки*» (<http://voxfree.narod.ru/slogan.html>).

Среди других средств манифестации речевых стратегий, которые непосредственно или косвенно связаны с моделированием общественного мнения, представлений и оценок, Т. ван Дейк и современные зарубежные и отечественные языковеды выделяют семантические ходы *контраста, утверждения* [5; 13], *противопоставления, «иллюзии выбора»* [6; 9], *специфичности, полноты* [6], *обвинения, оправдания, упрёка, насмешки, дискредитации, ссылки на авторитеты* [7].

Упрёк – неодобрение, высказанное адресату за то, что он поступает неправильно или не оправдывает определенных надежд, например: «*Сенсация. Дарья Донцова бросает писать книги и стришет собак за деньги! Поощряя интернет-пиратство, вы рискуете не дождаться новых книг ваших любимых авторов*» (<http://bookmaps.ru/advancing/social/>) или «*Прежде чем вырубить лес, подумай о здоровье всего живого!*» (http://tvooykonkurs.ru/archive?p=5&id_nomin=&id_theme=58&concur=6).

Контраст – ход, который имеет несколько когнитивных функций: семантическую – подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей, их действий или качеств, с целью реализации стратегии противопоставления МЫ-группы и ОНИ-группы; риторическую – привлечение внимания к участникам отношений

контраста (структурирование информации). Этот ход используется для моделирования ситуаций, где прослеживается конфликт интересов [15], например: «У тебя есть подушка безопасности, а у пешехода – нет. Будь внимателен за рулём» (<http://www.autocentre.ua/video/other/nokian-tyres-ukraina-zapustila-sotsialnuju-aktsiju-podushka-bezopasnosti-dlja-peshekhodov-3109.html>).

Специфичность, полнота – метод отбора информации. Адресант использует лишь такую информацию, которая направлена на то, чтобы вызвать у адресата негативную оценку: «Тариф «Болтливый водитель». Все входящие в капот» (<http://vse-ravno.net/tag/socialnaya-reklama/page/2/>).

«Иллюзия выбора» или «выбор без выбора» – моделирование ситуации так называемого мнимого выбора, когда адресату внушается лишь одно определенное отношение к предмету, явлению или ситуации: «Выпил? Выбери, с кем продолжит путь» (<http://xn--80aag2cmi.xn--plai/alko>). Визуальный ряд данного креализованного текста дополняет вербальную часть: на выбор пьяного водителя адресант предоставляет автомобиль ГАИ, реанимобиль и такси.

Кроме стратегий, формирующих негативное отношение к объекту рекламирования, существует большое количество стратегий, которые предназначены для ассоциирования объекта рекламирования с положительными характеристиками или опытом. Этой группе стратегий мы дали название «когнитивные стратегии положительной презентации». К ним относятся стратегии тождества с положительным опытом или $y=x$ («Стиль жизни – здоровье» (<http://www.nm45.ru/news/obshchestvo/v-kurgane-sobirayut-zayavki-na-konkurs-reklamy-stil-zhizni-zdorove>), «Уважение=безопасность» (<http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html>)), обобщение с положительным опытом или качествами, то есть y как x («В жизни как в небе» (<http://citycelebrity.ru/citycelebrity/Post.aspx?PostId=31217>)), включение в положительный опыт или y относится к x («Миша программист и донор» (<http://tvoykonkurs.ru/user/13183>)), пересечение с положительным опытом или y и x имеют что-то общее («Бесплатный пакет? Спасибо, нет! Мой город против пластикового мусора» (<http://ecology.md/page/besplatnyj-paket-spasibo-net-snova-pr>) или «Это нужно человеку. Воздух. Вода. Еда. Книга» (<http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/>)), апелляция к изменению к лучшему («Откройте окно в свое сердце!» (<http://www.gorodkovrov.ru/topic/JuliyaTrofimova/socialnaya-reklama-vospitanie-detey-bez-obid-i-unizheniy-foto.html>)), топосы – апелляция к высшим ценностям, среди которых Р. Водак выделяет пользу, бесполезность, опасность, угрозу, бремя, финансы, цифры, закон, гуманизм, справедливость, ответственность, действительность / реальность, историю, культуру, злоупотребление: «Пьяный за рулем – опасность для всех!» (<http://bor-obyav.ru/board/uslugi/predlozhenija-uslug/item-6925.html>), «Культура меняет нас вместе с Огюстом Роденом» (<http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html>). Мы добавили к этому перечню любовь, честность, дружбу, заботу, доверие, воспитание, прощение, опыт, уважение, добро, внимание, здоровье, молодость и др. («Любовь. Что это? Расскажите вашим детям», «Дружба. Что это? Расскажите вашим детям» (<http://vse-ravno.net/feedback/vechnye-cennosti>) или «Делай добро природе, и оно к тебе вернется» (http://tvoykonkurs.ru/archive?p=5&id_nomin=&id_theme=58&conkurs=6).

На рубеже вышеприведенных групп находятся стратегии, которые занимают нейтральную позицию в оценивании объекта рекламирования, тем самым давая возможность адресату самостоятельно сделать выбор и позволяя адресанту избежать негативных замечаний. В первую очередь среди семантических ходов, которые используются для реализации стратегий «нейтрального самостоятельного выбора», мы

выделяем *предположение*, например: «Если бы ты читал книгу, то знал бы, что у Шурика и у Шпака была одна общая коммунальная квартира, на двери которой висел навесной замок» (<https://fishki.net/1259683-esli-by-ty-chital-knigu-to-znal-by-что-у-Шурика-и-у-Шпака-была-одна-общая-коммунальная-квартира,-на-двери-которой-висел-навесной-замок>); *референцию / номинацию* (конструирование круга лиц с общими интересами [Wodak R. Discourse]), например: «Пермь меняется. Меняйся и ты. Мы – культурная столица» (<http://www.proreklamu.com/news/news-advertising/17667-sotsialnaja-reklama-na-ulitsah-permi-zapretila-pjuschi-h-zhenschin.html>); *предикации*, например: «Здоровый образ жизни – лучшая альтернатива наркотикам» (по мнению Р. Водак, *номинация и предикация* – это дискурсивные стратегии, но мы определяем их как семантические ходы, так как в дискурсе социальной рекламы с их помощью можно реализовать различные виды стратегий: *отрицательной, положительной и нейтральной репрезентации*); *косвенный речевой акт*, например, когда под видом вопроса адресант может подразумевать нечто большее: «Управление в состоянии опьянения?» (<http://primmarketing.ru/creative/2012/10/26/creativ/65525/>); семантический ход «*дедуктивного умозаключения*» (логическая связка, которая наталкивает дестинатора на определенный вывод), например: «Просто черный цвет. Включи фары. Сохрани жизнь себе и другим» (<http://tvoykonkurs.ru/user/13183>).

Перечень основных коммуникативных стратегий приведен в таблице №1.

Таблица №1. Основные коммуникативные стратегии

Стратегии		Ходы и тактики
<i>диссоциирования</i>	коммуникативные стратегии негативной репрезентации	расширение / транспозиция, обобщение и приведение примера, контраст, утверждение, противопоставление, «иллюзия выбора», специфичность / полнота, обвинение, упрек, насмешка, дискредитация
<i>ассоциирования</i>	коммуникативные стратегии положительной презентации	тождество с положительным опытом, обобщение с положительным опытом или качествами, включение в положительный опыт, пересечение с положительным опытом, апелляция к изменению к лучшему, ссылки на авторитеты
<i>дифференциации</i>	стратегии нейтрального самостоятельного выбора адресата	предположение, референция / номинация, предикация, косвенный речевой акт, семантический ход «дедуктивного умозаключения»

Как отмечалось выше, кроме стратегий, направленных на изложение аргументов в пользу объекта рекламирования или его негативную оценку, существует большое количество стратегий, которые обеспечивают условия для эффективного восприятия и запоминания слогана. Вслед за А. А. Горячевым и Ю. К. Пироговой мы называем их стратегиями оптимизации или оптимизирующими стратегиями.

Оптимизирующие стратегии выделены по динамическому принципу – в зависимости от условий успешного взаимодействия и в том порядке, в котором происходит взаимодействие реципиента с текстом (получение сообщения, восприятие, запоминание, действие) [3, с. 95].

Следует согласиться с О. С. Иссерс, что эти стратегии можно разделить на три подгруппы:

1) прагматические – стратегии, которые направлены на возникновение в сознании адресата такого способа текущей коммуникативной ситуации, который максимально способствует воздействию [3, с. 96]; на дифференциацию слогана среди других ему подобных; на эмоциональный настрой адресата;

2) диалоговые – стратегии, цель которых – вызвать доверие, они фокусируют внимание адресата на сообщении, рассчитаны на оптимизацию процесса обработки информации: облегчение распознавания и понимания информации, побуждают к решению о выполнении определенных действий;

3) риторические – стратегии, которые направлены на повышение заинтересованности сообщением, на усиление эффекта коммуникации, на вызывание положительных или отрицательных эмоций адресата, на облегчение процесса чтения и на эффективное запоминание информации.

Анализ фактического материала позволил определить основные речевые тактики и семантические ходы, используемые для реализации стратегий оптимизации слогана социальной рекламы (таблица №2).

Таблица №2. Коммуникативные стратегии оптимизации

Стратегии		Ходы и тактики
<i>прагмати- ческие</i>	стратегии статусные и ролевые; стратегии дискурсивного позиционирования; стратегии повышения распознавания рекламного сообщения; стратегии, которые эмоционально настраивают адресата	авторизация как способ выражения «Я» говорящего «Я жду папу и маму всю жизнь. Каждому ребенку нужны родители. И свой дом» (http://vladmama.ru/forum/viewtopic.php?f=82&t=11352), эффект новизны «Открывай новое. Читай книги» (http://voxfree.narod.ru/slogan/social.html), использование фактора юмора «Министерство образования предупреждает. Чтение приводит к развитию ума. Чтение препятствует дебилизации. Чтение активизирует мыслительные процессы!» (http://woman-az.ru/viewtopic.php?t=731), «Пешеходы бывают: быстрые, мёртвые, внимательные» (http://humor.fm/1599-besposchadnaya-russkaya-socialnaya-reklama.html), комплимент «2-й тост за родителей: растить троих – это по-взрослому» (http://adhard.ru/datas/users/549-second_tost.jpg), апелляция к «мечте» «Читай ... и мечтай» (http://www.elf.ru/uploads/posts/201107/1310391525_48.jpg), использование эмоции страха «Только у читающей страны есть будущее» (http://bookmaps.ru/advancing/social/) и др.
<i>диалого- вые</i>	стратегии, которые используются для мониторинга темы; стратегии распределения информации вдоль оси «более / менее	прием неожиданности «- Пей, кури. Естественный отбор уже начал ... Костромской похоронный дом» (http://humor.fm/1599-besposchadnaya-russkaya-socialnaya-reklama.html) или «Пишите СМС за рулем. Бюро Ритуальных Услуг» (https://ofigenno.com/genialnaya-reklama), интрига «Курильщик, посмотри в зеркало»

	<p>важное»; стратегии управления вниманием; стратегии управления декодированием и интерпретацией; стратегии управления критичностью восприятия; стратегии прямого влияния на процесс принятия решения</p>	<p>(http://www.vseminfo.ru/news/2010/05/28/news_41.htm), трюизм «Алкоголь – причина подростковых трагедий» или «Курение уничтожает тебя постепенно» (http://molodejka93.ru/photo/156-socialnaya-reklama-ot-upravleniya-molodezhnoy-politiki-krasnodarskogo-kрая.html); упрощение проблемы «Как стать донором. Найти. Стать супергероем легче, чем ты думаешь» (http://tvoykonkurs.ru/user/15699), «Чистый город? Легко!» (http://kaifolog.ru/russia/4408-russkaya-socialnaya-reklama-60-foto.html), модальность «Я уверен, моя мечта исполнится!» (http://files.geometria.ru/pics/original/052/391/52391431.jpg), простой синтаксис «Хватит божжевать! Пора работать!» (http://www.ljplus.ru/img4/s/e/serg_logvin/1_62.jpg), утверждение под видом вопроса «Ваш ребёнок мечтает о братике или сестричке?» (http://realove.ru/upload/UserFiles/wish2_pr.jpg), прямая команда «Читайте детям книги!» или «Узнай свою страну!» (http://bookmaps.ru/advancing/social/), команда, скрытая в вопросе «Где сей час играет Ваш малыш?» (http://cs623229.vk.me/v623229201/36617/P11BxYkQoaw.jpg), использование лексики, которая обозначает извечные человеческие ценности «Рацион человека. Овощи, фрукты. Хлеб, зерновые. Мудрость, знания. Молоко, сладости. Мясо, рыба» (http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/), использование местоимений (инклюзивное «мы» «Мы за здоровый образ жизни!»)(http://www.vseminfo.ru/news/2010/05/28/news_41.html), неформальное «ты» «И ты оттолкнешь меня?» (http://promoatlas.ru/gde-razmestit-sotsialnuyu-reklamu/) и др.</p>
<p>риторические</p>	<p>стратегии привлечения внимания, стратегии драматизации, стратегии повышения читаемости сообщения, мнемонические стратегии, стратегии интенсификации</p>	<p>цитация «В лесу родилась елочка, ... так пусть она там и растёт!» (http://newsvo.ru/rubrics/obschestvo/2011/12/14/11%3A42%3A49.html) или «Я вас любил. Любовь ещё быть может .... А дальше?» (http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/); аллюзия «Будь готов к сезону гриппа 2018-2019» (http://sch66.minsk.edu.by/), «Читать не вредно, вредно не читать» (http://alldayplus.narod.ru/2011/4_29/49.jpg); метафора «Спорт – это состояние души» (https://www.google.com.ua/search?q=слоганы+о+спорте), «Книга – твоя дверь в будущее», «Чтение –</p>

		<p>спасительный плот» (https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samye-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/) или «Книги – музыка для души» (https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samye-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/); олицетворение «Курение в постели вызывает пожарную охрану. Не кури, дай ему поспать» (http://cs624230.vk.me/v624230544/499a6/4S7B1bKD Rv0.jpg), «Чтение убивает в человеке глупость» (http://www.taday.ru/text/2110135.html), «Книги поднимут до небывалых высот» (https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2014/05/06/samye-interesnye-plakaty-o-polze-chteniya/) или «Пока Ваши позвоночник не восстал против Вас, начните заниматься йогой» (https://ofigenno.com/genialnaya-reklama); метонимия «Люблю прилечь с «Госпожой Бовари». Читай книги – будь Личностью» (http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/); сравнение «Открой книгу. Говори. В каждом слове бездна пространства, каждое слово необъятно, как поэт» (http://tvoykonkurs.ru/p/otkroy_knigu_97174) или «Книги в парках. Читаем как дышим» (http://bookmaps.ru/i/social/park_1.jpg); фонетический и ритмический повтор «Циник, нигилист, цени книги лист» (http://lib-rarium.blogspot.com/2015/12/blog-post.html); рифма «Божьи коровки не курят в кровати! Долго живут, и у них все в порядке» (http://kyky.org/money/chem-belorussskaya-reklama-vgonyaet-v-shok-professionalov); употребление эпитетов «Симпатичная девушка ищет друзей. Умная. Стройная. В еде непривередливая. Возьмите друга из приюта» (http://www.sociama.ru/wp-content/uploads/2016/07/Reklama-fonda-pomoshhi-zhivotnym.png); попытка афоризма «Не выше, не сильнее, а умнее», – полузащитник ФК «Химки» Андрей Тихонов (http://www.sostav.ru/blogs/56013/6562/), «Если во всем облом, сдавайся и иди в библиотеку», – Стивен Кинг (http://kyl.guru/index.php?newsid=36); использование фразеологизмов «Асфальт, я тебе не по зубам. Едешь на велосипеде – надевай шлем!» (https://alexandertokarev.ru/all/analiz-socialnoy-reklamy/), «Мусор – он и в Африке мусор. Просьба не оставлять его здесь!» (http://www.advertology.ru/article137415.htm) или</p>
--	--	---

		<p>«Чужая жизнь в твоих тормозах» (https://www.ntann.ru/news/society/2018/news_584935/); окказионализмы «Пятница погубит субботу» (https://www.the-village.ru/village/city/city/163055-pochemu-sotsialnaya-reklama-stala-takoy-zhestokoy) или «Водитель, соблюдай правила перестроения! Меня тоже ждут дома. Катерина, 36 лет (МотоМАМА)» (http://static.ngs.ru/news/52/preview/6d1369d8f9ab91b22cefdc10d87750890db392cb_800.jpg); игра слов «Каждая жизнь дорога. Трезвая реакция на дороге спасает жизни» (http://kamzkh.ru/7763-sotsialnaia-reklama-prodorogi-petropavlovsk-pobedila-na-rossiiskom-konkurse.html), «Экологично? Если природа ответит тем же ...» (http://ussodesign.com/sotsialnaya-reklama-ekologichnyi-otvet-prirody) или «Родители? Курение вызывает бесплодие» (https://moe-online.ru/nn/zapisochki/163280); замалчивание (намек) «Не торопись за решетку. Пропусти пешеходов» (http://vse-ravno.net/tag/pdd) или «СМСишь за рулем? Береги жизнь ...» (http://refleader.ru/jgeyfspoljgepol.html), «По запросу «Алматы – город-сад» ничего не найдено...» (https://www.altyn-orda.kz/v-almaty-nazvana-luchshaya-socialnaya-reklama-kazaxstana/); препозиционные определения «Хороший русский язык помогает» (https://1soc.ru/news/view/429); постпозиционные определения (эффект края) «Мой муж самый лучший. Надежный, верный, трезвый» (http://трезвый-город.рф/); использование жаргонизмов «Клевые чиксы сдаются быстрее тем, кто цитирует Хемингуэя» (http://www.2social.info/kak-reklamirovat-kulturu/); заимствование иностранных слов «Ваши «файф-о-клок» закончен? Не уходите по-английски, оставив свой мусор», «Путь самурая должен быть чист. Убирайте после себя! Аригато!» или «Взяли Бастилию? Возьмите и мусор, сильвупле!» (http://www.advertology.ru/article137415.htm) и др.</p>
--	--	---

Итак, для человека, привыкшего рефлексировать по поводу собственной речи, стратегическое и тактическое планирование речевых действий – вполне осознаваемая задача. В политическом и рекламном дискурсе речевое планирование достигает уровня технологий. Однако и сегодня изучение речевого поведения представляет интерес как в теоретическом, так и в прикладном (лингводидактическом) аспекте [8, с. 51].

Текст слогана социальной рекламы определяется рядом характерных черт, обусловленных его коммуникативной направленностью как специфического средства

моделирования общественного сознания. Для достижения перлокутивного эффекта адресантом слогана используются как основные, так и вспомогательные стратегии воздействия на адресата, которые реализуются с помощью тактик и коммуникативных ходов, определяющих специфику речевых средств данного дискурсивного образца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф.С. Основы коммуникативной лингвистики: учебник / Флорий Сергеевич Бацевич.- 2-е изд., Доп. - К.: ВЦ "Академия", 2009. – 376с.
2. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И.Н. Борисова // Жанры речи. Вып.2. Саратов: Колледж, 1999. – С. 81–85.
3. Горячев А.А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Российский государственный пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2010. – 296 с.
4. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 153–211.
5. Дейк ван Т.А. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений (фрагмент). – [Электронный ресурс] / Т. ван Дейк. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk1.htm>
6. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология / Т. М. Дридзе: под ред. проф. А. А. Леонтьева. – Москва: Высш. шк., 1980. – 224 с.
7. Иссерс О.С. Коммуникативный менеджмент: типы речевых стратегий // Культуры народов Причерноморья. Научный журнал. № 82. Т.1. / О.С. Иссерс. – Симферополь, 2006. – С. 183-185.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Москва: КомКнига, 2006. – 288 с.
9. Карасик В.И. Язык социального статуса: монография / В.И. Карасик. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 390 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. док.филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. - 15-е изд., стереотип. - Москва : Рус. яз., 1984. – 816 с.
11. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации / Ю.К. Пирогова. – Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/materials/archive.asp?id=6778&y=001&vol>
12. Попова Е.С. Прототипический рекламный текст в структуре манипулятивного воздействия / Е.С. Попова // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты: Материалы Всероссийской конференции 15-17 ноября 2006 года. – СПб.: Сага, 2006. – С. 103-108.
13. Потапова М.М. Ролевая игра как приём активизации обучения русскому языку как иностранному студентов гуманитарных фак-в: Дис. ... канд. пед. н. 13.00.02/Рос.гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена / М.М. Потапова. – СПб., 2000. – 226 с.
14. Юрьева Е.В. Коммуникативно-прагматические и когнитивно-концептуальные функции слогана социальной рекламы: Дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Горловский институт иностранных языков. – Горловка, 2017. – 228 с.
15. Van Dijk T.A. Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction / T.A. van Dijk. – Barcelona: Ariel, 2003. – 118 p.

MAIN AND AUXILIARY STRATEGIES OF VERBAL INFLUENCE IN THE DISCOURSE OF SOCIAL ADVERTISING

The article describes the strategies and speech tactics that are used by the addresser of a social advertising slogan to influence the addressee. It has been established that the main and auxiliary strategies are used to enhance the perlocutive effect. The main strategies are those that are directly related to the impact on the addressee, on his picture of the world, and behavior. The auxiliary strategies provide conditions for the effective perception and memorization of the slogan.

Keywords: *addresser, addressee, social advertising slogan, main strategies, auxiliary strategies.*

УДК 811.161.1

А.Н. Стебунова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия языка и культуры при обучении русскому языку как иностранному, а также проанализированы культурологические тексты пословицы и поговорки, которые позволяют раскрыть особенности взаимодействия системы «язык – культура – личность».

Ключевые слова: *язык, культура, методика русскому языку как иностранному лингвокультурология, межкультурная коммуникация.*

Проблемы межкультурного и межнационального общения, влияния факторов культуры на познавательные процессы, роли фонового материала в овладении изучаемым языком активно рассматриваются в методической литературе с позиции лингвистики, психологии, культурологии и т.д.

В настоящее время как собственно в лингвистических, так и в прикладных (лингвометодических) целях проводятся значительные исследования национально-культурной специфики языковых единиц, то есть изучение зафиксированного в языке отображения особенностей духовной и материальной культуры того или иного народа.

В лингвистическом плане национальные особенности семантики языковых единиц представляют интерес с точки зрения выявления отраженной в них специфики языковой картины мира, присущей тому или иному народу. В лингводидактическом плане такие исследования позволяют выявить языковой материал, актуальный в практике преподавания русского языка как иностранного.

Иностранцы граждане, приехавшие в нашу страну, чтобы получить образование, активно взаимодействуют с новой для них инонациональной средой, включаются в процесс межкультурного общения.

Задача преподавателя – подготовить учащихся к адекватному контакту с инокультурой, к пониманию иного образа жизни, иных ценностей, корректному поведению в условиях чужой культуры, генетически отдаленной.

Знание преподавателем этнопсихологических и социокультурных особенностей обучаемых, а на этой основе гибкость в выборе вербальных и невербальных средств

коммуникации, обеспечивает успешность учебной деятельности как вида межкультурной коммуникации.

Известный тезис о том, что обучение иностранному языку понимается как обучение общению (В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова, Ю.Е. Прохоров и др.) означает, что изучающие язык, вынуждены находиться в измерениях двух различных социокультурных общностей, рефлектируя на специфику двух различных лингвосоциумов [6]. При этом следует подчеркнуть, что усвоение языка – это, прежде всего, овладение средствами социальной коммуникации через усвоение инокультурной картины мира, в том числе и иноязычной картины мира.

Эффективное овладение русским языком будет зависеть от того, насколько успешно будет усваиваться информация национально-культурного характера, выраженная национально-культурной семантикой языковых единиц (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров).

В последние годы во всех дисциплинах так или иначе связанных с языком не только в лингвистике, но и в психолингвистике, этнолингвистике существенно повысился интерес к личностному аспекту изучения языка (О.И. Блинова, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, Р.М. Фрумкина, И.И. Халеева и др.)

Сегодня целью обучения иностранным языкам, в том числе русскому как иностранному, признается воспитание «вторичной» языковой личности, способной проникать в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация [4, с. 128]. Процесс формирования такой личности связан с формированием в сознании обучающегося языковой картины мира, присущей носителям изучаемого языка. Следовательно, базисным для современной концепции формирования «вторичной» языковой личности является понятие «картины мира». Каждому народу присуща своя картина мира, и в каждом случае можно говорить о национальной картине мира, которая всегда своеобразна.

В рамках процесса обучения русскому языку как иностранному формирование представлений о картине мира осуществляется посредством формирования в сознании иностранных учащихся языковой картины мира, являющейся компонентом картины мира народа, закодированном в системе его языка, т.е. в лексике и грамматике. Для подлинного общения с носителями других языков недостаточно правильно и корректно пользоваться языковым материалом неродного языка. Необходимо знание социальных отношений совместно действующих субъектов, т.е. наличие лингвострановедческих и страноведческих знаний, реализующих идею естественного общения.

Полное взаимопонимание между коммуникантами предполагает не только усвоение языка, но и знание культуры. Поэтому следует научить студента «видеть в языке отражение характера народа, его представлений, симпатий и антипатий, сформировать умение творчески пользоваться этой информацией в межкультурном общении» [5, с.347].

Выделяют две тенденции, которые наметились в интерпретации фактов культуры в учебных целях. Согласно *первой* тенденции, преподаватель идет от фактов языка к фактам культуры. Такой подход к знакомству с фактами культуры разрабатывается в рамках лингвострановедения. Основными объектами рассмотрения при этом являются: безэквивалентная лексика; фоновые знания, присущие носителям языка и отсутствующие или иначе трактуемые в иноязычной культуре; невербальные средства общения, отражающие особенности национальной ментальности носителей языка; тактики речевого поведения в различных ситуациях межкультурного общения; отражение культурных традиций в художественной литературе. Культуроведческая

информация при этом извлекается из самих единиц языка, а объектом рассмотрения на занятиях становятся особенности отражения в языке культуры его носителей. *Вторая* тенденция в изучении языка и культуры на занятиях по практике языка рекомендует идти от фактов культуры к явлениям в языке. Эта тенденция отразила произошедшее в конце XX – начале XXI века смещение научных интересов в сторону изучения на занятиях, прежде всего культуры. Взаимодействие языка и культуры в рамках этого направления изучается в достаточно новой области языкознания – лингвокультурологии, которая исследует взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе их функционирования.

В методике преподавания русского языка как иностранного сформировалось представление о трех видах языковой компетенции, которые должны быть сформированы у иностранных студентов:

- 1) языковая – это знание морфологии, синтаксиса, словообразования;
- 2) речевая – это навыки и умения правильно строить речь по грамматическим моделям;
- 3) коммуникативная – это умение общаться в разнообразных ситуациях.

Положение о языковой компетенции иностранных студентов четко показывает, какую роль в процессе обучения русскому языку как иностранному играет грамматика: она является базой, основой всего процесса обучения. Но главная цель обучения – свободное общение на языке [2, с.17] Поэтому при работе над грамматикой следует развивать все виды речевой деятельности: говорение, аудирование, чтение и письмо.

Ценным источником культурных знаний являются поговорки. Они тесно связаны с историей и культурой русского народа. Русские поговорки позволяют иностранным студентам в процессе изучения русского языка получить информативные картины русской жизни и русского быта, представления о национальном характере, религиозных представлениях, традициях, праздниках, обычаях, праздниках русского народа, так как их «можно назвать хранилищем многовекового коллективного опыта людей, народной мудрости и национальной культуры» [1].

Лингвометодический анализ русских поговорок позволил раскрыть особенности русской картины мира, показать взаимодействие системы «культура – язык – личность», выявить специфику культурно-значимых единиц как сложных знаковых образований.

Поговорки, являясь текстом, построенным по определенным законам грамматики, стилистики и т.д., функционируют и как языковые единицы. С другой стороны, будучи «источником национальной культуры», отображая типовые ситуации и представления, поговорка начинает играть роль эталона и стереотипа культуры. В практике преподавания русского языка как иностранного поговорки и пословицы представляют не только свод грамматических законов, но являются единицами, способными сыграть воспитательную роль.

Нельзя не остановиться на ещё одном важном аспекте – социокультурной адаптации иностранных студентов. Это одна из важнейших задач преподавания РКИ. Реализация данной задачи осуществляется благодаря освоению студентами культурологической компетенции. Культурологическая компетенция в свою очередь позволяет студентам комфортно чувствовать себя в иноязычной среде и организовывать общение с представителями другой этнической культуры. Процесс освоения данной компетенции осложняется тем, что у иностранных студентов отсутствуют знания в области культуры, искусства и традиций страны изучаемого языка. Во избежание этой проблемы на занятиях по РКИ преподаватели используют специальные тексты культурологического содержания. Тем не менее, тексты подобной

направленности не всегда ориентированы на работу на занятиях в иноязычной группе, а скорее подходят для русскоговорящей аудитории. Чтения, обсуждения и пересказа текстов культурологического содержания часто недостаточно для освоения студентами культурологической компетенции, более того, не всегда работа с текстами о культуре страны изучаемого языка сопровождается введением и\или закреплением грамматического или лексического материала, а носит исключительно информативный характер. Таким образом, недостаточное владение экстралингвистической информацией культурологического характера осложняет процесс общения иностранных студентов с представителями русской культуры, что негативно сказывается на процессе социокультурной адаптации, вследствие чего у студентов пропадает интерес к освоению культуры страны изучаемого языка и снижается мотивация к дальнейшему изучению русского языка.

Для успешной культурной адаптации и развития у иностранных студентов культурологической компетенции необходимо прибегать к текстам, ориентированным на работу в иностранной аудитории, составленным с учётом трудностей вхождения студентов в другую социокультурную среду. Ведь общеизвестно, язык и культура выработаны человечеством, людьми для оптимального обслуживания взаимного общения, налаживания и осуществления взаимопонимания. Этот тезис весьма плодотворен для решения задачи актуализации речевых навыков с привлечением в качестве учебных материалов текстов культурологического содержания.

Таким образом, знакомство с культурой нашей страны позволяет иностранным студентам быстрее и полнее сформировать необходимый уровень коммуникативной компетенции.

Формирование «вторичной» языковой личности иностранных студентов – необходимое условие в процессе обучения русскому языку как иностранному. Более того, это современная лингвометодическая интерпретация взаимодействия языка и культуры, отражающая новую систему ценностей и позволяющая по-новому моделировать этот процесс обучения.

Интеграция иностранных студентов в новый социокультурный мир, преодоление межкультурных барьеров приводят к развитию эмпатии, позитивному интересу, доверию к нашей стране и ее жителям, теплоте и готовности к диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Учебное пособие для педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1992. – 511 с.
2. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1985. – 165 с.
3. Игнатова И.Б. Учет родного языка студентов при формировании коммуникативной компетенции / Пути интенсификации процесса обучения иностранных студентов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1995. – С. 125–137
4. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного: Книга для преподавателя / А.Л. Бердичевский, И.А. Гиниатуллин, И.П. Лысакова, Е.И. Пассов; Под ред. проф. А.Л. Бердичевского. М., 2011. – 184с.
5. Митрофанова О.Д. Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX века./ Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава, 1999. – С. 340–351
6. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М: Высшая школа, 1989. – 238 с.

THE PROBLEM OF INTERACTION OF LANGUAGE AND CULTURE IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN

The article discusses the issues of the interaction of language and culture when teaching Russian as a foreign language, and also analyzes the cultural texts of the proverb and sayings that allow to reveal the features of the interaction of the system "language – culture – personality".

Key words: *language, culture, methods of the Russian language as a foreign, linguoculturology, intercultural communication.*

Дискурсология и генристика

УДК 81'322.6' 367.4

В. А. Филатов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ЕЁ ИСХОДНЫЕ РЕЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ

В статье рассматривается синтагматическая структура конкретного текста и её реальные исходные компоненты. Текст порождается из тех единиц, на основе которых он впоследствии воспринимается каждым читателем, ибо именно они составили его структуру и содержание. Акцентируется внимание на синтагме как исходной единице речи и всех речевых составных структур. На основании авторской делимитации речи установлена реальная структура текста как последовательность всех его синтагм, уделяется внимание их внутренней интонационно-смысловой организации, их структуре, объёму и интонационному разграничению при их линейном наращении как особому виду связи речевых единиц, порождающих структуру и содержание текста.

Ключевые слова: *устная речь, делимитация речи, исходная речевая единица, синтагма, синтагматическая структура текста.*

У абсолютного большинства людей речь спонтанна. Их речевая деятельность обычно носит автоматический характер. Люди, в том числе и дети, не имеющие ещё никаких сведений о лингвистике, могут легко передавать необходимую информацию с её различными логическими и грамматическими отношениями (противопоставления, времени, места, условия, цели, причины, следствия и т. д.). Но когда попытаешься направить их речевую деятельность в сознательное русло и попросишь передать конкретное грамматическое значение, то даже студенты-филологи нередко

испытывают затруднения и лишь немногие успешно справляются с заданием. Это свидетельствует о том, что концепция сознательного построения предложений путём распространения тех или иных схем отдельными словами не соответствует речевой деятельности, в связи с чем вызывает естественные сомнения в отношении своей научной основательности.

Наблюдения за устной речью и интонацией её субъекта показывают, что речь строится не из **слов** как отдельных знаков языка, а в результате последовательного наращения **единых лексических групп (синтагм)** с общим ситуативным значением, разграничиваемых паузами. Именно их в своей речи интонационно выделяет каждый говорящий. Они выступают в качестве минимальных единиц речи, что подтверждается целым рядом аргументов. Хотя достаточно даже двух из них, чтобы в этом убедиться. Один мы уже назвали: это интонационное разграничение реальных речепорождающих единиц в процессе общения. Вполне очевиден и второй аргумент. Если бы речь (и предложение как наглядная её единица) строилась из слов, её содержание определялось бы последовательным наращением значений отдельных слов, но содержание речи воспринимается не в результате последовательного наращения их значений.

Цель статьи – на материале конкретного текста определить его реальную речевую структуру, выявить её назначение и обратить внимание на подлинную исходную единицу речевой деятельности.

Актуальность работы обусловлена тем, что изучение рассматриваемой единицы имеет вневременной характер, так как данная единица является исходной структурой во всех видах речевой деятельности – в продуцирующих и рецептивных, а также в обеих её формах – в устной и письменной.

Ещё В. Гумбольдт вполне убедительно отразил реальную картину речепорождения: “Речь течет непрерывным потоком, и говорящий, прежде чем задуматься над языком, имеет дело только с совокупностью подлежащих выражению мыслей. Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи” [4, с. 100].

На наш взгляд, Гумбольдтом представлена убедительная картина речепорождения, в связи с чем его утверждение следует признать первым и главным методологическим принципом при исследовании речи, руководством при оценке сделанных выводов и основанием при их верификации. Сторонники речепорождающей функции слова не учитывают того, что воспринимается устная речь и каждая её фраза (а на письме – каждое предложение) не на уровне значений отдельных слов. И хотя в тексте слова разграничены пробелами, в его звучащем варианте они интонационно не разграничиваются. С этими фактами все согласны, но почему-то его не учитывают. Но если речь воспринимается не на уровне значений слов, следовательно, не из них она непосредственно и составлена. Не выяснив причин данного противоречия, трудно надеяться на успехи в обучении языку и чтению с адекватным пониманием содержания.

Второй принцип исследования речи можно сформулировать так: на основе каких единиц речь воспринимается, из них она непосредственно и составлена, так как именно они определили её структуру и содержание. Так что достаточно выявить единицу восприятия речи, чтобы получить реальную единицу её построения. На истинную единицу восприятия речи неизбежно указывает авторская интонация.

Сначала обратим внимание на то, в чём сходство и различие слова и синтагмы. Сходство их в том, что и слово, и синтагма – лингвистические единицы, причём

знаменательные единицы. Различий у них несколько. Во-первых, это единицы разных сфер: соответственно языка и речи. Во-вторых, слово – единица общественного сознания, тогда как синтагма – единица индивидуального сознания. В-третьих, слова объективны и изначальны для всех носителей языка, они воспроизводятся, синтагмы же порождаются людьми в процессе общения в качестве личных минимальных исходных речевых единиц. Слово – языковая единица общественного сознания тогда как синтагма – речевая единица индивидуального сознания.

На основе анализа интонации субъекта русской речи можно выяснить авторскую структуру минимальных компонентов и тем самым установить истинную единицу восприятия речи. Она и является исходной речевой структурой. Устная форма выступает как надёжная опора в исследовании речи. При восприятии письменной речи читателю нужно самостоятельно в процессе чтения “услышать” его авторское звучание, определить все авторские речевые компоненты, из которых были составлены структура и содержание текста и всех его составных единиц.

Наращиваемые и разграничиваемые паузами единицы – это **структуры речепорождения**, тогда как все остальные речевые сочетания (составные) – это **структуры традиционного оформления** текста как завершённой в структурном и содержательном отношении единицы письменной речи. Осознание читателем речепорождающих единиц, их интонации и значения гарантирует ему точное (т. е. **авторское**) понимание содержания. Речевые структуры выделения и оформления, разграничивая мысли, способствуют быстрому осознанию читателем исходной делимитации текста и авторской интонации, делают его более доступным для восприятия. При чётком разграничении языка и речи, языковых единиц и речевых, устной речи и письменной, при осознании авторской делимитации речи, можно выяснить, **из чего и как** порождается устная и письменная её разновидности, а также **как** они оформляются.

Порождение речи как вид психической деятельности одновариантно, и, хотя её формы разные, единица её порождения является общей для обеих форм – устной и письменной. Автор передаёт один и тот же вариант информации в устной и письменной речи. Его речевые умения и навыки обеспечивают ему её трансформацию в приемлемую письменную форму. Но единицы оформления речи в связи с разным материальным её выражением будут разными. Чтобы адекватно разобраться в процессе порождения речи и в её составных единицах, необходимо руководствоваться следующим:

- осознанием различия сфер языка и речи и их единиц,
- тезисом о том, что устная речь – первичная, основная форма, которая выступает в качестве объективной и надёжной опоры при верификации результатов,
- авторской делимитацией заданных минимальных речевых единиц,
- учётом интонации, структуры и развивающегося содержания речи,
- линейной последовательностью речевых единиц.

В качестве **рабочей гипотезы** принимается следующий тезис: определившиеся в результате авторской интонационной делимитации единицы восприятия речи являются исходными структурами её порождения. Они основа любого общения — устного и письменного. При трансформации устной речи в письменную они, меняя звуковую форму на графическую, составляют структуру и содержание всех выделяемых предложений и текста в целом [5, с. 109]. В родном языке синтагмы обычно спонтанно возникают в сознании человека на основе его личной системы понятий и представлений о мире [6, с. 9]. Их наращение способствует организации речи, а их разграничение и интонационная интерпретация помогают осмыслить их значения и адекватно понять

содержания речи в целом. Внутри синтагм пауз нет, так как они могут деформировать значение.

Синтагма может состоять из одного слова, выполняющего соответствующую функцию, но в подавляющем большинстве случаев она включает несколько слов, что приводит к возникновению у них единого ситуативного значения. Например, в русской речи составных синтагм – до 85 %. Тем не менее синтагма – предельно минимальная, недискретная единица, так как речевых единиц меньше синтагмы нет. Значение синтагм определяется языковыми и речевыми факторами (смысловыми возможностями их компонентов, а также их связями с другими синтагмами).

Обратимся к тексту вступления к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и попытаемся выяснить, как реально происходит порождение и **линейное развитие** связного текста. Письменная форма речи вторична, ибо появилась она в результате трансформации устной или внутренней речи автора в графическую. Поэтому, обращаясь к моменту порождения этой речи, отразим в синтагматической записи её авторскую интонацию (как способ интерпретации содержания). При этом наклонными линиями отметим паузы между всеми речевыми единицами, а вертикальными разграничим фразы. Иными словами, отметим всё то, что мы реально слышим и осознаём. Пунктуацию и авторские границы предложений оставим для облегчения восприятия контекста и выяснения степени соответствия пунктуационного оформления интонационному.

*У лукоморья / дуб зелёный; // I
Златая цепь / на дубе том: // I
И днём / и ночью / кот учёный //
Всё ходит / по цепи / кругом; // I
Идёт направо — / песнь заводит, // I
Налево — / сказку говорит. // I
Там чудеса: / I
там леший бродит, // I
Русалка на ветвях сидит; // I
Там на неведомых дорожках //
Следы невиданных зверей; // I
Избушка там / на курьих ножках //
Стоит без окон, / без дверей; // I
Там лес и дол / видений полны; // I
Там о заре / прихлынут волны //
На брег песчаный и пустой, // I
И тридцать витязей прекрасных //
Чредой из вод выходят ясных, // I
И с ними / дядька их морской; // I
Там королевич / мимоходом //
Пленяет грозного царя; // I
Там в облаках / перед народом //
Через леса, / через моря //
Колдун / несёт богатыря; // I
В темнице там / царевна тужит, // I
А бурый волк / ей верно служит; // I
Там ступа с Бабою Ягой //
Идёт, / бредёт / сама собой, // I
Там царь Кощей / над золотом чахнет; // I*

Там русский дух... / I там Русью пахнет! // I
 И там / я был, / I и мёд / я пил; // I
 У моря видел / дуб зелёный; // I
 Под ним сидел, // I и кот учёный //
 свои мне сказки / говорил. / I
 Одну я помню: // I сказку эту /
 Поведаю теперь я / свету... I

В этом контексте 67 синтагм, они составляют 29 фраз, которые в письменной речи трансформируются автором в 4 предложения.

Для наглядности отведём каждой синтагме как **отдельной исходной единице речи** отдельную строку. Этим, во-первых, подчеркнём **интонационно-смысловое единство** каждой из них как реальных речепорождающих единиц и, во-вторых, отразим разграничение их как однотипных, но разных структурно-смысловых компонентов речи. Наклонными линиями (от одной до трёх) отметим три вида пауз: **короткую, продолжительную** и **максимальную**. В каждой строке представлена одна синтагма, внутри неё нет пауз, они только между строками, т. е. между синтагмами. Синтагмы имеют разный объём, а паузы между ними – разную продолжительность.

<i>У лукоморья /</i>	— 1-компонентная
<i>дуб зелёный; // I</i>	— 2-компонентная
<i>Златая цепь /</i>	— 2-компонентная
<i>на дубе том: // I</i>	— 2-компонентная
<i>И днём /</i>	— 1-компонентная
<i>и ночью /</i>	— 1-компонентная
<i>кот учёный //</i>	— 2-компонентная
<i>Всё ходит /</i>	— 2-компонентная
<i>по цепи /</i>	— 1-компонентная
<i>кругом; // I</i>	— 1-компонентная
<i>Идёт направо — /</i>	— 2-компонентная
<i>песнь заводит, // I</i>	— 2-компонентная
<i>Налево — /</i>	— 1-компонентная
<i>сказку говорит. // I</i>	— 2-компонентная
<i>Там чудеса: / I</i>	— 2-компонентная
<i>там леший бродит, // I</i>	— 3-компонентная
<i>Русалка на ветвях сидит; // I</i>	— 3-компонентная
<i>Там на неведомых дорожках //</i>	— 3-компонентная
<i>Следы невиданных зверей; // I</i>	— 3-компонентная
<i>Избушка там /</i>	— 2-компонентная
<i>на курьих ножках //</i>	— 2-компонентная
<i>Стоит без окон, /</i>	— 2-компонентная
<i>без дверей; // I</i>	— 1-компонентная
<i>Там лес и дол /</i>	— 3-компонентная
<i>видений полны; // I</i>	— 2-компонентная
<i>Там о заре /</i>	— 2-компонентная
<i>прихлынут волны //</i>	— 2-компонентная
<i>На брег песчаный и пустой, // I</i>	— 3-компонентная
<i>И тридцать витязей прекрасных //</i>	— 3-компонентная
<i>Чредой из вод выходят ясных, // I</i>	— 4-компонентная
<i>И с ними /</i>	— 1-компонентная

<i>дядька их морской; // I</i>	— 3-компонентная
<i>Там королевич /</i>	— 2-компонентная
<i>мимоходом //</i>	— 1-компонентная
<i>Пленяет грозного царя; // I</i>	— 3-компонентная
<i>Там в облаках /</i>	— 2-компонентная
<i>перед народом //</i>	— 1-компонентная
<i>Через леса, /</i>	— 1-компонентная
<i>через моря //</i>	— 1-компонентная
<i>Колдун /</i>	— 1-компонентная
<i>несёт богатыря; // I</i>	— 2-компонентная
<i>В темнице там /</i>	— 2-компонентная
<i>царевна тужит, // I</i>	— 2-компонентная
<i>А бурый волк /</i>	— 2-компонентная
<i>ей верно служит; // I</i>	— 3-компонентная
<i>Там ступа с Бабою Ягой //</i>	— 4-компонентная
<i>Идёт, /</i>	— 1-компонентная
<i>бредёт /</i>	— 1-компонентная
<i>сама собой, // I</i>	— 2-компонентная
<i>Там царь Кощей /</i>	— 3-компонентная
<i>над золотом чахнет; // I</i>	— 2-компонентная
<i>Там русский дух... // I</i>	— 3-компонентная
<i>там Русью пахнет! /// I</i>	— 3-компонентная
<i>И там /</i>	— 1-компонентная
<i>я был, // I</i>	— 1-компонентная
<i>и мёд /</i>	— 1-компонентная
<i>я пил; // I</i>	— 1-компонентная
<i>У моря видел /</i>	— 2-компонентная
<i>дуб зелёный; // I</i>	— 2-компонентная
<i>Под ним сидел, /// I</i>	— 2-компонентная
<i>и кот учёный //</i>	— 2-компонентная
<i>свои мне сказки /</i>	— 3-компонентная
<i>говорил. /// I</i>	— 1-компонентная
<i>Одну я помню: /// I</i>	— 3-компонентная
<i>сказку эту /</i>	— 2-компонентная
<i>Поведаю теперь я /</i>	— 3-компонентная
<i>свету... I</i>	— 1-компонентная

Уделяя внимание выделенным синтагмам, нельзя утверждать, что у автора на все 100 процентов была именно такая их делимитация. Для подобного утверждения нужно прослушать авторское чтение текста. Не исключаем, что в отдельных случаях она была несколько иной. Для читателя возможны отдельные интонационные модификации текста. Но главное в том, что представленная в целом картина позволяет сделать вывод, что принцип порождения, развития и восприятия речи не словесный, а **синтагматический**. Текст формируется последовательно синтагма за синтагмой, что подтверждается авторской разграничительной интонацией и характером восприятия общего содержания: все передаваемые мысли воспринимаются **посинтагмно**, а не

пословно. Наличие некоторых вариантов интонационного членения текста читателем не отрицает его синтагматической природы. В устной речи её субъектом всегда представлен только один интонационный вариант синтагматического членения. Поэтому и текст предполагает лишь один вариант членения – авторский.

Опираясь, с одной стороны, на интонационное и структурно-смысловое единство компонентов в синтагме, а с другой – на интонационное разграничение (делимитацию) синтагм, можно увидеть, как порождается и развивается связная речь. При необходимости передать конкретную информацию в сознании человека спонтанно возникают минимальные (недискретные) факты информации, которые получают мгновенное лингвистическое выражение в виде синтагм. Слова автоматически всплывают в сознании в виде лексических единств – синтагм – на основе интонационной, смысловой и грамматической связи [8, с. 142]. В результате их последовательного наращивания в устной речи появляются фразы, которые на письме в соответствии с культурно-речевой письменной традицией трансформируются в предложения. Шестьдесят семь авторских синтагм вылились в двадцать девять фраз, которые на письме трансформированы автором в 4 предложения.

Первое авторское предложение включает 14 синтагм, они образовали 5 фраз, которые на письме представлены одним предложением.

Второе предложение включает 39 синтагм, которые сформировали 17 фраз, и всё это трансформировалось автором в одно предложение.

В третьем предложении 10 синтагм и 5 фраз.

В четвёртом – 4 синтагмы и 2 фразы.

Предложения в данном тексте имеют настолько индивидуально-авторскую структуру, что их субъективная сущность очевидна. Если использовать его для экспериментального диктанта с заданием: самостоятельно выделить в нём предложения, определить их количество и границы между ними, – то вряд ли кто-либо из участников сможет воспроизвести на слух его авторский вариант.

Количество синтагм и фраз в конкретной речи – величина постоянная, тогда как количество предложений при её записи может варьироваться – и количественно, и структурно. Л. В. Щерба нередко пользовался терминами *фраза* и *предложение* как синонимами, тем не менее считал, что фразы и предложения – соотносительные, но не тождественные единицы. Количество фраз в речи в большинстве случаев не совпадает с количеством предложений при её записи. Фразы субъективно трансформируются автором в предложения, которые выделяются с целью последовательного представления и разграничения мыслей. При озвучивании текста предложения реорганизуются в свои первоначальные структуры – фразы.

Выводы. Развивая мысли Гумбольдта о непрерывном течении речи и о реальном статусе слов в ней, цитированные в начале статьи, отметим, что устная речь появляется не в результате построения фраз, – наоборот, фразы появляются в результате развития речи путём последовательного наращивания синтагм. Письменная же речь, в свою очередь, появляется не в результате построения предложений. Наоборот, предложения выделяются на основе синтагм и фраз в результате трансформации устной речи в письменный текст как способ выделения всех его самостоятельных мыслей.

Рассматривая данный фрагмент поэмы А. С. Пушкина как образец творческой речевой деятельности (не потому, что это художественная речь, а потому, что любая речь носит креативный характер), мы не находим в нем места ни структурным схемам предложения, ни лексическим распространителям. Зато чётко воспринимаем авторское интонационное разграничение **реальных исходных речевых единиц** с конкретным

ситуативным значением – синтагм. Видим их линейное наращение и формирование структуры и содержания текста с последовательным выделением в нём предложений в соответствии с культурно-речевой письменной традицией с целью чёткого представления всех передаваемых мыслей. Слово и предложение соотносятся через синтагму. Интонационно выделяемое в речи отдельное слово приобретает речевой статус однокомпонентной синтагмы

Становится очевидным, что господствующая теория построения предложения при помощи отдельных слов, распространяющих его структурную схему, развивает у учащихся словесный способ чтения и восприятия текста и не способствует адекватному пониманию его содержания.

Так как основа речевой деятельности не словесная, а синтагматическая, то при чтении нужно опираться не на слова, а на реальные исходные единицы речи – на авторские синтагмы.

Чем точнее они установлены читателем, тем точнее будет воспринято им содержание. В связи с этим синтагматическая концепция речи предполагает реальные теоретические и практические перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. – С. 231 – 253.

2. Русская грамматика в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 709 с.

3. Андреева. С. В.. Основные и вспомогательные единицы устной коммуникации // Известия Саратовского университета // 2007. – Т. 7. – Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 2. – С. 19.

4. В. фон Гумбольдт. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. — М., 1964. – с. 100.

5. Филатова Е. В. Русская речь: порождение и восприятие: монография / Е. В. Филатова. – Донецк : ДонНУ, 2018. – 243 с.

6. Влавацкая М. В. Комбинаторная лингвистика: аспекты изучения сочетаемости слов / М. В. Влавацкая. – Новосибирск: НГТУ, 2016. – 244 с.

7. Филатова Е. В. Синтагматическая запись речи как способ изучения проблемы порождения и восприятия речи, её реальных единиц и их функций / Е. В. Филатова // Филология и литературоведение. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/01/1142>

8. Филатова Е. В. Смысловая связь как основа построения речи / Е. В. Филатова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов н/Д, 2016, № 3. – С. 142–153 [Электронный ресурс] <http://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/944>

SYNTAGMATIC STRUCTURE OF THE TEXT AND ITS INITIAL SPEECH COMPONENTS

The article deals with the syntagmatic structure of the definite text and its real initial components. The text is created by means of the units assisting in every reader's perception afterwards for they compose the structure and the contents of the text. Attention is paid to syntagma as the initial speech unit and the initial unit of all speech components of structures. Due to the author's speech delimitation the real structure of the text is stated as the sequence of all its syntagmas. Their inner tone and sense organisation, their structure, size and intonation demarcation in linear augment as a special kind of speech unit connection creating the structure and the contents of the text are regarded.

Keywords: *oral speech, speech delimitation, initial speech unit, syntagma, syntagmatic structure of the text.*

УДК 81'286

О.Ю. Крючкова

*ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»*

САРАТОВСКИЕ ГОВОРЫ И АСПЕКТЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

В статье характеризуются особенности говоров Саратовской области как говоров территории позднего заселения. Отмечается пестрота диалектного ландшафта региона, в котором соседствуют говоры севернорусского, южнорусского типа, среднерусские говоры, говоры смешанного типа. Раскрывается многоаспектность изучения саратовских говоров представителями Саратовской диалектологической школы – лингвогеографическое, функциональное, коммуникативное, когнитивное, лингвокультурологическое, корпусное направления исследований.

Ключевые слова: *диалектология, саратовские говоры, Саратовская диалектологическая школа*

Яркой особенностью саратовских говоров является их разнообразие: на территории области представлены самые различные частные варианты русской речи. Саратовские народные говоры представляют особый тип говоров – так называемые говоры территорий позднего заселения, освоение которых начиналось с XVI века.

Если на исконной территории своего бытования каждый говор находился в окружении близких ему по типу, сходных с ним говоров, что поддерживало его устойчивость, то на новых, поздно осваивавшихся территориях, в соседних селах, а иногда и в том же самом селе нередко обосновывались носители говоров с различной «материнской основой». Междиалектное контактирование приводило к взаимопроникновению отдельных сторон разных диалектных микросистем, ускоряло протекающие в них речевые изменения. Кроме того, в Среднем и Нижнем Поволжье русские переселенцы часто попадали в иноязычное окружение, оказывались в среде татар или башкир, казахов, других народов, что еще больше меняло первоначальные говоры переселенцев.

Активное междиалектное и межъязыковое взаимовлияние обусловило процессы сближения говоров. Так, диалектное название чердака *пóдволока*, принесенное на

саратовские земли с севера, распространилось в форме *пóдловка* по всей саратовской территории, стало общим признаком саратовских говоров. На территории области характерное для материнских севернорусских окающих говоров стяжение гласных в результате утраты «йота» в заударном интервокальном положении (диалектные формы типа *делат, думат, нову, хорошу*) проникло и в соседние говоры с совершенно иной материнской основой.

В результате говоры Саратовской области сложились как уникальное диалектное явление, а региональный диалектный ландшафт характеризуется значительной пестротой. Многие из говоров региона близки по своему характеру севернорусским говорам. Говоры этого типа в основном расположены вдоль Волги, более всего их в Хвалынском, Вольском районах. Носители этих говоров окают, употребляют стяженные формы глаголов и прилагательных: *ты знаиш, делаиш, он знат, думат, понимат, в нову избу, стары люди* и под. Другие саратовские говоры имеют много общих черт с южнорусскими. Это в основном говоры Заволжья, востока и юго-востока области (говоры Федоровского, Краснокутского, Новоузенского, Алгайского районов), а также западные говоры Романовского и Балашовского районов. Для них характерно аканье, произношение <г> как [γ], мягкое [т'] в окончаниях глаголов (*идут', несут'*) и другие южные черты. Очень многие из саратовских говоров характеризуется сочетанием южных и северных черт, то есть являются по типу среднерусскими. Они занимают большую территорию в Ртищевском, Турковском, Екатерининском, Базарнокарабулакском и других районах области. Среди них есть и окающие, и акающие, но в каждом из этих говоров обнаруживаются как северные, так и южные черты. На территории области встречаются и смешанные по типу говоры, например говоры с элементами оканья и аканья одновременно, у одних и тех же лиц.

Вплоть до 40-х-50-х гг. XX в. о говорах Саратовской области имелись лишь отдельные разрозненные сведения. Систематическое их обследование началось во 2-й половине XX в. под руководством Л. И. Баранниковой. К концу XX в. по специальной программе Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья был собран большой систематический материал, позволивший определить специфику вокалических и консонантных систем саратовских говоров, их грамматические особенности и лексическое своеобразие.

Масштабное изучение саратовских говоров и других говоров Среднего и Нижнего Поволжья стало основой для выделения говоров особого типа – говоров территорий позднего заселения [3; 4].

Обследование говоров по единому диалектологическому вопроснику позволило получить сопоставимые материалы по каждому пункту, осуществить картографирование наблюдаемых диалектных явлений. 38 важнейших карт Атласа были опубликованы в 2000 г. [5], отдельные карты представлены Учебно-краеведческом Атласе Саратовской области [1]. Материал, не вошедший в эти издания, хранится в архиве Атласа и являются ценным и главным источником сведений о саратовских говорах второй половины XX века.

В период работы по программе Атласа говоров Нижнего и Среднего Поволжья изучение диалектной речи было сосредоточено главным образом на структурных характеристиках диалектной речи, дифференциальных чертах говоров, отличающие их звуковой строй, грамматические системы, их словарный состав от других говоров. Такой подход соответствовал главенствующему в тот период лингвогеографическому аспекту изучения народных говоров. Материалы Атласа говоров Нижнего и Среднего Поволжья содержат богатые данные о специфических поуровневых характеристиках говоров этого региона и их географическом распространении.

Лингвогеографическое изучение специфики саратовских говоров продолжается и в настоящее время (ср, напр.: [21; 22], в том числе по программе Лексического атласа русских народных говоров, материал для которого собирается в ходе ежегодных диалектологических экспедиций на территории саратовских говоров.

Одновременно с лингвогеографическим обследованием говоров Саратовской области с 60-х гг. XX в. развивается функциональное направление их изучения. В трудах Л. И. Баранниковой, в ее докторской диссертации и монографии «Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта)» [2] функциональный подход получает теоретическое и эмпирическое обоснование. Говоры рассматриваются как живое, функционирующее и потому непрерывно развивающиеся коммуникативные системы. В фокусе внимания оказываются протекающие в говорах динамические процессы, характер взаимодействия говоров и литературного языка.

В соответствии с функциональной направленностью изучения диалектной речи осознается необходимость проведения лонгитюдных исследований. На протяжении II пол. XX и в XXI вв. осуществляются неоднократные обследования ряда саратовских говоров, например, говора с. Белогорное (бывш. Самодуровка) Вольского района, говора с. Земляные Хутора Аткарского района, говора Орлов Гай Ершовского района, отдельных ивантеевских, алгайских говоров. Полученные материалы позволяют проследивать динамику этих говоров

Естественным развитием функционального изучения диалектной речи стало формирование в конце 1990-х – начале 2000-х гг. коммуникативного, когнитивного, лингвокультурологического направлений ее исследования. Осознание необходимости анализа народной речи с этих позиций знаменует становление новых научных парадигм в диалектологии [20]. В работах, выполненных в русле названных направлений (см., например [24; 25; 9; 6; 7; 16; 14]), укрепляется понимание того, что диалектная речь – важнейший источник познания особенностей народного мирозидения.

Значительный вклад в развитие новых парадигмальных аспектов диалектологического знания вносит саратовская диалектологическая школа и ее исследования в том числе и саратовских говоров. В 90-е гг. XX в. в работах В. Е. Гольдина и его докторской диссертации «Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии» [9] обоснована концепция диалектной речи как особого типа речевой культуры, требующего такого же многоаспектного изучения, как другие типы речевых культур, в частности, русская литературная речь. Утверждался взгляд на диалектную речь как полноценное и самостоятельное коммуникативное образование.

При таком понимании русские диалекты предстают не только как средоточие структурных дифференциальных признаков, а как особый вид речевого общения, специфика которого проявляется в общем характере его организации, в системе типичных для диалекта речевых событий, коммуникативных ролей и соответствующих жанров, в особенностях трансляции диалектного узуса от поколения к поколению, в составе прецедентных диалектных текстов, в характере воплощаемой диалектом «картины мира», в своеобразии знаний диалектоносителей и речевых способов передачи этих знаний. Своими функционально-коммуникативными и когнитивными характеристиками говоры противопоставлены не столько друг другу (основные функционально-коммуникативные и когнитивные признаки различных говоров в значительной мере сходны), сколько литературной речи, обладающей иным функционально-коммуникативным и когнитивным характером. Таким образом, происходило смещение интереса диалектологии с междиалектных различий на то, что характеризует общую текстовую специфику «диалектов как диалектов».

Выдвигается требование недифференциального описания диалектов, подчеркивается ценность значительного по объему текстового материала как источника изучения народных говоров. В 80-е–90-е гг. под руководством В. Е. Гольдина саратовские диалектологи начали активный сбор аудиозаписей диалектной речи. Ставится задача создания текстовых диалектологических корпусов.

Текстовый корпус – это создаваемая с научными целями машиннообрабатываемая база данных, текстовый состав которой соответствует соотношению важнейших типов коммуникативных ситуаций моделируемого корпусом языкового идиома. Текстовый корпус диалекта должен, следовательно, содержать диалоги и монологи носителей данного диалекта, речь практической и иной направленности, бытовые и фольклорные тексты, а также деловые тексты в той мере, в какой они используются носителями говора, текстовые образцы диалектной речи людей разного возраста и пола, людей с разным уровнем образования и различной культурной ориентацией, тексты различной тематики, различных жанров и т.д. в тех пропорциях, в каких они представлены в традиционном сельском общении на диалекте.

В 2000-е гг. началась работа по созданию текстовых корпусов саратовских говоров. В настоящее время в Центре изучения народно-речевой культуры им. Л. И. Баранниковой ведется работа по созданию машиннообрабатываемых текстовых корпусов двух саратовских говоров: говора с. Белогорное Вольского района и говора с. Земляные Хутора Аткарского района. Выбор именно этих говоров объясняется тем, что, с одной стороны, говоры Белогорного и Земляных хуторов относятся к разным диалектным типам, имеют разное происхождение и разную судьбу, функционируют в несовпадающих социокультурных и экономических условиях, а с другой стороны, каждый из них является типичным представителем своей группы саратовских говоров.

Говоры существуют лишь в устной форме, поэтому основу текстового архива Саратовского диалектного корпуса (СарДК) составляют аудиозаписи диалектной речи. Для осуществления различного рода поисковых запросов (поиск запрашиваемых слов и их форм, создание алфавитных и частотных словариков, конкордансов и т.п.) записи связываются с их расшифровкой в «полуорфографической» транскрипции, чем будет обеспечена возможность переходить от одного представления текста к другому.

Принципиально устным характером диалектной речи и действующим в ней «принципом изобразительности» обусловлены повышенная (в сравнении с общением на литературном языке) значимость обстановки протекания коммуникации (время и место общения, предметный ряд как компонент ситуации общения, присутствующие при разговоре или предполагаемые наблюдатели и т.д.) и невербальных средств (звукоподражания, жесты, мимика, позы, изменения расстояния между общающимися и под.), широко применяемых коммуникантами. Поэтому по крайней мере часть материалов корпуса составят видеозаписи общения на диалекте.

Диалектный тип коммуникации соответствует общению людей, обладающих чрезвычайно высокой степенью общности знаний об окружающем их ограниченном мире. Этот тип коммуникации соответствует общению родственников, соседей, односельчан, он рассчитан в основном на «своих», для него характерны постоянное возвращение к темам, уже неоднократно затрагивавшимся данными коммуникантами, и связанный с этим «продолженный» характер общения. Чтобы обеспечить более полное понимание текстов пользователями-исследователями, предполагается включить в корпус ряд справочных материалов: краткую историю населенного пункта, описание специфических природных особенностей места бытования говора, характеристику основных занятий местных жителей, план села с местными названиями его частей, актуальный топонимический и микротопонимический справочник (названия

упоминаемых в текстах селений, кладбищ, полей, рек, ручьев, родников, колодцев, дорог, перекрестков и т.п.), списки упоминаемых в текстах лиц с их характеристиками, необходимыми для понимания текста, толкование диалектной и другой необщепринятой лексики и под. Вербальный ряд информации будет дополнен графическим (фотографии, схемы, планы). Таким образом, разрабатываемые текстовые диалектные корпуса окажутся научным источником мультимедийного характера (об архитектуре СарДК см., напр: [18]).

Текстовый диалектный корпус позволяет не только ставить и решать новые для диалектологии задачи (изучать строй диалектной речи, ее жанрово-тематическую организацию, когнитивные особенности диалектного общения, особую картину мира, реализуемую в этом общении – см., напр: [10; 11; 12; 13; 15; 17; 19; 23], но и дает возможность по-новому рассмотреть традиционные диалектологические проблемы. Новизна подхода к традиционным проблемам определяется полнотой выборки, получаемой на основе электронного текстового корпуса, отражением в корпусе реальных отношений между единицами потока диалектной речи, возможностью адекватного выявления ее количественных характеристик. Количественное измерение диалектной речи является важным условием создания объективного представления о диалектной коммуникации, инструментом ее моделирования (см., напр.: [8]). Значимость учета количественных характеристик диалектного общения обусловлена такими специфическими его чертами, как активное варьирование языковых средств, параллельное использование собственно диалектных, просторечных и литературных единиц, внутренней дифференциацией диалекта (например, различием между «традиционным» и «передовым» его слоями).

Более чем полувекковая история изучения саратовских говоров обогатила русскую диалектологию ценными сведениями о говорах особого типа, развивавшихся в особых социо-культурных условиях. Исследования сложного диалектного ландшафта региона, осуществленные в русле разных парадигмальных направлений, позволили получить разносторонние знания о саратовских говорах как о культурно-коммуникативных образованиях, имеющих общие для диалектной коммуникации свойства и специфические черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас 2013 – Учебно-краеведческий атлас Саратовской области / гл. ред. А. Н. Чумаченко. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. – 144 с.
2. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта) / Л. И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. – 206 с.
3. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации / Л. И. Баранникова // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 22–31.
4. Баранникова Л. И. Лексико-семантические процессы в говорах территорий позднего заселения / Л. И. Баранникова // Слово в различных сферах речи. – Волгоград: Изд-во ВПИ, 1988. – С. 44–56.
5. Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья / Л. И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 104 с.
6. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с..
7. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.

8. Буранова А. И. Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной (на материале русского языка): дисс. ... канд. филол. наук / А. И. Буранова. – Саратов, 2015. – 211 с.
9. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дисс. ... докт. филол. наук в виде науч. докл. / В. Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – 52 с.
10. Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения / В. Е. Гольдин // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р. И. Аванесова. – М.: Наука, 2002. – С. 58–64.
11. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе / В. Е. Гольдин. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Т. 9. Серия Филология. Журналистика. – 2009. – Вып. 1. – С. 3–7.
12. Гольдин В. Е. Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования. Ч.1. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. – С.71–80.
13. Гольдин В. Е. Текст и знание в диалектной коммуникации / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн.3(9). – М.: Наука, 2008. – С. 398–413.
14. Гольдин В. Е. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. – 120 с.
15. Древогень Е. А. Прецедентные феномены в русской диалектной речи / Е. А. Древогень // Филологические этюды. Вып. 21. Ч. I–III. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018. – С. 202–207.
16. Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке / Г. В. Калиткина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 296 с.
17. Крючкова О. Ю. Религиозно-мифологические представления современных носителей русской традиционной народной культуры / О. Ю. Крючкова // Образ России извне и изнутри. – М.– Калуга: Издательство «Эйдос» (ИП Кошелев А.Б.), 2008. – С. 84–96.
18. Крючкова О. Ю. Русская диалектная речь в электронных информационных системах / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Языки в современном мире: материалы X международной конференции. – М.: КДУ, 2012. – С. 24–31.
19. Крючкова О. Ю. Устно-разговорная речь и обыденное сознание / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Русская устная речь. Вып. 2. – Саратов: Амирит, 2016. – С. 170–180.
20. Крючкова О. Ю. Научные парадигмы в диалектологии и диалектологическая традиция в Саратовском университете / О. Ю. Крючкова // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2017. – С. 299–304.
21. Мурзаева Т. И. Судьба говоров курско-орловского типа на территории позднего заселения / Т. И. Мурзаева // Актуальные проблемы русской диалектологии. – М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. – С. 148–50.
22. Мурзаева Т. И. Модификации яканья в современных говорах Саратовской области / Т. И. Мурзаева // Четвёртые Моисеевские чтения: Национальные и региональные особенности языка. – Оренбург: «Издательство “Оренбургская книга”», 2018. Ч. 1. – С. 46–49.

23. Свешникова Н. В. Мифологические рассказы в диалектной коммуникации / Н. В. Свешникова // Язык в пространстве речевых культур. М. – Саратов: ИД «Наука образования», 2015. – С. 93–99.

24. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995 – 509 с.

25. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1(3). – С. 112–127.

O. Ju. Kryuchkova

DIALECTS OF SARATOV REGION AND THE ASPECTS OF THEIR STUDY

The article characterizes some peculiarities of the Saratov region dialects as the dialects of a territory of a late settlement. It also describes the diversity of a dialect landscape of the region, where the dialects of Northern Russian, Southern Russian and Middle Russian, as well as the dialects of a mixed type adjoin each other. The author considers geographic, functional, communicative, cognitive, corpus, and linguistic cultural approaches to the Russian dialects, as well as the multiplicity of aspects of their study by the representatives of the Saratov dialect school.

Key words: Saratov region dialects, *dialect studies*, *Saratov school of dialect studies*.

УДК 81'373.2

И.А. Машкович

ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ им. В. Даля»

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ЕДЫ

В статье описываются некоторые луганские региональные названия еды. В ходе исследования выявлено, что в речи жителей Луганска с точки зрения соотношения регионализмов со словами литературного языка преобладают лексические, фонетические и словообразовательные региональные названия; определено, что наиболее многочисленная группа регионализмов представлена именами существительными, описаны лексико-семантические группы рассмотренных регионализмов.

Ключевые слова: *регионализм, региолект, еда, тематические группы, аффиксация.*

В конце прошлого века значительно возрос интерес ученых к исследованию региональных особенностей языка. Самое пристальное внимание диалектологов и региолектологов в последнее время направлено на ту часть словаря, которая номинирует определённые формы народной культуры региона; при этом особый интерес представляют пока недостаточно изученные в лингвистическом отношении предметы материальной культуры – артефакты: пища, одежда, постройки, орудия труда и т.п. – поскольку именно они являются основными источниками информации о повседневной жизни и деятельности человека [5].

В настоящее время пока нет работ, посвящённых изучению региолекта города Луганска. В связи с тем, что важной составляющей культуры каждого народа является пища, цель нашего исследования – выявить луганские регионально маркированные

названия еды, классифицировать регионализмы с точки зрения их соотношения со словами литературного языка, определить и классифицировать их наиболее многочисленную тематическую группу.

Проблеме изучения наименований еды посвятили свои труды многие ученые, в том числе, этнографы и историки, среди которых С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина, М. Забылин, Г.С. Маслова, Л.Н. Чижикова, М.Н. Шмелёва и мн. др. Они изучали пищу в качестве неотъемлемой части материальной культуры местных жителей, останавливали свое внимание и на специфических чертах блюд жителей разных регионов.

Под влиянием различных общественно-исторических и природных преобразований могут меняться рецептура и название блюд, наименование ингредиентов, в некотором роде отношение к еде (например, к религиозным блюдам), но все же по сравнению с другими предметами материальной культуры пища отличается известной устойчивостью, традиционностью, способностью приспосабливаться к изменяющимся реалиям действительности.

Как один из важнейших этнических модулей, пища издревле выполняет различные социальные и обрядовые функции. В комплексе основных блюд преломляются старинный быт, исконное мировоззрение (мифологические представления, языческие и христианские верования), архаическая символика [5].

Региональные особенности обусловлены тем, что язык существует в целом ряде региональных разновидностей, одна из которых – самая современная – региолект. Сохранение в языке региональных особенностей номинации не случайно: оно отражает особенности региональной ментальности. Например, в Луганске и области очень популярно кондитерское изделие «*Шахтерский торт*», который состоит из куска черного, как уголь, горького шоколада и в оригинальном исполнении имеет сверху оформление в виде терриконов (конусообразный отвал пустой породы на поверхности земли при шахте). Еще одним примером может послужить региональное название *каша с глудочками*, которое все еще продолжает употребляться в семьях шахтеров (хотя, уже не так часто). Такое наименование применяют для описания каши, неоднородной по консистенции, скорее всего, по аналогии с названием глуда (пласт угля), уголь глудочками. Для жителей не-шахтерских регионов такие наименования будут непонятными. Данные региональные названия служат средством отражения особенностей национального менталитета.

Под региональными лексемами мы понимаем «территориально ограниченные в своём распространении, но широкоупотребительные для данного конкретного региона слова» [7, с. 22], «слова, функционирующие на определённой территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы обл., местн., прост., разг.» [4, с. 22].

По нашему мнению, более полный анализ региональных названий еды должен включать в себя изучение их фонетических, лексических, семантических, словообразовательных, грамматических особенностей. В связи с тем, что особенности произношения отдельных звуков и их сочетаний могут дать определенные сведения о носителе языка, фонетические особенности можно считать одним из наиболее важных признаков региолекта. Также очевидны черты региолекта и на лексическом уровне: они заключаются в употреблении специфических лексем, характерных для ограниченной территории. Для региональных наименований характерно также отличие значения от литературного, что позволяет выделить группу семантических регионализмов. Интересна и словообразовательная система региональных наименований, на которую оказывают влияние литературный язык и диалекты. Наблюдения в области

грамматической системы дает возможность выделить региональные лексемы, которые отражают изменения в словообразовательной парадигме.

Результаты анкетирования, проведенного среди жителей Луганска, позволяют выделить следующие типы используемых региональных названий еды (в том числе, напитков и частей продуктов питания, процессов поглощения и приготовления пищи), за основу берем классификацию, предложенную авторами монографии «Донецкий региолект» [2, с. 46]:

1) фонетические регионализмы, отличающиеся от литературных слов звучанием: *кохфэ, кофэ* «кофе», *тефтэли* «тэфтели», *ломоть хлеба* «ломоть», *шелковица* «шелковица», *сливовый сок* «сливовый», *грушовый сок* «грушевый», *арбуз* «арбуз», *морква* «морковь», *свекла* «свекла», *ракушки* «ракушки» (макаронные изделия), *калбаса* (сильное аканье во второй безударной позиции), *масной суп* (яканье) и т.п.;

2) лексические регионализмы (их большинство), являющиеся абсолютными синонимами литературных лексем: *буряк, бурак* «свекла», *тютиня, тутовник, смоковница, атютиня* «шелковица», *кутя, вечеря, сочиво* «кутья», *толчэнка, мятка* «картофельное пюре», *болтунья* «омлет, взбитые яйца», *паска, пасха* «кулич», *синеножки* «рядовка лиловоногая» (гриб), *кисляк* «кефир», *адамово яблоко* «маклюра», *таранка* «сушеная рыба», *синенькие, синие* «баклажаны», *белые синенькие* «баклажаны белого цвета», *бубушки, бубочки* «очищенное зернышко семечки», *юшка* «бульон», *гарбуз* «тыква», *кавун* «арбуз», *кавуниха, кавуница, кавунычка* «арбуз, определяемый покупателями как «кавун-девочка», немного сплюснутый и широкий в нижней части, с большим пятнышком напротив хвостика, очень сладкий», *рэпанка* «картофель» и т. п.

3) семантические регионализмы, отличающиеся от литературных лексем значением: *врубить* тарелку супа «съесть с аппетитом», *хворост* «сухая выпечка, тип печенья», *кирпичик* «хлеб прямоугольной формы» и т.д.

4) словообразовательные регионализмы, отличающиеся от литературных слов словообразовательной структурой: *пивко, пивасик, пивчанский, пивасей* «пиво», *абрикоска* «абрикос», *мандаринка* «мандарин», *пюрешка, пюрешечка* «пюре», *мяско* «мясо» и др.

5) грамматические регионализмы, отражающие изменения в целой словоизменительной парадигме: *пикёт, испикёт* (образованные от инфинитива глагола печь), *абрикоса* «абрикос», *мандарина* «мандарин» и т.п.

Тематическая классификация регионализмов отражает общезыковые модели описания тематических групп. Как известно, первичным параметром при их определении является констатация отнесенности включаемых в них единиц к одной части речи. Далее «части речи делятся на лексико-семантические группы, которые, в свою очередь, можно разделить на лексико-семантические подгруппы» [9, с. 136]. В связи с этим структуру тематической группы представляем в виде последовательности шагов классификации «часть речи – лексико-семантическая группа – лексико-семантическая подгруппа».

М. Докулил о частеречной характеристике пишет, что «обобщённое отражение действительности в сознании сначала определённым образом обрабатывается, расчленяется и упорядочивается в соответствии со способами наименования данного языка. Это внутреннее формирование понятия по отношению к его выражению в данном языке происходит при помощи так называемых ономаσιологических категорий, т.е. основных понятийных категорий, образующих в данном языке основу называния и обладающих своим категориальным выражением» [13, с. 196].

Продолжая мысль ученого, Е.С. Кубрякова указывает на предельный уровень ономаσιологического членения, предлагая соотносить ономаσιологические категории с

частями речи, ориентированными на разное обозначение по-разному воспринимаемых объектов действительности [8, с. 25]. Имя существительное при этом соотносится с ономаσιологической категорией «предметность...» [8, с. 45-48].

Таким образом, первым уровнем объединения слов в тематическую группу является уровень тождественного общекатегориального значения в пределах номинативных значений рассматриваемых единиц, поскольку любой процесс номинации на первой стадии своей реализации относит обозначаемое явление к тому или иному классу референтов, определяя тем самым его наиболее общие (грамматические) признаки [2, с. 47].

На втором этапе построения классификации ономаσιологических классов определяются лексико-семантические группы. Под лексико-семантической группой понимается «объединение слов, организованных на основе единого понятия, сходства функций, соположения, отражающее, прежде всего, естественное онтологическое расчленение реальной действительности, связь слов с конкретными предметами и их свойствами» [6, с. 90-91].

Базовым семантическим конструктом смыслового значения слов, по которому осуществляется их распределение по лексико-семантическим группам и внутренняя структурация последних по подгруппам, является архисема, которая и относит слово к предельному классу наименований. [2, с. 48].

Ф.П. Филин дает определение ЛСГ на основе признаков, которые имеют собственно лексический характер. Лексико-семантические группы – это объединения слов одной части речи с сопоставимыми и взаимосвязанными лексическими значениями, которые имеют в своем содержании единый, общий (опорный) семантический компонент и связаны отношениями уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений. [12, с. 353].

Анкетирование показывает, что наиболее многочисленная группа регионализмов – имена существительные, поэтому именно на лексико-семантических группах существительных и остановим внимание в данном исследовании. Детальнее рассмотрим составляющие лексико-семантической группы существительных – наименование объектов. Выделяем следующие разновидности данной лексико-семантической группы.

1. Названия продуктов питания и блюд:

1.1. обобщенные названия: *мынтусы, ментосы* «вкусности не на каждый день», *рубатня* «овощные салаты», *ливина* «все тонкие вермишели быстрого приготовления», *дошик, доширак* «все толстые макароны быстрого приготовления», *таранка* «вся сушеная рыба», *юшка* «бульон», *намазка, замазка, помазка* «любой съедобный продукт, который можно намазать на хлеб, чаще всего сырный», *пережарка, зажарка* «поджаренные лук и морковь (или другие овощи)»;

1.2. названия блюд: *холодное* «холодец, студень», *камушки* (*морские камушки, сладкие камушки*) «мелкие конфеты разноцветной формы, драже», *толченка, мятка* «картофельное пюре», *пальчики* «пирожное с начинкой», *обжорики* «рыбные котлеты», *сосалки* «леденцы», *суши* «роллы», *голяшка* «блюдо из свиного окорока», *муравейник (сладкая горка)* «торт из тертого печеного теста со сгущенным молоком», *косичка* «копченый сыр в виде косы», *ракушки* «макароны», *спиральки* «макароны»;

1.3. названия хлебобулочных изделий: *кирпичик* «хлеб прямоугольной формы», *багет* «белый хлеб длинной формы».

В данных подгруппах выделяем альтернативные региональные наименования литературных названий продуктов питания и блюд. Однако отметим, что некоторые их

них (например, *камушки, кирпичик, пальчики, обжорики* и т.п.) имеют аффиксы, которые обладают собственной эмоциональной оценкой.

1.4. оценочные названия: *пельмеши, пельмешки* «пельмени», *бубочки, бубушки* «очищенное зернышко семечек», *семки, семечки, семари* «семечки», *морожко, мороженка, мороженко* «мороженое», *супец* «суп», *рулетос* «большой рулет из лаваша с начинкой», *пироженко* «пирожное», *макарохи, макарошки* «макаронные изделия», *пюрешка*, «картофельное пюре», *шавуха* «шаурма», *картоха, картофан* «картофель», *яишенка* «яичница», *бутер, бутербродик* «бутерброд», *копченка, копченочка* «копченая колбаса», *колбаска* «колбаса»».

Взаимосвязь категорий экспрессивности, эмоциональности и оценочности определяет критерии выделения эмоционально-оценочных единиц, к которым, в частности, как видно из примеров, относится наличие словообразовательных аффиксов, указывающих на эмоциональную оценку [3, с. 40]. Под экспрессивной маркированностью словообразовательных суффиксов понимается их способность образовывать такие производные, в которых сочетание основы суффикса привносит в семантику слов различные оттенки эмоциональности, оценочности, интенсивности, функционально-стилистической окрашенности и образности. Все эти оттенки усиливают восприятие слов, и, следовательно, определяют его как экспрессивное. [1, с. 4-5]. Опираясь на классификацию оценок с учетом аксиологической интерпретации, в основу которой положено два полярных критерия – «хорошо / плохо», можно также выделить положительную и отрицательную оценку. В данной группе представлены наименования, имеющие положительную оценку. Однако отметим, что в контексте данные номинации могут иметь и негативную оценку. Например: «*Да, уж... супец какой-то так себе... разочаровал...*».

1.5. названия ритуальных и религиозных блюд: *кутя, вечеря, сочиво* «кутья», *просвора* «просфора, просвира», *паска, пасха, куличик* «кулич».

2. Названия жидкостей (напитков):

2.1. названия спиртных напитков:

2.1.1. прямые: *бормотуха* «дешевое, некачественное вино», *шампунь* «шампанское», *синька, беленькая, водяра* «водка», *сэм* «самогон», *пивко, пивчанский, пивасей, пивас, жидкое золото, напиток богов* (по нашим исследованиям последний вариант распространен лишь в студенческой среде) «пиво», *паленка* «некачественная водка (иногда другой спиртной напиток)»;

2.1.2. оценочные: *шампусик* «шампанское», *пивасик* «пиво». В данной подгруппе представлены номинации с оценочным суффиксом.

2.2. названия безалкогольных напитков:

2.2.1. прямые: *кисляк* «простокваша».

2.2.2. оценочные: *кофеёк* «кофе», *чаёк* «чай», *водичка* «вода».

3. Названия съедобных растений:

3.1. названия фруктов:

3.1.2. прямые: *айва* «айва», *жердели* «дикорастущие абрикосы»; *бэбрики* «зеленые абрикосы». В подгруппе представлены альтернативные номинации литературных форм, не имеющие оценочного значения.

3.2. названия овощей:

3.2.1. прямые: *гарбуз*, «тыква», *бурак, буряк, свекла́* «свёкла», желтовка «дыня», *рэпанка* «картофель», *колхозница* «дыня»;

3.2.2. оценочные: *тыквач* «тыква», *кабак, кабан* «большой кабачок», редисочка «редис».

3.3. названия ягод:

3.3.1. прямые: *áрбуз, кавун, каун* «арбуз»; *тютина, атютина, тутовица, смоковница* «шелковица»;

3.4. названия грибов:

3.4.1. прямые: *синеножка* «гриб рядовка лиловоногая»;

3.5. названия трав:

3.5.1. прямые: *щáвель* «щавель»;

3.5.2. оценочные: *зеленушка* «зелень, пряности и травы, которые добавляют в блюда или употребляют самостоятельно». В данной подгруппе представлена номинация, обладающая оценочной характеристикой, выражается она с помощью суффикса.

3.6. названия зерновых и псевдозерновых:

3.6.1. прямые: *гречка* «греча, гречиха», *пшёнка* «пшеничная крупа», *перловка* «перловая крупа».

3.6.2. оценочные: *пшеночка* «пшеничная крупа», *гречечка* «гречиха».

4. Название частей съедобных объектов: *корябуха, корябка, корябушка* «горбушка хлеба», *лóмоть хлеба* «ломоть», *стопарик* «стопка водки», *децл* «немного» и т. д.

Экспрессивность приведенных выше оценочных существительных, образованных при помощи суффиксов, достигается за счет особенностей семантики суффикса или производящей основы. Данные экспрессивные суффиксы включают в себя два компонента коннотации: эмотивно-оценочный (например: *водичка, пшеночка, мороженко* и др.) и функционально-стилистический компонент (например, *тыквач, картофан* и т.д.) [1, с. 5].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в речи жителей Луганска и близлежащих населенных пунктов преобладают лексические, фонетические и словообразовательные регионализмы – наименования еды с точки зрения их соотношения со словами литературного языка. Выявлена наиболее многочисленная группа луганских регионализмов, которая представлена именами существительными, обнаружены лексико-семантические группы и подгруппы данных регионализмов. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более полном исследовании тематических групп луганских региональных названий еды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гималетдинова Г.К. Суффиксация как средство создания экспрессивности прилагательных в английском языке / Г.К. Гималетдинова // Язык и методы его преподавания: Казанск. гос. ун-т, 2001. – с. 4–28.

2. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. – 265 с.

3. Зайнульдинов Андрей Ахметович. К вопросу о соотношении семантических категорий: [экспрессивность [эмоциональность [эмоциональная оценочность] // МИРС. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-semanticheskikh-kategoriy-ekspressivnost-emotsionalnost-emotsionalnaya-otsenochnost>

4. Кадола Т. А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т. А. Кадола // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.

5. Карасева Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: диссертация. – Воронеж, 2004. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/nazvaniya-pishchi-v-voronezhskikh-govorakh-etnolingvisticheskii-aspekt>.

6. Клименко Л. П. ЛСГ в структуре связного текста / Л. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения : сб. науч. трудов. – Волгоград : Изд-во Волгоградского пед. ин-та, 1990. – С. 90–91.
7. Кошарная С. А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С. А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – Белгород, 2017. – С. 14–25.
8. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
9. Кузьмина Х. Х. О некоторых принципах изучения лексики тюркских письменных памятников / Х. Х. Кузьмина // Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : междунар. науч. конф., 11-13 дек. 2001 г. : труды и материалы : В 2-ух т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 135-137.
10. Лысякова Марина Витальевна Лексико-семантические парадигмы: лингвистический статус, критерии разграничения // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2005. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-paradigmy-lingvisticheskiy-status-kriterii-razgranicheniya>.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 1000 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.
12. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Младенов С. Языковедски изследования в чест на акад. – София, 1957.
13. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozování slov / M. Dokulil. – Praha : SAv, 1962. – 263 s.

I.A.Mashkovich

REGIONAL NAMES OF FOOD

The article describes some Lugansk regional names of food. The study revealed that in the speech of residents of Lugansk lexical, phonetic and word-building regional names dominate in terms of the ratio of regionalisms with the words of the literary language; it is determined that the most numerous group of regionalisms is represented by nouns; lexico-semantic groups of the studied regionalisms are found.

Key words: regionalism, regionalect, food, thematic groups, affixation.

УДК 811.161.1'373.612.2

Т.Н. Медведева

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

«ЗАЧЕМ И ДЛЯ ЧЕГО»: ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛИ ПРИ ОПИСАНИИ АРТЕФАКТОВ В УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Статья написана на материале русской диалектной и литературно-разговорной речи. В ней рассматривается контекстное взаимодействие различных способов реализации функционально-семантического поля «цель»: названий артефактов, реляторов-показателей смысловых отношений, наречий, предлогов, модальных

понятий, глаголов со значением целенаправленности. Выявляется специфика функционирования перечисленных единиц в устной речи.

Ключевые слова: *устная речь, функционально-семантическое поле, функциональная грамматика*

Совокупность отношений цели, причины, следствия и уступительности составляют сферу значений обусловленности (или каузальной обусловленности в широком смысле). «Весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [4, с. 562]. Исследователи отмечают отсутствие чётких границ между отношениями, входящими в сферу обусловленности, что проявляется, в частности, в возможности их взаимоконвертируемости (перифразирования), при которой одна и та же номинативная основа отношений обусловленности может быть представлена в виде причинно-следственной, условной или целевой структуры: **Если** колёса раскатываются, **под них** подкладывают цепи; **Чтобы** колёса не раскатывались, **под них** подложили цепи; **Колёса** раскатывались, **поэтому** под них подложили цепи; **Подложили** цепи, **потому что** колёса раскатывались и т. п. [5, с. 151].

Е. В. Рахилина вводит понятие «оправдания некоторой ситуации», объединяющее термины «причина» и «цель» [3, с. 47]. Авторы монографии «Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка» указывают на синкретичное единство причины и следствия: «Различаясь на поверхностном уровне, “причинные” и “следственные” конструкции описывают одну и ту же модель положения дел, изменяется лишь авторская позиция, в зависимости от которой актуализируются причинные или следственные аспекты одной и той же ситуации» [2, с. 92]. Изучение категорий цели и причины получает особую актуальность в русле функционального подхода к языку, развиваемого в лингвистике последних десятилетий.

Согласно определению, данному Ю. Д. Апресяном, «цель – это то, что некто хочет (содержание чьего-либо желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов» [1, с. 129]. Целевые отношения обладают признаками, которые противопоставляют данный тип отношений остальным: указание на активную и сознательную деятельность субъекта, контролируемость действий со стороны субъекта, наличие желательности.

Функционально-семантическое поле цели (как и другие функционально-семантические поля, составляющие сферу обусловленности) относится к группе полей с предикативно-обстоятельственным ядром; по структурному типу оно – полицентрическое, базирующееся на некоторой совокупности различных языковых средств, не образующих единой гомогенной системы форм. Основными грамматическими средствами выражения значения обусловленности являются придаточные предложения; предложно-падежные (падежные) формы существительных со связанными с ним формами других слов; наречия со связанными с ними в рамках обозначений ситуативной структуры словами; бессоюзные инфинитивные предложения; деепричастные обороты; бессоюзные соединения предложений.

Проанализируем пример описания ситуации цели в диалектной речи, представленной разными языковыми средствами (запись сделана нами в селе Белогорное Вольского района Саратовской области).

– (А там, на кладбище, дом стоит, в котором молятся?)

– Там дом стоит/ но это дом стоит/ он для того/ что вот на Лысую гору приедут зимой/ всё-таки там затишье/ они там разожгут этот... **погреться-то//**

Бывает так/ что могилу-то вырыли/ а покойника-то ещё не везут/ они там разжигают костёр и... всё там потише// а летом-то дождик/ от дождя// А весной-то вот/ на девятый май ходили/ там молились// Паски канун молились// Вот для этого она и состроена/ часовня называют//

А раньше там жили// Прямо вот как заходишь/ до ворот-то/ ворота там были/ теперь уж ничего нет/ на этой вот стороне была землянка/ а тут вот родник был// Там жили старик со старухой/ ещё вот я помню// В этой землянке//

– (А они прямо там всё время жили?)

– Там всё время жили// И зимой и летом раньше// Что они там раньше жили/ не знаю// Или для того что вот приезжали грелись/ или чего хоронили/ не знай/ не скажу//

Хотя диалектолог спрашивает не о назначении дома, находящегося на кладбище, а о самом факте его наличия, – ответное высказывание является указанием на назначение объекта, поскольку дом, как и всякий артефакт, мыслится как созданный с определенной целью. Таким образом, та часть вопроса, которая была темой («*в котором молятся*»), становится ремой высказывания информанта. Характерно, что в этом высказывании нет четких логических и синтаксических связей между компонентами, оно является описанием типичных ситуаций, в которых наиболее ярко проявляется функция данного артефакта. Можно выделить описания трех таких ситуаций:

(1) *Вот на Лысую гору приедут зимой/ всё-таки там затишье/ они там разожгут этот... погреться-то//*

(2) *А летом-то дождик/ от дождя//*

(3) *А весной-то вот/ на девятый май ходили/ там молились// Паски канун молились//*

Описания этих ситуаций заключены в своеобразную рамку, благодаря которой данное высказывание и квалифицируется как указание на назначение («*он для того ... вот для этого она и состроена*»).

Согласно исследованиям древнерусского языка, в поздних памятниках наряду с союзом *чтобы* в придаточных предложениях цели, выраженных инфинитивом, употреблялся и союз *что*. Очевидно, пример, приведенный выше, является свидетельством длительного пути образования союза *чтобы*.

В примере (1) важную нагрузку несет инфинитивная форма «*погреться-то*». Она является своеобразным заместителем слова «костёр», которое информант не сразу вспоминает. Подобные конструкции, называемые семантическими конденсатами (типа «*У тебя есть чем писать?*»), получили широкое отражение в исследованиях по разговорной речи; в них название артефакта заменяется указанием на его назначение, постоянное или проявляющееся в данной ситуации.

Костёр тоже можно рассматривать как артефакт, хотя и несколько непривычный: ведь понятие артефакта (лат. *artefactum* – ‘искусственно сделанный’) предполагает создание какого-либо объекта, не существовавшего ранее; а сущность костра состоит как раз в том, что результатом его является уничтожение (сгорание) материальных предметов. Но с артефактами в обычном смысле слова костёр объединяет то, что он тоже «искусственно делается», его созданию предшествуют некие целенаправленные действия (собрание предметов, способных гореть; выбор определенного места и т. д.).

С другой стороны, инфинитивная форма «*погреться-то*» может относиться ко всей рассматриваемой ситуации; эту часть высказывания можно трансформировать следующим образом: «*Дом стоит для того, чтобы в нём (около него, за его прикрытием) можно было погреться зимой*».

Фрагмент (3) – это скорее не описание типичной ситуации, а рассказ о конкретном событии (запись происходила летом, и речь идет о предшествующей весне). Но, как выяснилось из бесед с жителями Белогорного, поездки на кладбище для молитвы являются для них ежегодными, поэтому данное конкретное событие можно рассматривать как отнесенное к инварианту типичной ситуации.

Противительный союз *но* в высказывании информанта в сочетании с последующими описаниями ситуаций (1) и (2), казалось бы, опровергает исходное положение вопроса диалектолога («*там дом стоит/ но это дом стоит/ он для того...*») → «*Там дом стоит, но в нем не молятся, он предназначен для того, чтобы...*»). Однако в (3) информант возвращается к теме вопроса и не опровергает, а, напротив, подтверждает ее.

Таким образом, интересующий нас объект предназначен и для молитвы тоже, но это назначение объекта – не главное, поскольку в Белогорном есть специальный молебельный дом, а на кладбище жители молятся не часто. Следовательно, применима следующая трансформация: «*Там дом стоит, но не только и не столько для того, чтобы в нём молиться. В первую очередь он предназначен для того, чтобы защищать от холода зимой и от дождя летом. А весной – девятого мая и в канун Пасхи – там молятся*».

Второй вопрос диалектолога («А они прямо там всё время жили?») – тоже, как и предыдущий вопрос, – не о цели. Но, как и в первом случае, информант считает нужным обосновать некое явление. Это связано с необычностью места, в котором живут упоминаемые информантом люди; если бы место было привычным, указание на какую-либо цель не было бы необходимым.

В выражении «*что они там раньше жили...*» слово «*что*» имеет значение ‘для чего, зачем, почему’ – типичное для устных типов речи. Усеченный составной союз «*для того что*», как и в первом случае, указывает на целевое значение последующего высказывания. затем также следуют описания типичных ситуаций, но эти описания сжаты до минимума, от них остались только глаголы: (4) «*вот приезжали грелись*»; (5) «*чего хоронили*».

Это не случайно, поскольку глагол, как никакая другая часть речи, обладает способностью конденсировать в себе целую ситуацию. Так, (4) представляет собой конденсированное описание, и его можно трансформировать следующим образом: «*Они жили там для того, чтобы оказывать содействие людям, которые приезжали на кладбище зимой и грелись там, как рассказывалось выше*».

Для исследования средств выражения значения цели в устной литературно-разговорной речи нами был проведен следующий эксперимент: трем носителям литературного языка было предложено рассказать о каком-либо артефакте (по выбору участников эксперимента), достаточно сложном по устройству и выполняемым функциям. Этими артефактами стали буровая установка, аппарат Илизарова, кухонный комбайн и фритюрница.

Несмотря на экспериментальный характер получения, записанные тексты (общим объемом около 8 тыс. словоупотреблений) безусловно следует считать живыми проявлениями разговорной речи: они создавались в обстановке непосредственного неофициального общения, без предварительной подготовки. Поскольку тема выбиралась свободно, информанты рассказывали о тех объектах, которые представляют определенный интерес прежде всего для них самих. Все полученные тексты содержат не только требуемые описания артефактов, но и рассказы о конкретных обстоятельствах их применения, с упоминанием самих авторов текстов («*Мы бурили поисковую скважину...*»; «*Я сломал руку...*»; «*Нам на свадьбу подарили*

фритюрницу...» и т. п.), то есть выбранные объекты включены в личностную сферу говорящих.

Опишем наиболее яркие особенности средств выражения цели, встретившиеся в полученном материале.

1. Названия артефактов.

1.1. Слова с прозрачной этимологией, производные от обозначений действий, для выполнения которых предназначены артефакты: *газопровод, нефтепровод, мясорубка, соковыжималка, кофемолка, смеситель, регулятор температуры, прогреватель, фильтр*. Сюда же можно отнести и названия профессий (например, *бурильщик*), которые являются своеобразными нематериальными артефактами. Такие названия, как правило, не становятся объектом рассуждений об их предназначении. Исключение составляют те из них, производящая основа которых не дает достаточной информации, например:

Вот качалка/ видела качается?// Она качает нефть//

1.2. Составные названия, включающие прилагательные, производные от обозначения действий, выполняемых артефактами: *плавильный завод; нефтеперерабатывающий завод; поисковые, разведочные, эксплуатационные, наблюдательные скважины*; а также названия профессий и коллективов: *буровой мастер, аварийные силы*. Подобные наименования тоже могут иметь комментарий в тех случаях, когда они не дают полного представления о характере выполняемого действия: например:

Ловильный метчик/ ну это приспособление чтобы/ вот/ его опускают в скважину и ту трубу ловят/ ловильный он называется//

Чаша загрузочная/ в которую кладут продукты//

1.3. Гиперонимы, которые выражают идею некоего предназначения: *инструмент, приспособление, оборудование, агрегат*; из нематериальных артефактов – *операция, способ, метод, технология*. Хотя такие названия сами по себе не выражают конкретного предназначения, оно выявляется из контекста, а гиперонимы подчеркивают его:

Во время войны там женщины бурили/ на коровах возили то что надо/ вот инструмент/ вот это вот оборудование//

Сначала они решили лечить руку одним способом//

2. Реляторы-показатели смысловых отношений.

В нашем материале представлены примеры употребления релятора *цель*, который раскрывается инфинитивными группами глаголов:

И особое значение придавалось когда мы доходили до рудного тела/ это цель/ вот этого вот бурения/ вот этой скважины/ цель/ дойти до рудного тела/ пройти его/ значит узнать его мощность//

Очевидно, в этом примере релятор *цель* относится не к названию артефакта – «скважина», а к обозначению действия – «бурение» и эллиптическому «строительство (сооружение) скважины», поскольку наличие цели характеризует либо существо, наделенное разумом, либо сознательное действие, производимое таким существом. При описании артефакта более ожидаемым представляется релятор *(пред)назначение*, который также зафиксирован в нашем материале, однако не сопровождается инфинитивными группами: речь идет о назначении скважины, выражаемым с помощью прилагательных (*разведочная, поисковая* и т. д.; см. раздел 1.2.).

3. Важным признаком наличия ситуации целеполагания являются **наречия со значением ‘намеренно’** (*нарочно, умышленно, специально* и т. п.). Поскольку у

артефактов, как было сказано выше, не может быть цели, по отношению к ним более употребительным является прилагательное «специальный» или причастие, управляющее наречием: «специально сделанный (изготовленный и т. п.)». Для письменной речи нормой является распространение прилагательного или наречия целевым оборотом, включающим предлог ил союз в целевом значении. В наших экспериментальных текстах встретилось три случая такого распространения, однако в подавляющем большинстве случаев (28 примеров) такой оборот отсутствует, конкретное назначение артефакта выявляется только из контекста, например:

Они сначала решили/ что поскольку рука у меня сильно вся раздробилась/ поэтому ее нужно скрепить пластиночкой специальной//

Степан там присоединяет трубы/ вот ключи специальные/ ключами прикручивает//

А из реки эту нефть стали вылавливать/ специальные сделали из камыша понтоны/ пускали в реку/ солома там/ камыш сухой впитывал эту нефть/ и их вытаскивали и жгли//

Следует отметить, что круг имён, вводимых наречием «специально» или прилагательным «специальный» без целевого оборота, чрезвычайно широк: ёмкость, жир, кернорватель, ключ, кляр, коронка, крышка, насадка, пластиночка, покрытие, понтон, приспособление, ручка, технология, трос, труба, фильм, шланг, яма.

4. Некоторые **предлоги**, не относимые традиционно к числу целевых, способны, на наш взгляд, в некоторых контекстах передавать оттенок цели (назначения):

4.1. Предлог *без* в оборотах вида «**Без А не будет (не произойдет) В**», которые можно трансформировать следующим образом: «**А нужно для того, чтобы было (произошло) В**»:

Без младшего рабочего не произойдёт спуска снаряда бурового на забой и подъёма//

Без нефти/ ну продуктов переработки нефти/ ни самолёт ни один не поднялся/ ни машина бы ни одна не пошла/ ни трактор бы ни один не пошёл//

4.2. Конструкции, состоящие из производного предлога *с помощью* и названия артефакта, по нашему мнению, следует считать синонимичными деепричастным оборотам с деепричастием «используя». Предлог *с помощью* при описании артефактов подчеркивает их назначение (конечно, имеются в виду стандартные ситуации, когда предмет используется по своему прямому назначению):

С помощью разных кнопочек/ выбираешь скорость при которой может производиться какая-то операция там/ и запускаешь/ и всё это работает//

С помощью геофизических методов исследования/ установили/ какие там горные породы ожидаются//

5. Модальные понятия.

5.1. Исходным звеном в ситуации целеполагания является категория желательности. Предложения со значением желательности – это предложения с предикатами: а) *хотеть, желать*; б) *просить, предлагать, требовать* и другими побудительными глаголами.

Наличие значения желательности является принципиальным отличием целевых предложений от предложений с причинно-следственной обусловленностью, при том что и те, и другие описывают два события, обусловленные причинно-следственной зависимостью.

Из всех глаголов со значением желательности (*хотеть, желать, мечтать, жаждать* и т. п.) в нашем материале представлен только глагол «хотеть», который является наиболее нейтральным из них и обозначает желание, не осложненное какими-

либо дополнительными семантическими компонентами. Наличие цели в высказываниях, содержащих глаголы со значением желательности, подтверждается возможностью их трансформации в придаточные предложения с союзом *чтобы*:

Это как бы уже представляет собой чашу/ в которую нужно загружать/ мясо/ или какой-то другой/ продукт/ который хочется перемолоть// (= ‘чтобы перемолоть’).

5.2. Близкими понятию желательности являются понятия долженствования и необходимости, которые выражаются модальными словами: *надо, нужно, необходимо, должен, обязательно* и т. п. Все эти модальные слова способны управлять некоторыми целевыми выражениями – именными группами с предлогом *для* (или синонимичными ему), а также придаточными предложениями (или инфинитивными оборотами) с союзом *чтобы*; однако и при отсутствии целевых выражений модальные слова способны указывать на назначение артефакта:

Во время войны там женщины бурили/ на коровах возили то что надо/ вот инструмент/ вот это вот оборудование// (= ‘надо для бурения’).

6. Назначение артефакта имплицитно присутствует в тех случаях, когда называются **действия**, выполняемые с их помощью:

Там насос/ глинистый раствор подаёт в скважину//

Там лестница на эту вышку/ взбираешься наверх//

А опускают конечно не ручную/ вот лебёдка там же//

Таким образом, в русской диалектной и литературно-разговорной речи различные средства выражения цели способны тесно взаимодействовать в одних и тех же контекстах, выражая различные смысловые оттенки целевого значения. Более подробный анализ функционирования компонентов функционально-семантического поля цели позволит выявить степень оформленности данной категории в устных типах речи, что представляется важным для функциональных и коммуникативных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
2. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / [Всеволодова М. В., Воробьева Г. К., Дементьева О. А. и др.]; Под ред. М. В. Всеволодовой, С. А. Шуваловой; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 183 с.
3. Рахилина Е. В. Отношение причины и цели в русском языке / Е. В. Рахилина // Вопросы языкознания. 1989. № 6. – С. 46-54.
4. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис. – 714 с.
5. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарско, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак. – Спб.: Наука, 1996. – 229 с.

T.N. Medvedeva

**«WHY AND FOR WHAT»: FEATURES OF THE EXPRESSION VALUES
OF THE TARGET DURING THE DESCRIPTION OF ARTIFACTS
IN ORAL RUSSIAN SPEECH**

The article is written on the material of Russian dialect and literary-colloquial speech. It deals with the contextual interaction of different ways to implement the functional-semantic field "goal": the names of artifacts, relators-indicators of semantic relations, adverbs, prepositions, modal concepts, verbs with the meaning of purposefulness. The specificity of functioning of the listed units in oral speech is revealed.

Key words: *oral speech, functional-semantic field, functional grammar*

УДК 81'27

В. И. Мозговой

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ
ДОНБАССА**

Освещаются проблемы государственности в многонациональных языковых сообществах, исходя из политики по отношению к национальному языку. Описываются противоречия, связанные с акцентуемым взглядом на язык общения, и подчёркивается важность культурно-языковой общности. Постулируется, что государственность устанавливается не декларативно, а приобретает вместе с осознанием и принятием большинством культурного потенциала всех языков, функционирующих в государстве, независимо от национальной принадлежности его граждан.

Ключевые слова: *языковая политика, национальный язык, государственный язык, языки национальностей, региональный язык.*

Определение статуса языков, функционирующих в условиях противопоставленных мировых тенденций – глобализации и борьбы за сохранение национальной самобытности, – акт чрезвычайной ответственности для государственных структур, принимающих те или иные решения в конкретной ситуации, кажущейся им понятной, естественной и обоснованной. Ситуативная конкретность, однако, может превратить политику в инструмент, повышающий риск национального обособления и социального расслоения. Парадокс конкретности состоит в том, что изменяющаяся геополитическая ситуация толкает её новых адептов на провозглашение новой «титупьной нации» или нового «коренного народа». От амбиций «национального большинства» начинают в этом случае страдать конкретные социальные коллективы, оказавшиеся заложником принятых правящей элитой решений.

Находясь в фарватере политиков и не имея возможности быстро выработать соответствующий механизм противодействия их субъективной воле, они вынуждены подчиняться конъюнктуре новых законов, игнорирующих существующий языковой баланс и сложившуюся расстановку сил в обществе. Ярким свидетельством произвола властных структур и вынужденного приспособления социума к «диалектике» их

законотворчества являються противоречия в мовній політиці України. Выросшие до размеров катастрофы в её наиболее многонациональных регионах, они катализировали выход народов Крыма и Донбасса из-под контроля националистического меньшинства. Это была не случайная акция, а закономерный итог якобы «конституционных» мероприятий украинских политиков по пути к уничтожению собственной государственности. Манипулируя понятиями «государственный язык», «языки национальных меньшинств» и «национальный язык», они расшатывали устоявшуюся языковую общность, возможно, неосознанно, но последовательно внедряя в практику социальных отношений пресловутую теорию «окон Овертона».

«В соответствии с данной теорией, всякая существующая в обществе идея или проблема имеет «окно возможностей», в рамках которого данная идея может (или не может) широко обсуждаться, открыто поддерживаться, пропагандироваться и, наконец, приобретать форму императива. Это «окно» подвижно, спектр возможностей может расширяться, начиная со стадии «немыслимое», то есть однозначно неприемлемое, запретное, противоречащее нормам общественной морали, и заканчивая стадией «актуальная политика», то есть уже широко обсуждённое, принятое обществом и легализованное им» [1, с. 304]. Легализацию «немыслимого» вполне «успешно» осуществили украинские «патриоты», внедрившие в социальный организм молодого государства методику шести шагов «окон Овертона»:

- 1) немыслимые;
- 2) радикальные;
- 3) приемлемые;
- 4) разумные;
- 5) стандартные;
- 6) нормативные.

В результате двух первых шагов в социальную среду была запущена риторика украинских националистов, действия которых воспринимались сначала как немыслимые и радикальные:

Донцов Д. (1920 – 30 гг.): «У цій страшній борні за свободу українці мусять виступити як національний моноліт. А це можливо тільки тоді, коли її провід очолить когорта справжніх лицарів ідеї і чину, а не схильна до поступок і компромісів з усім і всіма політична неміч. Поки є неволя, нація має бути в стані воєнного поготів'я і жити не за законами мирного часу, а за вимогами воєнного стану. “Свобода або смерть!” – цим має користуватися як окремих індивід, так і ціла нація» [2, с. 131];

Іванишин В. (1992 г.): «За терор УВО-ОУН український націоналізм не потребує виправдання, бо не підлягає осуду. Не український націоналізм, а польський шовінізм породив його. А кожен окупант повинен усвідомлювати, що приречений ним на загибель народ сам обирає спосіб самозахисту» [3, с. 137];

Пирен М. (2001 г.): «Етноісторичне минуле українського народу засвідчує його одвічне прагнення до загальнолюдських цінностей: самостійності, соборності та демократичного ладу як чинників української національної ідеї. Інше етнічне населення, що проживає в Україні, є етнічними меншинами, які мають рівні права з представниками титульного етносу, проте як громадяни цієї країни, вони мають поділяти провідні цілі титульного етносу в процесі державотворення. Національні атрибути державності – символи, гімн, мова визначаються титульним етносом, а тому, як громадяни, меншини повинні інтегруватися в український етнополітичний організм» [7, с. 67 – 69].

Когда к высказываниям привыкли, была подготовлена почва для следующих двух шагов. В сознание обывателя при помощи конституционных актов

постепенно **внедрялась мысль о приемлемости закрепления украинского языка в качестве государственного**. Общество подкупила при этом 10-я статья Конституции, согласно которой в Украине гарантировалось «...свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств...» [4, с. 5 – 6]. **Сакрализация украинского языка казалась поэтому разумной**, хотя «разумность» была проблематичной из-за понятия «язык национального меньшинства».

Для русского языка это звучало как эвфемизм, поскольку он не относился ни к языку национальности (на нём так или иначе общаются все национальности), ни к меньшинству (для Донбасса, как и для многих других регионов, он обслуживает большинство). Общество, к сожалению, осознало это слишком поздно, когда буква Основного закона потребовала внедрения в практику образования политических по своей сути акций по закрытию русских школ, украинизации прессы и телевидения, дублированию, а затем запрету русских фильмов, культуры и литературы.

Проблема их содержательного наполнения заменилась гибельной для языка и государства идеей изучения русской литературы как зарубежной и только на украинском языке (не знакомятся же украинцы с греческой литературой на греческом и не открываются же греческие школы по всей Украине?!). Разделение русской и украинской литератур произошло на уровне примитивного представления о языке как средстве общения (русская литература – это литература, написанная на русском языке и, соответственно, украинская литература может звучать только по-украински).

В результате смысл общенациональной литературы подменился формой презентации (языком общения), что разрушило как русско-украинскую, так и украинско-русскую и другие общности – из их конструкций был выброшен огромный потенциал общего культурного пространства: феномен Николая Гоголя, Михаила Булгакова, Исаака Бабеля, Владимира Короленко и даже Тараса Шевченко и Марко Вовчок, которые тоже имели в своём арсенале русскоязычные произведения.

Приемлемость и разумность стимулировали позже националистический захват власти в Киеве, что, в свою очередь, спровоцировало отсоединение Крыма и Донбасса от Украины.

Но этот факт не отрезвил, а усилил аппетиты поборников «национальной идеи», вплоть до разжигания ими военного конфликта. **Идеология С. Бандеры, сформулированная первоначально в виде лозунгов, которые можно было обсуждать («Боремся не тільки з імперіалізмом, але й з російським народом» и «Україна для українців»), согласно теории «окон Овертона» превратились в стандартные, а затем узаконенные, нормативные шаги, которые нужно было выполнять.** Но нормативность была уже обеспечена соответствующими постановлениями и «законотворческими инициативами».

1. Постановлением Верховной Рады Украины от 01.09.2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». Проведением такой политики в жизнь занялся специально созданный для этого «Украинский институт национальной памяти», занимающийся искоренением этой самой памяти. Именно он давал рекомендации о правильных или неправильных культурно-исторических акциях и переименованиях всех неудобных городов, посёлков, и объектов городской инфраструктуры. Наибольший урон он нанёс Донбассу, где во всех регионах, в том числе неподконтрольных Украине, было переименовано не только то, что было связано с коммунистической идеологией, но и с фактами российской, русской и советской истории. Так на карте мира появились объекты с «двойной номинацией»: *Красноармейск* и *Покровск*, *Тельманово* и *Бойково*, *Красный Партизан* в *Бетманово*,

Юнокоммунарск и Бунге, Кировское и Крестовка, Комсомольское и Кальмиусское, Тринадцатая Рота и Калинино, Красный Лиман и Лиман, ул. Молодогвардейская и ул. Героев Украины (г. Славянск), ул. Лазо и ул. Героев Небесной Сотни (г. Краматорск) и т. п.

2. Изменением законодательства (2014 г.), предписывающего создание Украинской автокефальной православной церкви и обязывающего Украинскую православную церковь Московского патриархата изменить название на Русскую православную церковь, что привело, таким образом, к духовному расколу в украинском обществе по принципу веры, языка и национальности.

3. Законом «О функционировании украинского языка как государственного», который пятнадцатого мая 2019 г. был принят Верховной Радой даже вопреки мнению большинства: государственный язык объявлялся обязательным в официальном общении не только для учреждений и госслужащих, но и всего общества.

Жонглирование понятиями «русский патриотизм и украинский национализм», «Украинская автокефальная» и «Русская православная церковь», «государственный и официальный язык», «языки национальных меньшинств и язык национальности» превратилось в идиоматическую игру, в которой значение не выплывало из суммы компонентов. Терминологическая путаница свидетельствовала о неразработанности теории языковой политики, которая приводила к проблемности украинско-русских, украинско-европейских, восточно- и западноукраинских отношений, катализируя идеологию превосходства титульной нации.

Последний тезис закреплялся появлением национализма как узаконенного движения и сопровождался унижением «нацменьшинств» (всё равно: русских ли, украинских, татарских, греческих, русинских, польских или венгерских), корни которого можно тем не менее обнаружить ещё в XIX в., в котором уже формировались, с одной стороны, понятия «великодержавности», а с другой, – «титульной нации» и «национального меньшинства».

Именно таким образом можно интерпретировать книгу «Украинское движение» исследователя малороссийской истории А. В. Стороженко (псевдоним Андрей Царинный), украинца по происхождения, который искренне исповедовал идею великой России: «Мы лично, родившись и проведя... почти полвека сознательной практической жизни в глубине Левобережной Малороссии... можем засвидетельствовать и подтвердить, что нам никогда не представлялось надобности обращаться к «мове»... «Украинцы» – это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит всё русское... Но особенно раздражают «украинца» старинные, предковские названия: *Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский*. Слыша их, он бешено кричит: «Ганьба!» («Позор!») От польск. *Hanba*)... «Украинская идея» – это гигантский шаг назад, отступление от русской культуры к тюркскому или берендейскому варварству. В древнерусской летописи часто повторяется о тюркских кочевниках, что они «заратишася» на Русь, то есть пошли на Русь ратью, войной. Возрождаясь в «украинцах», они опять идут войной на Русь – в области культурной: они хотели бы стереть всякий след «русскости» в исконной, сердцевинной, Малой (в греческом понимании) Руси. Все русское для них – предмет глубочайшей ненависти и хамского презрения» [8, с. 116 – 119].

Подобные высказывания можно слышать и сегодня, хотя для природы современной цивилизации и государственности не может быть приемлем ни национализм, ни великодержавный шовинизм. Время эмоционального детства и незрелой юности, которое вынуждало народы идти наощупь дорогой межнациональной

вражды бесповоротно прошло. Оно обязано смениться эпохой осознанной политики, в которой множественность культур, экономик, религий и равноправных языков является необходимым условием существования многонационального государства. Выживание человечества обеспечивается сегодня не национальным обособлением, а единством народов, переходящим в союзы социальных систем, способных эффективно противостоять природным катаклизмам и политическим вызовам глобализации, с которыми не может справиться ни одно отдельно взятое «независимое» государство. Оно требовало ещё вчера и ещё больше требует сегодня нового прочтения понятия «**национальный язык**», которое никак не соотносится с «языком национальности», а тем более с «языком национального меньшинства».

В современном контексте национальный язык является средством общности нации. Это тип общенационального мышления, философии и психологии определённого народа, который может материализовываться в разных языковых системах (диалектах, жаргонах, региолектах, фольклоре, литературных языках разных национальностей) и любых проявлениях культуры, искусства, духовности и права (живописи, музыке, архитектуре, танцах, религии, собственных именах) как способах передачи вербальными и невербальными средствами национального мыслеобразующего процесса.

Форма языка проявляется в специфике фонетической, лексической или грамматической систем, т. е. речи, а духовность и культура – в сущности национального мировосприятия, т. е. в национальном языке. Поэтов, художников, музыкантов, религиозных или политических деятелей следует потому оценивать не по месту рождения, национальности, языка общения, вероисповедания, а по тому, какую философию и психологию они выражают своими поступками или творчеством.

Так, Н. В. Гоголь, В. Г. Короленко, М. А. Булгаков – как русские, так и украинские писатели, несмотря на русскоязычность их произведений; художники И. К. Айвазовский, армянин по национальности, или грек А. И. Куинджи – великие русские живописцы; поэт Расул Гамзатов, писавший на русском языке, олицетворяет аварскую литературу; Т. Г. Шевченко или Марко Вовчок, в арсенале которых большое количество произведений на русском языке, представляют украинскую, а не русскую литературу; Дженгиз Дагджи, родившийся в Крыму, большую часть жизни проживший в Лондоне и публиковавший свои произведения на турецком языке, но говоривший в том числе по-русски, – великий крымскотатарский писатель и т. п.

Большой культурной и политической ошибкой, де-факто разрушившей украинскую государственность, является поэтому не только запрет русской культуры, расчленение православия по территориально-языковому принципу или противопоставление народов по отношению к «титальной» нации, но и изучение украинской литературы как литературы, написанной на украинском языке, а русской – как зарубежной. Уничтожение социальных основ формирования национального языка влечёт за собой разрушение нации и государства. Оно при этом инициируется массой якобы патриотических, но по своей сути политико-идеологических деклараций о статусе языков в многонациональном государстве, противоречащих смыслу языка как такового, а тем более сущности национального языка. Их непоследовательность и антинаучность обуславливает непредсказуемость современной языковой политики на всём постсоветском пространстве.

Так, понятия «государственный» и «официальный» рассматриваются как синонимы: «государственный – тот, что имеет отношение к государству», «официальный – тот, что регулируется правительством, т. е. правительственный, служебный». Что касается других политико-языковых терминологических

словосочетаний («язык национальных меньшинств», «региональный», «нетерриториальный», «родной» и т. п.), то их вообще не определяют. Аморфность терминологии порождает спекулятивное отношение к языковым проблемам и позволяет принимать самые противоречивые постановления относительно функционирования конкретных языков в государстве.

Так, русский язык в Украине признаётся то языком национальных меньшинств (Конституция Украины, 1996 г.), то официальным (постановления регионов Восточной Украины и Крыма, 2008 г.), то региональным (Постановление Верховной Рады, 2012 г.), то государственным наряду с украинским (Конституция ДНР, 2014 г.), то государственным наряду с крымскотатарским и украинским (Конституция Автономной Республики Крым, 2014 г.), что провоцирует представителей других национальностей на инициирование такого же статуса для «своих языков» в границах государства, отдельного региона или района.

Проблем между тем можно избежать, если на государственном уровне узаконить те понятия национально-языковой политики, которые способны сохранить культурный потенциал национального языка [5; 6].

1. Государственный – это язык или языки, которые понимает большинство граждан государства независимо от их национальности или территории проживания (например, русский и украинский в ДНР или украинский и русский в Украине). Исходя из этого, статус государственного устанавливается не партиями, референдумами или голосованием и не опорой на «титულную нацию», а объективным функционированием языков в обществе и государстве.

Вненациональный статус государственного языка способствует устранению противоречий между гражданами разных национальностей и укреплению национального языка как средства общности. В то же время предоставление привилегий одному из государственных языков по превосходству национального большинства обязательно провоцирует формирование националистической идеологии и национально-языковую рознь

Государственных языков может быть много, но выпячивание только одного из них, если в государстве понимают два или больше языков, изменяет объективную реальность и создает почву для конфликтности. Об этом с тревогой заявляла А. М. Эмирова ещё в 2011 г.: «Что касается языковой ситуации, то на Украине она, думается, более сложна, чем в бывших союзных республиках, потому что в некоторой оппозиции находятся два мажоритарных языка – украинский и русский, которые, каждый в своём юридическом поле, имеет правовой статус государственных языков, а на территории Украины русский язык, как известно, квалифицируется в качестве национального меньшинства. Однако это лишь поверхностный, формально-юридический уровень противостояния данных языков. В действительности же оппозиция русского и украинского языков восходит к более глубинной содержательной основе: русский язык имеет многовековую практику кодификации и функционирования в различных сферах общественной жизни и, следовательно, более высокий уровень коммуникативного совершенства, в то время как украинский, в силу известных исторических и социально-политических причин, был ограничен в своих функциональных потенциях» [8, с. 144]. Добавим к этому, что государственный язык нельзя отождествлять и с родным языком, на котором человек мыслит и который существует у каждого вне зависимости от наличия или отсутствия в структурированном обществе государственного языка.

2. Высшей формой государственного языка является официальный язык, который юридически представляет государство во внутригосударственных или

международных деловых отношениях. Если государственных языков может быть много (русский и украинский языки в ДНР или украинский и русский в Украине), то государственным официальным должен быть только один (например, украинский официальный в Украине, но русский официальный в ДНР или ЛНР). Вот почему в любой Конституции многонационального государства (а их сегодня в мире большинство) должен быть закреплён не только статус государственных языков, но и обозначен язык юридического (делового) общения (государственного официального языка), что исключает двойное толкование законов при их фиксации в документах.

3. Языки национальностей (но не «языки национальных меньшинств», поскольку такой термин ущемляет права большинства национальностей по принципу развитости / неразвитости) – это языки компактного проживания граждан определённой национальности на определённой территории (например, греческий язык в Донбассе, болгарский язык в некоторых районах Запорожской области и т. п.).

4. Региональный – это язык, находящийся за пределами национального языка, но понятный большинству населения определённого региона (как правило пограничного) вне зависимости от представляющих его национальностей (например, польский язык во Львовской области).

5. Нетерриториальные – это языки, которые используются для общения, но не входят в отдельную языковую общность и не имеют строгой привязки к определённому территориально-государственному образованию (например, английский язык в мире или идиш у евреев). В то же время они могут при этом быть государственными или любыми другими языками в конкретной национально-государственной общности (например, английский язык в Англии)

На территории Донбасса, если он представлен государственными образованиями, для взаимопонимания между его народами должны на равных функционировать два государственных языка (русский и украинский), а для сохранения и развития национального языка должно осуществляться знакомство с культурами всех народов, населяющих этот край. В первом случае методика изучения литературы должна сходиться из принципа равноправия и равнозначности, т. е. изучаться на том языке, на котором она написана (русском и украинском), а во втором – в переводном варианте на русском или украинском языках. В местах компактного проживания граждан определённой национальности должен (или может) изучаться ещё и их родной язык.

Выводы:

1. Беспрепятственное развитие национального языка – главное условие существования современной цивилизации и государственности.

2. Установление политического статуса языков связано с объективной реальностью. Чем больше форм, передающих национальные парадигмы мышления, тем богаче нация, а субъективное подчёркивание преимуществ одной формы над другими, не учитывающее объективное многоголосье современной цивилизации, может привести к отторжению её сути и противопоставлению внешне разных культур и миров.

3. В многонациональном языковом сообществе, каким является Донбасс, почти сплошное двуязычие (русско-украинское или украинско-русское) и региональное многоязычие (русско-украинско-греческое, русско-украинско-татарское и т.п.) является наивысшим национальным достоянием.

4. Высшая цель языковой политики, направленной на будущее нации (формирование её эстетических и культурных идеалов путем знакомства с максимальным разнообразием форм национального языка), не может и не имеет права

подменяться прагматикой единственно возможного способа общения – государственным языком как средством «политической целесообразности».

5. На территории государств, представляющих Донбасс, для взаимопонимания между его народами должны на равных функционировать два государственных языка (русский и украинский), а для сохранения и развития национального языка необходимо знакомиться с культурой всех народов, населяющих этот край. В первом случае изучение литературы должно быть равноправным и равнозначным, т. е. на языке оригинала (русском и украинском), а во втором – в переводном варианте (русском или украинском языках).

6. В местах компактного проживания граждан определённой национальности должен (или может) изучаться ещё и их родной язык.

7. Государственный официальный язык – предмет особого изучения в учебных заведениях среднего и высшего профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин О. А., Белова И. Е. Фрейм-аналитика: опыт эпистемологического исследования / О. А. Верещагин, И. Е. Белова // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «ОГУ». 2015. №6 (69). – С. 302 – 307.

2. Донцов Д. За яку революцію? / Дмитро Донцов. – Львів: 1990. – 153 с.

3. Иванишин В. Нація. Державність. Націоналізм. / Василь Іванишин. – Дрогобич: Видавнича фірма «Відродження», 1992. – 180 с.

4. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996. Стаття 10. – К.: Преса України, 1997. – 79 с.

5. Мозговой В. И. Русская культура в украинском языковом контексте / В. И. Мозговой // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. – № 3. – С. 163 – 168. – (Серия : Рус. язык и иностр. языки и методика их преподавания).

6. Мозговой В. И. Русский язык в украинском культурном пространстве: язык общения или общности? / В. И. Мозговой // Информационный вестник Форума русистов Украины. Выпуск 15. Симферополь : ЧП «Арти-Юк», 2012. – С. 22 – 28.

7. Пірен М. Національна ідея – стрижнева основа утвердження цінностей громадянського суспільства в Україні / Марія Пірен. // Формування громадянського суспільства в Україні: стан, проблеми, перспективи: Зб. наук. пр. Академії держ. упр. при Президенті України / Кол. авт.; За заг. ред. В. І. Лугового, В. М. Князева. – К. : Вид-во УАДУ, 2001. – С. 65 – 78.

8. Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям / А. Царинный – Донецк : Библиотека Славянской партии, 2001. – 138 с.

9. Эмирова А. М. Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях / А. М. Эмирова // Информационный вестник Форума русистов Украины. Выпуск 14. Симферополь : ЧП «Арти-Юк», 2011. – С. 141 – 146.

V. I. Mozgovi

NATIONAL LANGUAGE AND NATIONHOOD IN THE CONTEXT OF DONBASS

Highlights the problem of statehood in multinational language communities, based on the policy toward the national language. Describes the contradictions related to emphasised at all look at the language of communication, and stresses the importance of cultural and

linguistic community. Postulated that statehood is not set declaratively, and sold together with the knowledge and acceptance of the majority of the cultural potential of all languages, operating in the State, irrespective of the nationality of its citizens .

Keywords: *language policy, the national language, the official language, languages of nationalities, regional language.*

УДК 81'42

В. А. Новоселова

Петрозаводский государственный университет

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СРАВНЕНИЯ С СУБЪЕКТНЫМ КОМПАРАТОМ ЧЕРТ: СЕМАНТИКА И ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Исследование выполнено в русле лингвофольклористики - филологической науки, которая изучает язык русского фольклора в его отношении к жанру. Интерес к устнопоэтической речи как предмету лингвистического изучения закономерен, так как в фольклоре отражены духовная культура народа, его верования, традиции, мировоззрение. Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью в лингво-культурологической литературе вопроса о языковой репрезентации образа мира, запечатленного в русских народных сравнениях. Цель представленного исследования – рассмотреть семантику и логико-грамматическую структуру русских народных сравнений с субъектным (ядерным) компаратом *черт*. В своей работе мы опирались на теоретические положения В. М. Огольцева, который проанализировал взаимоотношения элементов устойчивой компаративной конструкции и пришел к выводу о логической основе ее структуры. Материалом для анализа послужили словарные статьи «Большого словаря русских народных сравнений» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2008).

Ключевые слова: *устойчивое сравнение, компаративная структура, субъектный (ядерный) компарат, одноэлементная и двухэлементная конструкция, сопроводительное слово, компаративное фразеосочетание, факультативный компонент.*

Энциклопедия «Русские язык» определяет сравнение как «стилистический прием, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления» [14, 327]. Традиционно компаративные структуры рассматриваются в двух аспектах – литературоведческом и лингвистическом. Эта языковая единица является одной из самых широкоупотребительных выразительных средств в металогической речи наряду с метафорой и метонимией и репрезентируется посредством словоформы, словосочетания, сравнительного оборота, самостоятельного и придаточного предложения.

Как известно, вопрос о сравнении как лингвистической единице имеет давнюю традицию изучения. В настоящее время наблюдаются новые подходы к исследованию компаративных конструкций – функциональный и антропоцентрический [2; 3; 4]. согласно которым компаратив рассматривается как отражение результата когнитивной деятельности субъекта и представляет собой реализацию сравнительной модели – четырехкомпонентной структуры, включающей в себя объект сравнения, эталон сравнения, общий признак сравнения и показатель сравнительного отношения.

Особый интерес вызывают устойчивые народные сравнения, исследование которых в русле лингвокультурологической парадигмы позволяет увидеть особенности

духовной культуры русского народа, его мировоззрение, представить жизнь и быт древнего человека, религиозные понятия и нормы которого были сопряжены с материальным миром: строительством дома, изготовлением домашней утвари, оружия, одежды, украшений, Художественная роспись, прядение, ткачество, вышивка – все было связано с духовной культурой человека [15, 283-328].

Лингвистическое изучение русских народных сравнений как особых логико-грамматических структур активизируется в 70-80 годах XX века. Появляются работы В. М. Огольцева [11], Л. А. Лебедевой [5], В. М. Мокиенко [7], в которых устойчивые сравнительные конструкции рассматриваются в системе фразеологии. Отличительной чертой этих единиц, отграничивающей их от свободных, индивидуально-авторских конструкций, является традиционность образной структуры, которая проявляется в стабильности лексического состава, в несвободном характере сочетаемости компонентов. Устойчивость, воспроизводимость, закреплённость формы и содержания – признаки, позволяющие включить компаративы в раздел фразеологии.

В научный обиход вошел новый термин, называющий устойчивые народные сравнения компаративными фразеосочетаниями [16].

В начале XXI века вышли в свет словари русских народных сравнений В. М. Огольцева [12], Л. А. Лебедевой [6], В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [8], материалы которых привлекли внимание исследователей [4; 9; 10]. В. М. Мокиенко включил в свое издание значительную часть народных сравнений, кодифицированных во фразеологических словарях, сборниках пословиц и поговорок, диалектных словарях. С выходом в свет «Большого словаря русских народных сравнений», содержащего более сорока пяти тысяч компаративов, появилась возможность рассмотреть их семантику и логико-грамматическую структуру.

Анализируя взаимоотношения элементов сравнения, В. М. Огольцев приходит к выводу, что структура сравнений имеет определенную логическую основу. По В. М. Огольцеву, устойчивое сравнение представляет собой «сложное единство значимых элементов, их особую организацию, т. е. модель или структуру» [11, 8]. Объектный (первый) компарат сравнительного фразеосочетания является переменной величиной и характеризуется исследователем как сопроводительный: *кричать (орать, шуметь, ухать, хохотать) как леший*. Он может быть выражен эксплицитно и имплицитно. Субъектный (второй) компарат является обязательным: *как домовый, как леший, как черт, как бес*. Такие языковые единицы. Огольцев называет однокомпонентными. В воспроизводимой компаративной структуре может быть словесно выраженный базовый признак сравнения: *страшный как черт, лохматый как леший, хитрый как бес*. Компаративные отношения между объектом и субъектом предполагают факт сопоставления и признак, положенный в основание сравнения. Средствами, указывающими на факт сопоставления, являются сравнительные союзы или падежные формы имени, выражающие второй элемент (ядерный) [11, 80]. Двухэлементные структуры представляют собой семантически и синтаксически неразложимые конструкции (*смотреть чертом*).

В контексте актуальных исследований находится тема «Мифологические персонажи в отражении русских народных сравнений» [10], в рамках которой в данной статье рассматриваются фразеологические конструкции с ядерным компаратом *черт*.

По данным «Большого словаря русских народных сравнений» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, это самая большая группа устойчивых компаративов в ряду структур с мифологическим значением – 260 единиц (с. 741-746), тогда как сравнений со словом *бес*, например, насчитывается 79 (с. 45-47), а со словом *леший* – 21 (с. 345-346).

Факт приоритетного употребления сравнений с субъектным компаратом *черт* объясняется особым статусом среди низших духов этого зооморфного существа, покрытого черной шерстью, с рогами и копытами, длинным хвостом и свиноподобным рылом. Не имея постоянной среды обитания, как леший, баенник или домовый, он мог неожиданно появиться в любом месте: в доме, во дворе, на улице, в поле и в лесу, на перекрестках дорог, даже в церкви от полуночи до первого крика петуха - и предстать в облике кота, птицы, человека или какого-либо неодушевленного предмета. Люди боялись злого духа, способного их обмануть, соблазнить обещаниями, выторговывая душу, принести несчастье [1, 496-497]. Если домовый и даже леший может быть благодетелем и дружить с человеком, то черту это не присуще, он всегда несет в себе зло [13]. Древние люди считали, что черт обладает безграничными возможностями погубить даже осмотрительного и осторожного человека, поскольку ему свойственны такие качества, как хитрость, жадность, страсть к азартным играм, жульничество, пьянство и разгульный образ жизни. Несмотря на то, что славяне избегали произносить слово *черт* и старались заменить его другими номинациями (лукавый, рогатый, хвостатый, нечистый, шишига), оно часто встречается в языке фольклора: волшебных и бытовых сказках, быличках, пословицах и поговорках, русских народных сравнениях.

Фразеосочетания субъектным компаратом *черт* отличаются богатством семантики и репрезентируются в различных логико-грамматических конструкциях.

1. ***Бегать от дому как черт от грому.***

Это фразеосочетание с иронической коннотацией характеризует человека, редко бывающего дома, избегающего домашних дел, хлопот.

Основанием для сравнения является значение *скрыться, спрятаться*. Между компаратами обстоятельственно – характеризующие отношения: бегать как? – *как черт от грому*. Объектный (первый) компарат - сопроводительное слово *бегать*. Структура одноэлементная: субъектный компарат представлен существительным в именительном падеже (*черт*). Показателем грамматических отношений является союз *как*. Здесь два факультативных уточняющих компонента - *от дому, от грому*.

2. ***Большой как черт.***

Так говорят о каком-либо чрезмерно большом предмете (одушевленном и неодушевленном).

В качестве субъектного компарата выступает сопроводительное слово, обозначающее признак сравнения – *большой*. Отношения между компаратами обстоятельственно – характеризующие: *большой насколько? в какой степени?* - *как черт*. Структура одноэлементная: ядерный компарат представлен именем существительным в именительном падеже. Показателем грамматических отношений является союз *как*.

Сходными по логико-грамматической структуре и базовому значению признака, имеющего высшую степень качества, являются также сравнительные обороты *быстрый как черт, голодный как черт, грешный как черт, грязный как черт, злой как черт, здоровый как черт, нахальный как черт, пьяный как черт, хохлатый как черт, хитрый как черт*. В качестве переменных слов-сопроводителей выступают имена прилагательные *быстрый, голодный, грешный, грязный, злой, здоровый, нахальный, хитрый, пьяный*.

Фразеосочетания подобного типа могут иметь факультативные элементы с уточняющей и конкретизирующей семантики: *грязный как черт в аду; грязный как черт из омота; злой как черт, которому прижали хвост; хитрый как панский черт*.

3. ***Бояться как черт креста.***

Этот оборот с неодобрительной коннотацией имеет значение *испытывать очень сильный страх*.

Отношения между компаратами – обстоятельственно – характеризующие: *бояться как? – как черт креста*. Сопроводительным переменным компонентом является слово *бояться*. Структура одноэлементная: субъектный компарат представлен существительным в именительном падеже. Реализатором грамматических отношений выступает союз *как*. Факультативный уточняющий компонент - *креста*.

Тожественными по семантике и структуре являются фразеосочетания *бояться как черт ладана, бояться как черт попа*.

4. **Бродить што черт по болоту.**

Фразеосочетание имеет ироничный оттенок и используется для характеристики человека, который бесцельно ходит, не придерживаясь какого-либо направления, случайным образом выбирая путь.

Отношения между компонентами обстоятельственно – характеризующие: *бродить как? каким образом? – што черт по болоту* (бесцельно). Сопроводительным словом является глагол *бродить*. Структура одноэлементная: субъектный компарат представлен именем существительным в именительном падеже. Показателем грамматических отношений выступает союз *што (что)*. Факультативным компонентом, уточняющим место действия, выступает словоформа *по болоту*.

5. **Вертеть как черт в омуте.**

Базовый признак сравнения имеет неодобрительную коннотацию – *устрашающе шуметь, сильно бушевать, действовать с позиции силы, с агрессивной напористостью*.

Отношения между компаратами – обстоятельственно – характеризующие: *вертеть как? – как черт*. Первым (объектным) компаратом является сопроводительное слово *вертеть*. Субъектный компарат представлен именем существительным в именительном падеже. Структура однокомпонентная. Показателем грамматических отношений выступает союз *как*. Факультативный компонент, уточняющий место действия, - *в омуте*.

Синонимичными по значению являются структурно-однотипные компаративы с конкретизацией места действия: *вертеть как черт в пучине, вертеть как черт в болоте*.

6. **Влюбился как черт в луковицу: ест да плачет.**

Так с шутливо-иронической коннотацией говорят о человеке, сильная любовь которого привела к несчастью, депрессии, негативным последствиям.

Базовое значение - *очень сильно, до слез*. Отношения между компаратами – обстоятельственно – характеризующие: *влюбился как? – как черт в луковицу*. Сопроводительным компонентом является глагол *влюбился*. Структура устойчивого сравнения одноэлементная: субъектный компарат представлен существительным в именительном падеже - *черт*. Показателем грамматических отношений является союз *как*. Факультативные поясняющие компоненты: *в луковицу* (уточняет объект действия) и *ест да плачет* (дополняет содержание первой части сравнения).

7. **Вид как у черта.**

Это фразеосочетание употребляется в том случае, когда речь идет о чьей-либо очень непривлекательной внешности.

Между компаратами устанавливаются атрибутивно – характеризующие отношения: *вид какой? – как у черта*. Сопроводительным переменным компонентом является имя существительное *вид*. Структура одноэлементная: воспроизводимая часть

представлена словоформой существительного *черт* в родительном падеже с предлогом *у*; грамматическое средство связи – союз *как*.

8. ***Голосок как у черта волосок.***

Так шутливо-иронически характеризуется чей-либо неприятный хриплый голос. Базовым признаком сравнения является значение *грубый, немягкий, лишенный бархатистости*. Между компаратами устанавливаются атрибутивно – характеризующие отношения: *голосок какой? – как у черта волосок*. Сопроводительным переменным компонентом является слово *голосок*. Структура одноэлементная: субъектный компарат представлен семантически неразложимым сочетанием *у черта волосок* (такой жесткий волосок не у кого-то еще, а именно у черта). Показателем грамматических отношений является союз *как*.

9. ***Добираться как до черта на кулички.***

Очень далекий путь до неизвестного конечного пункта именуется дорогой, ведущей к черту на кулички.

Отношения между компаратами – обстоятельственно – характеризующие: *добираться как далеко? – как до черта (на кулички)*. Сопроводительным переменным компонентом является глагол *добираться*. Структура одноэлементная: воспроизводимая часть представлена именем существительным *черт* в родительном падеже с предлогом *до*; средство связи – союз *как*. Факультативный уточняющий компонент *на кулички*. Согласно поверьям, *куличками* называется место в дремучем лесу, где обычно водится нечистая сила.

10. ***Как черт носит.***

Это сравнение используется для характеристики человека, который часто исчезает в неподходящий момент, и когда он нужен, его трудно найти.

В структуре сравнения эксплицитно не выражен глагол со значением быстрого перемещения, движения, который призван выполнить функцию слова-сопроводителя, являющегося переменной величиной: *бегает, пропадает, улечивается, испаряется*. Отношения между компаратами обстоятельственно – характеризующие: *(бегает) как? – как черт носит*. Структура компаратива одноэлементная. Конструкция ядерного компарата представляет собой основу двусоставного предложения. Средством грамматической связи является союз *как*.

11. ***Как черт ездил.***

Так говорят при описании очень грязного, запущенного места, помещения, где давно не производилась уборка.

В структуре сравнения грамматически не представлен первый компарат – сопроводительное слово, имплицитно выраженное предикативным наречием со значением признака: *грязно, неряшливо, неопрятно*. Отношения между компаратами обстоятельственно – характеризующие: *(грязно) как? в какой степени? – как черт ездил*. Средством связи является союз *как*. Конструкция устойчивого оборота одноэлементная, субъектный компарат представляет собой основу двусоставного предложения.

12. ***Как черт из лукошка сеял.***

Этот сравнительный оборот употребляют, когда речь идет о беспорядочном, хаотичном расположении большого количества предметов: много камней на дороге, грибов в лесу, травы на участке.

Сопроводительное имплицитное слово/словосочетание имеет количественное значение: *много, целая куча, большое количество*. Отношения между компаратами обстоятельственно – характеризующие: *(много) как много? в какой степени? – как черт сеял*. Средством связи является союз *как*. Конструкция устойчивого оборота

одноэлементная. Субъектный компарат представляет собой основу двусоставного предложения (*черт сеял*). Факультативный компонент называет емкость, из которой производился посев (*из лукошка*).

13. **Как черт с неба свалился.**

Так с иронией говорят о неожиданном и стремительном появлении кого-либо.

Сопроводительные имплицитные слова – глаголы *прилетел, примчался, появился, приехал*. Отношения между компаратами обстоятельственно – характеризующие: (появился) *как? каким образом?* – *как черт свалился*. Средством связи является союз *как*. Конструкция устойчивого оборота одноэлементная. Субъектный компарат представлен основой двусоставного предложения (*черт свалился*). Факультативный компонент *с неба* называет место, откуда появился черт.

14. **Красивее черта.**

Базовое значение устойчивого сравнения – очень некрасивый.

В этой экспрессивной компаративной конструкции объектный компонент эксплицитно не выражен, но он восполняется по смыслу. Переменной сопроводительной единицей может быть имя существительное (*человек, сосед, прохожий, начальник* и т.д.) или местоимение (он, сам). Отношения между компаратами – атрибутивно – характеризующие: (человек, он) *какой?* – *красивее черта*. Структура фразеосочетания одноэлементная. Воспроизводимая часть представлена неразложимым словосочетанием прилагательного в форме простой сравнительной степени и существительного в форме родительного падежа.

15. **Крутиться как черт на бересте.**

Крутиться как черт на бересте – выполнять нескончаемую работу, постоянно о чем-то заботиться, работать без отдыха.

Сопроводительным словом является глагол *крутиться*. Отношения между компаратами обстоятельственно – характеризующие: *крутиться как?* – *как черт*. Средство грамматической связи – союз *как*. Структура одноэлементная; субъектный компарат представлен именем существительным *черт*. В качестве факультативного элемента выступает словоформа *на бересте*, уточняющая место действия.

16. **Носиться как черт на колесе.**

Носиться как черт на колесе – быстро бегать, ходить быстрым шагом. Фразеосочетание имеет шутливо-ироническую коннотацию.

Сопроводительным словом является глагол *носиться*. Отношения между компаратами обстоятельственно-характеризующие: *носиться как?* – *как черт*. Средство грамматической связи – союз *как*. Структура одноэлементная; субъектный компарат выражен именем существительным *черт*. В качестве факультативного элемента выступает словоформа *на колесе*, усиливающая экспрессию.

Тожественную семантику и логико-грамматическую структуру имеет также фразеологический компаратив *носиться как черт на ходулях*.

17. **Носиться как черт с писаной торбой.**

Так с иронией говорят о человеке, который суетится и производит много шума без особых оснований для этого или проявляет излишнюю заботу о ком-либо.

Сопроводительным словом является глагол *носиться*. Отношения между компаратами обстоятельственно-характеризующие: *носиться как?* – *как черт*. Показатель грамматической связи – союз *как*. Структура одноэлементная; субъектным компаратом является имя существительное *черт*. В качестве факультативного элемента выступает устойчивое словосочетание *с писаной торбой*, дополняющее смысловое содержание сравнительного оборота и усиливающее экспрессию.

18. **Появиться как черт из коробочки.**

Появиться как черт из коробочки – неожиданно и быстро появиться.

Функцию слова-сопроводителя выполняет глагол *появиться*. Отношения между первым и вторым элементом структуры фразеосочетания обстоятельственно-характеризующие: *появиться как?* – *как черт*. Показатель грамматической связи - союз *как*. Структура одноэлементная; субъектным компаратом является имя существительное *черт*. В качестве факультативного элемента выступает словоформа имени существительного в родительном падеже с предлогом со значением места (*из коробочки*).

Тождественными по семантике и логико-грамматической структуре являются такие сравнительные обороты, как *появиться как черт из табакерки, появиться как черт из шкатулки, выскакивать как черт из коробки (шкатулки, табакерки)*.

19. *Ходить чертом.*

Так говорят о неряшливом, грязном, лохматом человеке

Объектным компаратом является глагол *ходить*, который связан с субъектным элементом логико-грамматической структуры обстоятельственно-характеризующими отношениями: *ходить как?* – *чертом*. Связь между первым и вторым компонентом бессоюзная, реализуется словоформой имени существительного в творительном падеже (*чертом*). Фразеосочетание представляет собой целостную семантико-структурную единицу и рассматривается как двухэлементное.

Тождественные конструкции: *смотреть чертом* (агрессивно, со злобой, раздражением), *выскакить чертом* (неожиданно и быстро), *пахнуть чертом* (неприятно), *скакать чертом* (энергично, нелепо подпрыгивать).

Таким образом, можно сделать вывод, что выразительные возможности устойчивой сравнительной конструкции заложены в ее компонентном составе: объекте сравнения, субъекте сравнения, общем базовом признаке и реализаторе грамматических отношений.

Исследование компаративов с ядерным словом *черт* показывает, что эти языковые единицы отличаются богатством семантики и репрезентируются в различных логико-грамматических конструкциях:

- 1) фразеосочетаниях с эксплицитно и имплицитно выраженным сопроводительным словом (объектный компарат), являющимся переменной частью компаратива;
- 2) одноэлементных и двухэлементных (целостных) структурах;
- 3) с наличием и отсутствием факультативного компонента в субъектном компарате;
- 4) с обстоятельственно-характеризующими и атрибутивно-характеризующими синтаксическими отношениями между первым и вторым компаратом;
- 5) с наличием и отсутствием сравнительного союза как показателя (реализатора) грамматической связи между компонентами сравнительной конструкции;
- 6) с однословным и распространенным субъектным компаратом.

Как правило, образные русские сравнения имеют шутливо-ироническую коннотацию. С помощью фразеосочетаний с субъектным компаратом *черт* можно описать портрет человека, охарактеризовать его личностные качества, культуру общения, выразить свое отношение к факту действительности.

Русские народные сравнения в образной форме выражают национальную специфику и мировоззрение славян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беловинский Л. В. Российский историко-бытовой словарь / Л. В. Беловинский. – М.: Студия ТРИТЭ – «Российский Архив», 1999. – 528 с.
2. Девятова Н. М. . Сравнение в динамической системе языка / Н. М. Девятова. – М.: Кн.дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.
3. Кравец О. В. Микрополе сходства (реальное сравнение) функционально-семантического поля компаративности в современном русском языке / О. В. Кравец // Речевая деятельность. Текст: Межвуз. сб. научн. тр. - Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2002. – С. 100-105.
4. Крылова М. Н. Сочетание функционально-семантического и лингвокультурологического анализа при исследовании современного русского сравнения / М. Н. Крылова // Инновации и традиции науки и образования: Материалы II Всероссийской научно-методической конференции: Часть 2 / под ред. С. В. Лесникова. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2011. – С. 277-286.
5. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.01 – русский язык / Лебедева Людмила Алексеевна - Краснодар, Кубанский госуниверситет, 1999. – 34 с.
6. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь / Л. А. Лебедева. – М.: Флинта, 2015. – 316 с.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
8. Мокиенко В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. - М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». – 2008. – 800 с.
9. Новоселова В. А. Речевая культура в отражении русских народных сравнений / В. А. Новоселова // Язык и поэтика русского фольклора : к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: сборник докладов международной научной конференции / отв. ред. Н. В. Патроева. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – 170 с. – С. 81-83.
10. Новоселова В. А. Русские народные сравнения с лексическими компаратами «духи леса и воды» / В. А. Новоселова, Н. В. Тола. // Актуальные вопросы развития государства и общества: материалы I Заочной межрегиональной научно-практической конференции. - Петрозаводск, Изд. КНЦ РАН, 2014. – 356 с. – С. 291-315.
11. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 159 с.
12. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимомантономический) / В. М. Огольцев. – М.: ООО «Русские словари»; «ООО Астрель»; ООО АСТ, 2001. – 800 с.
13. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре Э. В. Померанцева. — М.: Наука, 1975. – 194 с.
14. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
15. Семенова М. В. Мы – славяне! Популярная энциклопедия / М. В. Семенова. – СПб.: Изд. Дом «Азбука-классика», 2010. – 560 с.
16. Шевякова Т. В. Компаративные фразеосочетания в языковой картине мира XVIII века / Т. В. Шевякова // Мир языка: материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 2002. – С. 284-288.

RUSSIAN FOLK COMPARISONS WITH SUBJECTIVE COMPARATOR HELL: SEMANTICS AND LOGICAL-GRAMMATICAL STRUCTURE

The research is carried out in the line of linguo-folk-lore - philological science, which studies the language of Russian folklore in its relation to the genre. Interest in oral and poetic speech as a subject of linguistic study is natural, as folklore reflects the spiritual culture of the people, their beliefs, traditions and worldview. The relevance of the topic due to lack of study in linguo-culturological literature the question of language representation of an image of the world depicted in the Russian folk comparisons, the Aim of this study is to examine the semantics and the logical-grammatical structure of Russian folk comparisons with the subject (nuclear) comparator hell. In our work we relied on the theoretical provisions of V. M. Ogoltsev, who analyzed the relationship between the elements of a stable comparative structure and came to the conclusion about the logical basis of its structure. The material for the analysis was the dictionary entries of the "Great dictionary of Russian folk comparisons" by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina (2008).

Key words: robust comparison of comparative structure of the subject (nuclear) comparat, the singleton and two-element design, accompanying the word, comparative proteobacteria, the optional component.

УДК 81. 161. 1' 367

Н.В. Патроева

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

К ВОПРОСУ О НЕРЕШЕННЫХ ЗАДАЧАХ ИСТОРИКО- ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ²

Автор статьи излагает спорные и недостаточно полно и подробно пока описанные в научной литературе по историческому синтаксису русского литературного языка проблемы эволюции конструкций, осложняющих элементарную модель предложения – обособленных оборотов, вводных, вставных и присоединительных синтагм, сегментированных построений. Выявляются факторы и причины активизации подобных конструкций и основные тенденции формирования осложненного предложения в русском литературном языке XVIII – XIX в.

Ключевые слова: исторический синтаксис русского языка, обособленные обороты, вводные конструкции, парантеза, присоединение.

За свою трехвековую историю русистика накопила большой объем сведений об эволюции синтаксической системы русского языка древней, старшей и новой поры. Достаточно подробно описаны процессы формирования различных типов русского предложения, изменения в морфологии и порядке расположения членов предложения, постепенная дифференциация и расширение синтаксических значений падежей и др. явления. Однако имеющиеся данные не позволяют пока, к сожалению, представить целостную и сколько-нибудь детальную картину непрерывного поступательного движения русского грамматического строя от синтетического к аналитико-

---

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

синтетическому типу, содержательного и формального обогащения системы синтаксических категорий, накопления и, напротив, постепенной архаизации и отмирания каких-либо конструктивных особенностей организации предложения, определить хронологические рамки тех или иных синтаксических процессов и инноваций. Не удастся пока сделать и широкие теоретические обобщения, касающиеся тенденций, направлений и темпов синтаксической эволюции, помимо очень общих заключений о переходе от древнего паратаксиса к гипотаксису, о нарастании явлений аналитизма и даже грамматической изоляции в направлении к новейшей эпохе языкового развития. Не случайно в специальных исследованиях по историческому синтаксису, довольно редких в последние годы, характеризующиеся модой на когнитивные и коммуникативно-прагматические описания грамматики в сугубо синхронных рамках, предпринимаются попытки ответить на вопросы: «... чем отличается синтаксис национального периода в истории русского языка от синтаксиса древнерусского языка? В какой мере правомерно или неправомерно говорить о грамматических категориях, разделяющих русский синтаксис, например, XVI-XVII и XI-XII вв.? Или это одно целое?» [13, с.3]. Для решения поставленных проблем грамматической реконструкции, очевидно, необходимо скрупулезное и максимально полное описание синтаксиса не только наиболее известных, но и всех сохранившихся памятников древней и старшей поры.

В обобщающих трудах по истории простого и сложного предложения в русском языке, как правило, отсутствует или же представлен очень скупо (см., например: [1], [12, с. 125-126]) раздел, посвященный конструкциям, осложняющим элементарную модель, - обособленным оборотам, вводным и вставным компонентам, сегментированным, пояснительным и присоединительным конструкциям. В имеющихся же редких опытах описания истории отдельных видов осложняющих конструкций наблюдаются очевидные разногласия, например, при характеристике эволюции обособленных синтагм. Так, одни языковеды уверенно заявляют, что осложнение структуры простого предложения причастными оборотами наблюдалось уже в ранний период развития древнерусской письменности, однако вплоть до конца 17 в. причастные обороты употреблялись ограниченно (см. [6, с. 80-94]). Однако, согласно иным исследованиям, препозиция согласованного атрибута оказывается почти в равном соотношении с его постпозицией (см. [11, с. 61-79]), так что строго обязательных и устоявшихся правил расположения определения по отношению к определяемому слову в древнерусский период в языке выработано не было. Соответственно считать постпозитивное употребление атрибута доказательством существования полупредикативных отношений в структуре древнерусского предложения, очень постепенно преодолевающего паратаксическую инерцию и еще только начинающего продвигаться в направлении углубления гипотаксического строя, нет достаточных оснований. Деепричастные обороты – тоже феномен, возникший в системе русского языка уже не древней, а старшей поры в связи с довольно поздним происхождением этого типа вербоидов из утративших способность склоняться кратких действительных причастий. В отношении адъективных полупредикативных групп некоторые научные источники содержат красноречивые признания, что «мы не располагаем данными о том периоде истории языка, когда возникает употребление прилагательных с зависимыми словами в полупредикативной функции» [4, с. 236]. Согласно же данным иных работ, в памятниках старшего периода (XV-XVII вв.) вплоть до конца XVIII столетия «полупредикативное функционирование прилагательных, как полных, так и кратких, наблюдалось относительно редко» [4, с. 427]; см. также [3, с. 46-50]. Редкие случаи распространенных по структуре приложений отмечены исследователями в древне- и

старорусских текстах [12, с. 123], однако, как и другие типы аппозитивных (полупредикативных) оборотов, субстантивные группы активизируются в синтаксическом строе русского языка только в середине – первой половине 19 в., когда начинает особенно ярко проявляться тенденция к углублению гипотаксической иерархии в структуре русского предложения, а также под влиянием целого ряда стилистических и экстралингвистических факторов (влияние латино-немецких и французских грамматических образцов, потребности новой художественной прозы и поэзии).

Синтаксическая категория вводности – также результат длительного развития языка, который демонстрирует «явную тенденцию к модально-прагматическому усложнению языкового знака, такого, как высказывание, тенденцию к обогащению содержащейся в нем семантико-прагматической информации» [9]. Первые случаи употребления субъективно-модальных элементов обнаружены в древнерусских источниках, датированных не ранее XV в. [2], [5], [14]. На протяжении XVI-XVIII ст. постепенно расширяется круг семантических разрядов вводных единиц, увеличивается их доля в текстах донационального периода. Но только к концу XVIII – началу XIX в. частотность использования вводных конструкций резко возрастает, качественно и количественно обогащая категорию субъективной модальности, выкристаллизовавшуюся в строе русского литературного языка, что обусловлено прежде всего усилением элементов аналитизма русской грамматике, все более ярко и отчетливо проявляющимся в ослаблении связности компонентов внутри линейной цепочки словоформ, в тенденции к синтаксической изоляции. Еще один фактор, детерминирующий активизацию субъективно-модальных элементов – усиление и усложнение личностного компонента в структуре высказывания и – шире – в процессе развития человеческого сознания, обозначившийся впервые столь отчетливо в Новое время отказ индивида от власти родового и государственного начала, от общепринятых суждений и освященных традицией стереотипов, осознание собственной свободы и неповторимости, исключительности на фоне «чужого» Я. Сравнительно поздно, уже в национальный период развития русского литературного языка, активизируются, по преимуществу в рамках художественно-публицистической сферы (см. подробнее [10, с. 167-174, 203-232, 262-274]), такие проникавшие постепенно в книжно-письменную сферу из устно-разговорной стихии конструкции в соответствии с общей тенденцией к демократизации литературного дискурса и под очевидным влиянием французского языка, как вставные, присоединительные, сегментированные. Рост элементов аналитизма в русской грамматике XVIII – XIX в. совершается в период, когда развитие гипотаксического строя, параллельно с начавшимся процессом формирования отличающихся от традиционного сочинения и подчинения связей и отношений, достигает своего апогея, что обуславливает также качественный и количественный рост различных видов предложных и союзных конструкций, осложняющих модель предложения (см. подробнее [8], [10], [15]).

Таким образом, формирование в языке целого ряда усложнителей элементарной структуры предложения (линейной цепочки компонентов) стало возможным в результате сложения нескольких причинных факторов как внутри-, так и внелингвистического характера:

- окончательное складывание гипотаксического строя, то есть иерархически упорядоченной, с достаточно строгими нормами словорасположения модели, русского предложения, победа над паратаксической, децентрализованной, лишенной глубинной синтаксической логики и рыхлой структурой, что предоставляло больше возможностей для проникновения в стройную иерархию главных и второстепенных членов

различного рода «перебивов», парантез, попутных присоединений, парцеллятов, сегментов, разрывающих эту стройность линейной зависимости;

- развитие на морфологическом и синтаксическом уровнях системы аналитических средств;

- постепенное увеличение семантико-коммуникативной нагруженности высказывания, содействовавшее формированию компонентов модально-прагматически окрашенных, диалогизирующих монологический дискурс, отсылающих к функционально значимым фигурам отправителя и получателя текста, оптимизирующих процесс кодирования и дешифровки информации коммуникантами (поскольку всякая интонационно и пунктуационно выделенная и при этом структурно факультативная синтагма обращает на себя максимум внимания адресата в соответствии с интенцией субъекта речи);

- влияние грамматических систем западноевропейских языков (преимущественно латино-немецких образцов в классицистическую эпоху и французского синтаксиса в конце XVIII – начале XIX в.);

- формирование пунктуационных норм, обогащение системы знаков препинания за счет тире и скобок, расширение функций других графем – запятой, точки, многоточия и др.), что позволило уточнить и сделать многоуровневым структурно-семантическое и интонационное членение осложненного предложения в письменнопечатном тексте;

- стилистические факторы (культивирование синтаксически усложненного «высокого штиля» в ломоносовскую эпоху предопределило активизацию различных типов обособленных оборотов; через «низкие» классицистические жанры проникали живые явления устной разговорной речи – присоединение, парцелляция, вводные и вставные конструкции, сегментация и т.п.; дальнейшая демократизация синтаксиса совершалась под пером сентименталистов и романтиков, ориентировавшихся на создание прежде всего «среднего» стиля);

- социально-антропологический фактор (рост личностного самосознания, сознание индивидом собственной исключительности на фоне традиционного или «чужого» взгляда на мир, стремление к отражению неповторимого «образа мира» путем введения в текст субъективно-модальных и эмоционально-оценочных средств).

Развитие усложняющих конструкций в системе русского литературного языка обусловило ряд важных и взаимосвязанных с причинами появления усложнителей модели следствий, изменивших прежнюю синтаксическую систему в сопоставлении с грамматическим строем древне- и старорусским периодам:

- углубление предикативной иерархии и уточнение синтаксических зависимостей, количественный и качественный рост грамматических связей и отношений;

- усложнение синтаксической семантики и прагматики, усиление роли синтаксической метафоризации (в результате активизации процессов грамматикализации, переосмысления морфолого-синтаксического статуса слов и словоформ);

- обогащение морфологического яруса языка новыми частями речи (классом, названным В. В. Виноградовым «модальными словами»), новыми функциями и значениями известных уже языку частей речи (например, появление способности к полупредикативному функционированию у причастий, деепричастий, имен существительных и прилагательных, наречий, инфинитива; расширение

функционального спектра именительного падежа значениями звательным, «темы» («представления»), аппозиции, присоединения³;

- усложнение графической (пунктуационной) системы литературного языка;
- углубление личностного начала в построении дискурса, пополнение и оттачивание средств авторизации и диалогизации высказывания, арсенала способов и приемов внутритекстовой когезии, средств интонационного выделения синтаксических позиций.

Диахроническое, а также сравнительно-сопоставительное исследование синтаксиса в аспекте зарождения и становления целой системы компонентов, отличающихся от паратаксически или гипотаксически линейно закрепленных членов предложения, - дело будущего. Задача данной статьи заключалась лишь в освещении некоторых общих тенденций развития т.н. «осложненного» предложения в грамматическом строе русского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л. А. Булаховский. – 3-е изд., испр. и доп. – Киев: Радянська шк., 1950. – 411 с.
2. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.) / С. С. Ваулина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 143 с.
3. Газизова Р. Ф. Полупредикативная функция адъективного оборота в русском языке XV—XVII вв. / Р. Ф. Газизова // Синтаксис и интонация: сб. ст. / Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 1973. – Вып. 1. – С. 46—50.
4. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века: очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. – М.: Наука, 1964. – 304 с.
5. Ицкович В. А. История вводных слов и предложений в русском языке / В. А. Ицкович. – Львов: Изд-во Львовского гос. ун-та, 1959. – 19 с.
6. Коротаяева Э. И. К истории русских причастных оборотов / Э. И. Коротаяева // Учен. зап. / ЛГУ. – Л., 1963. – Т. 322. – С. 80—94.
7. Красухин К. Г. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса / К. Г. Красухин. – М.: Наука, 2005. – 248 с.
8. Маркелова Г. В. Развитие средств авторизации в синтаксической системе русского языка: история пояснительных конструкций: семантический и функциональный аспекты / Г. В. Маркелова. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1994. – 84 с.
9. Милосердова Е. В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения в современном немецком языке). / Е. В. Милосердова. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. – 196 с.
10. Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. / Н. В. Патроева. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. – 334 с.

³ Попутно отметим, что активность именно номинативных (не только синхронически, но и диахронически, например, при образовании модально-вводных элементов или деепричастий) форм в структуре осложняющих синтагм разных типов: обращений, присоединений, сегментов, пояснений, парантез, сравнительных оборотов и др. – ярко демонстрирует отмеченную еще Р. О. Якобсоном немаркированность, беспризнаковость именительного падежа [16]. Ср. с мнением К. Г. Красухина: «... главное значение номинатива можно охарактеризовать как обособление. Номинатив – падеж члена предложения, не находящегося в зависимости ни от чего. Это – доминантное (базовое) значение, на основании которого развивается более частное – падеж субъекта или обособленный падеж» [7, с. 32].

11. Сравнительно-исторический синтаксис восточно-славянских языков: Члены предложения / под ред. В. И. Борковского. М.: Наука, 1968. – 300 с.
12. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1977. – 352 с.
13. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. – 207 с.
14. Черепанова О. А. Формирование лексико-грамматического класса модальных слов в русском языке XI—XVII вв. / О. А. Черепанова // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. – Л., 1964. – Вып. 3. № 14. – С. 126—133.
15. Широкова Н. А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения / Н. А. Широкова. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1966. – 184 с.
16. Якобсон Р. О. К Общему учению о падеже // Якобсон Р. О. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1985 – 460 с.

N. V. Patroeva

ON THE QUESTION OF UNSOLVED PROBLEMS OF HISTORICAL GRAMMAR SCIENCE

Annotation. The author of the article describes the problems of the evolution of constructions that are complicated in the scientific literature on the historical syntax of the Russian literary language, and which complicate the elementary model of the sentence - unattached phrases, introductory, inserted and connecting syntagmas, segmented constructions. Factors and reasons for the activation of such structures and the main trends in the formation of a complicated sentence in the Russian literary language of the XVIII - XIX centuries are identified.

Key words: historical syntax of the Russian language, unattached phrases, introductory constructions, paranthesis, accession.

*Т.Р.Писарская,
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики, Санкт-Петербург
Н.Е. Якименко,
Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург*

ОТРАЖЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПАРАМЕТРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ПАРЕМИЙ, СРАВНЕНИЙ, ПЕРИФРАЗ) В УЧЕБНЫХ СЛОВАРЯХ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Данная работа проводится в рамках лингвокультурологического направления лингвистических исследований. Лингвокультурология признаётся сегодня одним из наиболее актуальных направлений языкознания. Данная наука изучает непрерывную и непосредственную связь между языком и культурой. Основным материалом для изучения культуры через язык признаны устойчивые единицы различного типа, такие

как паремии, фразеологические сравнения и перифразы. Аксиологический параметр в описании фразеологии является одним из основных инструментов лингвокультурологического анализа и фразеографического описания устойчивых единиц в учебных целях.

Ключевые слова: аксиологический параметр, пословица, фразеологическое сравнение, перифраза.

Проблема описания аксиологической картины мира являлась предметом исследования в работах таких ученых как: А.В. Кирьякова (1996), Т.Г. Бочина (2013), Е.В. Ничипорчик (2014), О.Н. Самусенко, М.В. Шевченко (2014). Ученые приходят к выводу о том, что регулятивная функция паремий и является той функцией, на которую нацелена объективация социальных установок, оценка в паремиях функционально направлена на формирование мотивов, на регулирование поведения человека. Таким образом, неточное понимание аксиологического параметра значения устойчивых единиц может привести к коммуникативным сбоям.

Считается, что термин *аксиология* ввел в 1902 году в научный обиход французский ученый П. Лапи. Аксиология как определенное направление в философии сформировалось в середине прошлого XX столетия в трудах американских и европейских философов - Н. Гартмана, С. Пеппера, М. Шелера и др. В конце XX века данный термин стал использоваться в социологии, педагогике, когнитивистике и лингвокультурологии [10].

Актуальность темы заключается в недостаточной изученности изменения аксиологического вектора фразеологизмов в зависимости от изменения общественного сознания в ходе исторического развития общества. В период радикальных изменений в социуме резко обостряются противоречия смены приоритетов прошлого, настоящего и будущего. Переоценка ценностей, изменение их иерархической системы, утверждение общечеловеческих ценностей, эволюция взглядов находят своё отражение в языке, сохраняясь, прежде всего, в его фразеологии. Источниками исследования послужил «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой, содержащий около 70 000 пословиц [7].

Основной составляющей аксиологии является понятие *ценность*: корень *аксиа*, *аксиос* (от греч. *axia* — ценность и *logos* — учение, понятие), т.е. аксиология – учение о ценностях [<https://yandex.ru>]. Изучение ценностных явлений и их семантических значений на материале паремий связано с аксиологическим аспектом когнитивистики, в котором аксиологичность и оценочность видятся как лингвистические категории.

В трудах Л.К. Байрамовой выделено десять конвенциональных, т.е. соответствующих установившимся традициям, ценностей и десять конвенциональных антиценностей: жизнь – смерть; здоровье – болезнь; родина – чужбина; счастье – несчастье; труд – безработица/лень/отдых; богатство – бедность; ум – глупость; правда – ложь; смех и плач; рай – ад [2, с.301]. Целью лингвистических аксиологических исследований является реконструкция системы ценностей, которая включает в себя «все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений, <...> может оцениваться в плане добра и зла, истины и не истины, красоты и безобразия, допустимого или запретного, справедливого и несправедливого» [4, с.31]. Существуют различные формы вербализации категории ценности, но наиболее ярко она представлена в паремиологической системе языка.

Оценки, закреплённые в языке в пословицах и поговорках, прошедшие проверку временем, отражают мировоззрение народа, говорящего на данном языке. Пословицы демонстрируют ценности и антиценности, амбивалентность в отражении ценностной

картины мира. Многие исследователи рассматривают ценность как стержневой компонент паремии (Мокиенко В.М., Савенкова Л.Б., Селиверстова Е.И., Ничипорчик Е.В., Бочина Т.Г.). Критерием для отбора паремийного материала стал формально-семантический признак: наличие эксплицитно или имплицитно выраженной оценки в составе паремии.

Одна и та же паремийная единица может приобретать в разные времена развития общества как положительный аксиологический вектор, так и отрицательный. Примером могут служить единицы, репрезентирующие христианскую культуру и религию: *Винovat да повинен – Богу не противен; Наказал Бог народ: послал воевод; Кто потеет на ниве, да молится Богу в клети, тот не пропадёт; Пчела трудится – для Бога свеча пригодится.*

Смена коллективных убеждений после 1917 года изменила аксиологический вектор этих единиц с положительного на отрицательный, изменения в российской истории после 1991 года возвращают этим паремийным единицам положительную аксиологическую окраску.

Первой попыткой создания учебного словаря паремий с учетом аксиологической ценности как основы формирования коннотативной оценки стал концепт «Семья» [1]. Данный концепт вербализуется в русском языке более чем 1500 паремиями, что свидетельствует о том, что он относится к числу значимых и долговечных в сознании и культуре человека. Кроме того, в данном концепте представлены практически все конвенциональные ценности и антиценности: семья объединяет понятия Родина - чужбина, жизнь и смерть, здоровье и болезнь, труд и лень, богатство и бедность, рай и ад. Под тематическим рубрикаторм ХОРОШАЯ СЕМЬЯ (в рубрикаторе заложена положительная коннотация) в словарной статье будут даны такие понятия как *лад, дружба, согласие*. В качестве иллюстративного материала приводятся пословицы и поговорки, содержащие данные ценности: *Где мир да лад, там и божья благодать; Где любовь да совет, там и рай, там и свет; Семья крепка ладом; Мир да лад – большой клад; В семье любовь да совет, так и нужды нет; Семья – печка: как холодно – все к ней собираются.*

В паремиях, репрезентирующих такие антиценности как разлад, ссоры, раздоры, актуализируется представление о плохой семье в русской языковой картине мира. Плохая семья ассоциируется с антиценностями, реализуя установки культуры: «плохая семья – это отсутствие любви и уважения, это разлад», «плохая семья – это ад на земле, это смерть». Такая семья представлена следующими паремиями: *В семье разлад, так и дому не рад; Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а ссоры да споры там только лишь вздоры.*

Аксиологический вектор паремий может быть устойчиво положительным и устойчиво отрицательным, тем самым вербализуя описание ценностных картин мира, сложившихся исторически. На эту особенность обратила внимание китайская исследовательница Ли Вэньжуй при описании пословиц с компонентом *борода*. С одной стороны - *борода* была в паремиях атрибутом Бога и святых угодников: *Борода – образ и подобие Божие; Без бороды и в рай не пустят; Без бороды и в рай не ходи; Брить бороду – портить образ Христов; Бороды, усов лишиться – что души решиться; Борода дороже головы.* С другой стороны, *борода* стала поводом для насмешек: *Борода – трава: скосить можно; Борода не в честь: она и у козла есть; Борода росла, а ума не вынесла; Борода уму не замена; Бородуля не мужик; И по бороде знать, что лопатой звать; Принёс свою бороду на посмешище городу* [3, с.328].

Смена коллективных убеждений в период царствования Петра I нашла отражение в паремиях русского языка, аксиологический вектор этих паремий меняется с положительного на отрицательный. И эта смена должна быть отражена в учебных словарях, так как неточное понимание данного параметра вызывает нарушение акта коммуникации.

Таким образом, статья учебного лингвокультурологического словаря паремий включает в себя несколько обязательных зон толкования: тематический рубрикатор, который вводит аксиологическую оценку (хорошая семья; плохая семья; счастливая семья; верность/неверность в семье и т.д.); зона установок культуры (общепринятые в культуре правила и понятия), которые детализируют коннотативную оценку: главное условие существования семьи – *лад, дружба, согласие*. Плохая семья – это отсутствие *любви и уважения, это разлад*; зона паремийных иллюстраций ценностей и антиценностей в русской лингвокультуре.

Фразеологические сравнения могут менять аксиологический вектор при смене эталонов сравнения. Интересные наблюдения сделала китайская исследовательница Юй Фэнин, описывая русские и китайские фразеологические сравнения, характеризующие глаза человека [12, с.157]. Так она анализирует черный цвет глаз в русском и китайском языках и приходит к выводу, что в русском языке сравнительные обороты с компонентом *чёрный* могут отражать положительный, отрицательный и изменяющийся аксиологический вектор. Положительный вектор черного цвета при характеристике глаз человека формируется при сравнении с предметами растительного мира: *чёрные как вишни (вишенки), как сливы* – ‘большие чёрные блестящие глаза’; а также при сравнении глаз человека с глазами грациозного, красивого животного: *как у газели, как у лани* – ‘о больших тёмных, бархатистых и пугливых чарующих девичьих чёрных глазах’ [5]. В этих сравнительных оборотах черный цвет утрачивает отрицательные коннотации и способствует реализации ценности **красота** в русской лингвокультуре.

Отрицательный вектор аксиологической оценки фразеологизма формируется при сравнении с глазами другого человека: *чёрные как у цыгана /цыганки/ цыганёнка* – ‘о чёрных глазах’ [5]. Цыгане у носителей русского языка ассоциируются с обманом. Чаще всего в народных верованиях «глаза связаны с возможностью сглазить, навредить живому существу» [9]. Такие глаза могут быть красивыми, но они всегда опасны, отличаются отрицательной коннотацией, отрицательным аксиологическим вектором.

Изменяющийся вектор проявляется при сравнении глаз человека с неодушевленными предметами, в частности с минералами: *чёрные как агат* – ‘о блестящих глазах (чаще женских)’ *как уголь, как антрацит* – ‘о чьих-л. живых светящихся, ярко блестящих глазах’, *как дёготь* – ‘о чьих-л. чёрных глазах’ [6]. Цвет в этой группе устойчивых сравнений (УС) имеет как позитивное, так и негативное значение, что говорит об амбивалентности цветовой символики. Если УС репрезентирует ценность ‘жизнь’, т.е. живой блеск, живые светящиеся глаза, то фразеологизм имеет положительный аксиологический вектор. Если УС отражает антиценность ‘зло, агрессия’, фразеологизм имеет отрицательный аксиологический вектор [12, с. 157-158].

В учебном фразеологическом словаре данные особенности найдут своё отражение при использовании графических средств и предварительно разработанного лингвокультурологического комментария.

Характерной особенностью **образных фразеологических перифраз** русского языка является изменяющийся аксиологический вектор: от положительного к отрицательному, и наоборот. Данное положение продемонстрировано в работе еще

одной китайской исследовательницы Фэйлины Мицзити [11, с.340-344]. На примере одной перифрастической топонимической единицы она продемонстрировала смену аксиологического вектора с положительного на отрицательный. Отношение к христианской религии становится мерилom ценности/антиценности ряда понятий, отраженных в языке. Перифраза *город Святого Петра* (Санкт-Петербург) в зависимости от изменения общественного сознания меняет аксиологический вектор. До октябрьской революции 1917 года эта номинация содержала положительную аксиологическую оценку, демонстрируя почтительное отношение к христианству и его представителям. После революции, в результате которой церковь была отделена от государства и провозглашен воинствующий атеизм, единица *город Святого Петра* стала символом отсталости, получила отрицательную аксиологическую оценку, и со временем исчезла из употребления на долгие 90 лет. В 1991 году религия снова занимает почетное место в идеологии государства. Городу возвращается имя Святого Петра – Санкт - Петербург. Круг завершён: Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт - Петербург. Отношение к религии является мерилom аксиологической ценности объекта, обозначенного перифразой, изменение отношения к религии вызывает изменение аксиологического вектора единицы [11, с.340-344].

В учебном фразеологическом лингвокультурологическом словаре топонимические перифразы занимают одно из основных мест. Эти единицы частотны в публицистике, представляют трудности для восприятия и точного перевода иностранцами, в частности, китайскими студентами. Словарная статья такого словаря складывается из нескольких зон описания: заголовочная единица (топоним); объединение материала по тематическим группам; обозначение аксиологической оценки с помощью графических знаков; культурологический комментарий, раскрывающий особенности формирования значения перифразы в рамках той или иной лингвокультурной ситуации [8, с. 19-21].

В настоящее время уточняется описание терминологического аппарата лингвокультурологии, методов её исследования и способов репрезентации фразеологического материала в лингвокультурологических словарях.

Аксиологический параметр следует учитывать при лингвокультурологическом описании фразеологических единиц в учебных целях. Статья учебного лингвокультурологического словаря должна содержать указание на аксиологическую составляющую фразеологического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ани Рахмат, Якименко Н.Е. Самые интересные пословицы о семье в индонезийской и русской культуре. Идеографический объяснительный словарь. Indonesia. Bandung. Unpad Press. 2018. 152 с.
2. Байрамова Л.К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии//Фразеология и когнитивистика: в 2т. Т.1. Идиоматика и познание/под ред. Н.Ф. Алефиренко. Белгород, 2008. С.298—301.
3. Ли Вэньжуй. Лингвокультурологический комментарий как основной способ интерпретации паремий с компонентом-соматизмом при описании внешности человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2(80). Ч. 2. С.326-329.
4. Кирьякова, А.В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования//Аксиология и инноватика образования. Методология аксиологии. - Оренбург, 2014. – 31 с.

5. Мокиенко 2003 - Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб, 2003. 608 с.
6. Мокиенко, Никитина 2008 - Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М., 2008. 800 с.
7. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е.К. Николаева ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
8. Писарская Т.Р., Ф. Мицзита, Якименко Н.Е. Структура статьи лингвокультурологического словаря: проблемы описания (на материале топонимических перифраз русского языка) // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Екатеринбург. №40, 2018. С.19-21.
9. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Под ред. Н.И.Толстого – 1: А-Г. – М.: Международные отношения, 1995. С.411. (Далее - СД)
10. Слостенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.
11. Фэйлини Мицзита. Перифрастические наименования как объект лингвокультурологии (на примере топонима «Санкт-Петербург» в русском и китайском языках)// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2018. №12 (90). Ч.2. С.340-344.
12. Юй Фэнин, Якименко Н.Е. Аксиологический вектор устойчивых сравнений в русском и китайском языках (лингвокультурологический аспект) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Материалы международной научной конференции, посвященной 50 – летию кафедры русского языка и культуры РостГМУ. 22 ноября 2017г. – Ростов-на-Дону: издательство Рост ГМУ, 2018. – 176с. (С.154-158).

T.R.Pisarskaya, N.E.Yakimenko

REFLECTION OF AXIOLOGICAL PARAMETER OF PHRASEOLOGICAL UNITS (PAREMY, COMPARISON, PERIFRAZE) IN EDUCATIONAL DICTIONARIES FOR FOREIGNERS

This work is carried out in the framework of the linguistic-cultural area of linguistic research. Linguoculturology is recognized today as one of the most relevant areas of linguistics. This science studies the continuous and direct connection between language and culture. The basic material for studying culture through language is recognized as stable units of various types, such as pararemas, phraseological comparisons and para-phrases. The axiological parameter in the description of phraseology is one of the main tools of linguoculturological analysis and phraseological description of stable units for educational purposes.

Key words: axiological parameter, proverb, phraseological comparison, periphrase.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КАК СПОСОБ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Статья посвящена изучению метафоризации как инновационного способа специальной номинации, что отличает современный этап развития терминологии банковского дела. Подчеркивается динамичность этого образования. В ходе исследования прокомментированы функции метафоры в научном тексте; выделены базовые метафорические модели (антропоморфная, природоморфная и артефактная). Установлено, что переосмысляется как основной, так и вспомогательный компонент терминологического сочетания.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, научный стиль, переосмысление, терминология банковского дела.

Терминология как исторически изменчивая категория характеризуется постоянным поиском путей и способов пополнения номинативной базы, динамикой ее структуры. Место терминологии в лексической системе можно определить через отношение языка науки и литературного языка, т.е. как частное к общему. Поэтому, кроме стандартизированных терминов, уже существующих или созданных по определенному образцу, в отраслевых терминологиях появляются новые образные номинации. В этом аспекте терминология банковского дела, обслуживая одну из отраслей рыночной экономики, на современном этапе соединяет в себе нормативные и инновационные средства номинации. Установление специфики, особенностей функционирования и дальнейшей интеграции в язык науки терминов, образованных на основе переосмысления (метафоризации), представляется для терминоведения и языкознания в целом особо **актуальным**.

Указанная проблематика представлена трудами разной направленности. На примере отраслевых терминологий, в частности географической, технической, гуманитарных, помимо конститутивных элементов, изучается назначение и параметров образности (А.Н. Дядюра, Ю.А. Еременко, Л.А. Алексеенко).

Н.С. Родзевич называет метафору общим активным источником развития языка и терминологических систем в его составе [11]. Поэтому в становлении так называемого «нового языка науки» с признанием метафорической номинации как постоянной коммуникативно ценной составляющей научного стиля, шире дискурса, может произойти эволюция, подобная полисемии. Известно, что полисемия первоначально считалась недостатком любой терминологии [10], со временем была признана характерной особенностью термина [14].

Анализ банковских терминов представлен в диссертации М.В. Евстифеевой, где в качестве объекта исследования избрана терминологическая система валютного рынка [8]. Лингвист акцентирует внимание на том, что специальный термин потенциально обладает эмоциональной, оценочной или стилистической окраской.

Цель данной статьи – установить специфику переосмысления как способа терминологической номинации на примере терминологии банковского дела. Достижение поставленной цели предполагало решение следующих **задач**: 1) выделить из специальных текстов метафорические наименования; 2) дать характеристику номинации по принципу метафорического перенесения; 3) прокомментировать

функции метафоры в научном стиле; 4) проанализировать базовые метафорические модели в банковской терминологии.

Инновационные процессы в системе терминологии банковского дела активизировались в период модернизации и обновления ее состава – с начала XXI в. и по сей день (см. общую периодизацию [9]). Прежде всего, динамика проявляется в поиске адекватных способов номинации для новых объектов, понятий, что и предполагает постоянное пополнение специальной лексики. Из этого делаем вывод – функционирование отраслевой терминологии и характер динамических процессов максимально зависят от экстралингвальных факторов. Все новое как показатель глобализации почти сразу становится частью активного банковского лексикона, позже находит отражение в специальных словарях.

В.Г. Гак упоминает о существовании четырех возможных способов терминологической номинации: словообразования, образования словосочетаний, заимствования и переосмысления (метафоризации) [5, с. 25]. Применение первых двух, несомненно, сближает язык науки с общелитературным языком, когда продуцируются характерные словообразовательные и структурные типы.

Активизация процессов заимствования и переосмысления относится к инновационным явлениям в современных терминосистемах. По мнению В.П. Даниленко, заимствования способствуют накоплению в национальном языке общего интернационального лексического фонда [7], а, значит, делают терминологию понятной для мирового научного сообщества. Сегодня базовым языком заимствования новых слов и терминов считается английский (*баттерфляй-дерередж*, *спред*, *флоатинг* и др.). В философском осмыслении метафора постулируется как критерий инновации, «действенный инструмент создания новых смыслов в научных описаниях» [3, с. 121]. Коллектив ученых со ссылкой на труды В. Тэрнера («Символ и ритуал», 1983) для обозначения переходных явлений в науке в целом использует понятие «лиминальность» (от лат. «порог»), соответственно, метафора признана выполнять функции временных объяснительных схем [3, с. 122].

С применением метафоры одновременно снимаются ограничения на выбор формы описания той или иной исследуемой области. Обладая «гипотетической природой», метафорические описания позволяют разносторонне представить объекты, поскольку «соединяют различные языковые игры и обеспечивают "стереоскопичность" их видения» [6, с. 52, 111].

В лингвистике переосмысление значений обычных слов в специальной номинации (терминологизация) часто связывается с отклонением от нормы в терминологии (взгляды А.А. Реформатского, Р.С. Аликаева, С.В. Гринева-Гриневича и др.). Однако именно метафора способна «оживить» уже готовые предикативные смыслы, а, значит, не просто выполняет назывательную функцию, но делает образ целостным, панорамным, и в этом заключается особенность научной информации, передаваемой посредством метафоры [12].

Терминологические сочетания, в основе которых заложена метафора, поначалу отличали научно-публицистический текст, что делало его ориентированным на широкого читателя. На современном этапе «наука и научное познание рассматриваются в новых измерениях» [1, с. 40]. Термины-метафоры становятся маркерами научного стиля. Речь идет о новом осмыслении образности – установление аналогии происходит в результате перенесения знания об уже известном, познанном объекте на исследуемый объект. Поэтому метафора выступает не средством создания художественного образа, а «средством обозначения тому, чему нет названия» в силу «глубинных особенностей человеческого мышления» [5, с. 11].

Подобное перераспределение и актуализация языковых ресурсов в терминологии банковского дела носит прагматический характер. В.К. Харченко отмечает, что метафора способна выполнять пятнадцать функций, которые за счет «взаимоусиления и взаимоиндукции» распадаются на шесть классов [12, с. 82]. Метафора в анализируемой терминологии связана с процессами номинации кредитно-финансовых процессов, что позволяет экономить языковые ресурсы.

Специфическими для научного стиля являются мнемоническая и эвристическая функции метафоры. Первая благодаря «эмоциональной насыщенности» облегчает процесс восприятия и запоминания абстрактного понятия. С метафорическим сравнением также сопряжены поиск научной гипотезы и впоследствии – рождение термина [12, с. 19, 29].

Банковское дело как отрасль знания своим объектом исследования входит в комплекс общественных наук, в результате чего отдельные метафоры и целые их группы, выполняя указанные выше функции, организуются по принципу системы, задают разные модели действительности, так или иначе связанные с человеком.

Под метафорической моделью подразумеваем «существующую в сознании носителей языка схему связи между двумя понятийными сферами» – сферой-целью (магнитом) и сферой-источником, между которыми устанавливается отношение подобия [13, с. 27]. Сферой-целью в данном случае выступает банковская деятельность в широком смысле, а сферой-источником – образ-компаратор. По сложившейся традиции (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.П. Чудинов и др.), название метафорической модели в предложенном исследовании включает упоминание обеих понятийных сфер.

А.П. Чудинов выделяет четыре разряда таких конструкций. В качестве сферы-источника особую функцию выполняет экономическая составляющая, что связано «с усилением роли товарно-денежных отношений в новых социальных условиях» [13, с. 44]. Выступая изолированно, данная понятийная сфера становится «магнитом метафорического притяжения» [13, с. 46].

В настоящем исследовании мы выделяем три структурных типа метафор: антропоморфную, прородоморфную и артефактную. Метафоризироваться может как основной (субстантивный), так и вспомогательный (атрибутивный) компонент терминологического сочетания. В первом случае речь идет о традиционном «применении к основному субъекту метафоры свойств и ассоциативных импликаций, связанных с ее вспомогательным субъектом» [2, с. 297].

Так, антропоморфная субстантивная метафора, фокусируя внимание на человеке – модераторе всех важных процессов на земном шаре, предусматривает следующие сферы-источники: «Психология» (*побег от денег / капиталов, набег на банк, банковская паника, процентные войны*), «Физиология» (*потребительский / денежный голод*), «Болезнь» (*спазм ликвидности, финансовый тромбоз, вирус неплатежей*). Например: *Основной причиной происходящих «процентных войн» стала политика ЦБ, который взял курс на постепенное снижение учетного процента и, по-видимому, продолжит придерживаться этого курса* (<https://newsrussia.media/biznes/10084-banki-razvuyayuyut-voynu-stavok.html>); *Под спазмом ликвидности понимается временная нехватка денежных средств, связанная с резким ухудшением конъюнктуры рынка и некоторых внутренних факторов* (https://big_economic_dictionary.academic.ru); *Денежный голод, созданный регулятором, и ревальвация, проводимая Нацбанком с весны прошлого года, в итоге привели к дестабилизации банковской системы, сворачиванию межбанковского кредитования и кредитования экономики в целом* (https://gazeta.dp.ua/read/denezhniy_golod_dlya_ukraini_obernetsya_prosto_golodom).

Природоморфная метафора охватывает понятийные сферы живой и неживой природы: *дождь нефте- и газодолларов, инвестиционный климат, эффект «зайцев», финансовое цунами*. Например: *Отчего казавшаяся безмятежной гладь финансовых рынков внезапно вспучилась крупными волнами, переросшими, по словам бывшего главы Федеральной резервной системы США Алана Гринспена, в «финансовое цунами»? (<https://wiseeconomist.ru/poleznoe/41673-mirovoe-finansovoe-cunami>); Золотой дождь нефтедолларов для России может прекратиться уже в ближайшие годы (<http://newinspire.ru/novosti-ekonomiki/slantsevaya-neft-mozhet-ostavit-rossiiu-bez-zolotogo-dozhdyu-iz-neftedollarov-1082>). Примечательно, что метафоры денежные потоки и отмывание средств тяготеют к «стертым», поэтому чаще служат основой для образования новых метафорических конструкций: *пена на поверхности реальных денежных потоков*. Здесь уместно привести высказывание Н.Д. Арутюновой о стертых метафорах, которые «из средства создания образа превращаются в способ формирования недостающих значений» (по [6, с. 123]). Оба типа метафор (антропоморфная и природоморфная) посредством используемых лексических средств обличают преимущественно отрицательные моменты банковской деятельности.*

Наиболее численна по количеству репрезентантов артефактная метафора, когда проводится параллель между банковскими понятиями и предметами, реалиями жизнедеятельности человека: *валютная корзина, валютный коридор, клиринговый дом, корсет* («лимиты кредитования»), *депозитный портфель* банка, *финансовый рычаг, электронный кошелек*. Например: *Принцип валютной корзины используется в расчетах по международному контракту или в рамках кредитных отношений для того, чтобы элиминировать влияние валютных рисков (<http://discovered.com.ua/glossary/valyutnaya-korzina>); Электронный кошелек – это компьютерная программа, которая позволяет пользователю хранить электронные деньги и производить с их помощью безналичные расчеты в интернете (<http://www.fingramota.org/lichnye-finansy/karty-i-platezhi/item/1401-elektronnyj-koshelek-cto-eto-i-kakoj-luchshe-vybrat>).*

Взаимодействие прямого и переносного значения фиксируется также в атрибутивном компоненте составных банковских терминов, образуя эпитет. Известная семантическая классификация эпитетов А.Н. Веселовского [4, с. 59–75] позволяет интерпретировать собранный фактический материал. Тавтологическим эпитетом, на наш взгляд, маркирована структура *дорогие деньги*, поскольку последние принято считать всеобщим эквивалентом, мерой вещей. Противоположное значение приобретает термин *дешевые деньги*. Изначально в нем прослеживается соединение слов по типу оксюморона (например, *горячий снег, громкая тишина*). В то же время эпитет *дешевые* выполняет пояснительную функцию – формирует следующее значение «поддержание низких процентных ставок в период депрессии с целью стимулирования инвестиций» [15].

Человек склонен оценивать, анализировать разные предметы, явления по факту целостного восприятия органами чувств и, как следствие, дает им словесную характеристику. Если какой-либо частный признак научного понятия совпадает с уже существующими в опыте оценками, происходит такое перенесение: *акции тяжелые / горячие, деньги горячие, кредит безнадежный, живые поступления*. Например: *Безнадежные кредиты для банка – настоящий балласт, который негативно отражается на их официальной отчетности и финансовом состоянии в целом (<http://fingid-olimp.com.ua/nashu-stati/spisanie-kreditov>).* Именно поэтому среди образований подобного типа синкретических пояснительных эпитетов большинство. Ассоциации по цвету заложены в основу терминов *касса черная, курс черный, кредит*

вечнозеленый. Например: *Кредит вечнозеленый* представляет собой кредит без фиксированной даты погашения (<http://ekslovar.ru/slovar/k-/kredit-vozobnovlyaemyiy-vechnozeleniy.html>).

К пояснительным эпитетам-метафорам относятся образованные на основе природоморфной (*инфляция галопирующая / ползучая, мертвый капитал, плавающая ставка*) и антропоморфной модели (*поведенческие денежные потоки*). Например: *Ползучая* («нормальная») *инфляция* характеризуется ростом цен на 3-5% в год; *галопирующая* – на 30-100% в год (<http://www.grandars.ru/student/ekonomicheskaya-teoriya/inflyaciya.html>); *Учет поведенческих денежных потоков при моделировании и управлении ликвидностью банка – это весомое приближение моделей к реальности* (<http://8cent-emails.com/povedencheskie-denezhnye-potoki-depozitnyj-portfel-bankov>).

Следует отметить, что образная терминологическая номинация сохраняет эффект новизны только до определенного момента. Если признаки, послужившие стимулом для ее создания, регулярно воспроизводятся, метафора становится стертой, а эпитет – постоянным: *активы чистые, растворение акционерного капитала, обвал денежной единицы (курса), перекачивание валюты*. Например: *Растворение акционерного капитала подразумевает под собой увеличение числа акций, тогда как их стоимость не возрастает* (<https://utmagazine.ru/posts/14597-rastvorenie-akcionernogo-kapitala>); *Центробанк России считает обвал российского рубля на фоне новостей о новых санкциях, вводимых США, абсолютно естественной реакцией* (<https://replyua.net/putin/105192-v-cb-prokommentirovali-obval-kursa-rublya.html>). На начальном этапе своего функционирования такие нестандартные языковые средства независимо от типа обычно берутся в кавычки (графический маркер метафорического значения слова). Постепенно, вследствие частотной актуализации прием кавычек нивелируется.

Таким образом, переосмысление лексических единиц общелитературного языка является инновационным и в то же время продуктивным способом терминологической номинации наравне с заимствованием и словопроизводством. Метафоризируется как субстантивный, так и атрибутивный компонент терминологического сочетания. Функционированием метафорических моделей поддерживается системность терминологии банковского дела. Перспективу дальнейших исследований видим в пополнении базы фактического материала и углубленном теоретическом обосновании процесса метафорического моделирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев К.И. Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – С. 40–50.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: БРЭ, 1998. – С. 296–297.
3. Бажанов В.А. Метафора как критерий инновации / В.А. Бажанов, О.А. Васильева, С.Н. Сивелькина // Философские науки, 2011, № 11. – С. 117–130.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.
5. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1988. – С. 11–26.
6. Гусев С.С. Наука и метафора / С.С. Гусев. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 152 с.

7. Даниленко В.П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии / В.П. Даниленко // Современные проблемы русской терминологии / Отв. ред. В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1986. – С. 5–23.
8. Евстифеева М. В. Терминологическая система валютного рынка на современном этапе её развития : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 / М. В. Евстифеева. – Москва, 2007. – 21 с.
9. Зеніна А. В. Адаптація англiзмiв у термiнологiї української банківської справи : дис. ... кандидата філол. наук : 10.02.01 / А.В. Зеніна. – Донецьк, 2013. – 251 с.
10. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1982. – 146 с.
11. Родзевич Н.С. Метафора – спільне джерело творення термінологічної лексики в слов'янських і західноєвропейських мовах / Н. С. Родзевич // Дослідження з лексикології та лексикографії : міжвід. зб. / Редкол.: Л. С. Паламарчук (голов. ред.) та ін. – К. : Наук. думка, 1965. – С. 137 – 156.
12. Харченко В.К. Функции метафоры / В.К. Харченко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 104 с.
13. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. – 176 с.
14. Шестак О. В. Терминологическая полисемия как один из путей развития терминосистемы / О. В. Шестак // Потенциал русского языка: проблемы и решения / Отв. ред. Т. Х. Каде. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 1997. – С. 160–176.
15. Экономика. Толковый словарь. – М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир». – *Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/51662000*.

A.V. Zenina

RETHINKING AS A WAY OF TERMINOLOGICAL NOMINATION

The article is devoted to the study of metaphorization as one of the innovative ways of special nomination that distinguishes the modern stage of development of banking terminology. The dynamism of this formation is emphasized. The functions of metaphor in the scientific text are commented; the basic metaphorical models (anthropomorphic, natural and artifact) are identified. It is established that both the main and auxiliary components of terminological combination can be reconsidered.

Key words: banking terminology, metaphor, metaphorical model, scientific style, rethinking.

УДК 81'373

К.В.Першина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ФЛЕКСИЯ КАК ОНИМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРМАНТ

В статье анализируется понимание в современной русистике словообразовательных возможностей флексии в апеллятивном словопроизводстве и рассматривается использование флексии в качестве словообразовательного форманта в русской антропонимии и топонимии. Актуальность работы обусловлена необходимостью освещения словообразовательного потенциала флексии не только в апеллятивном, но и онимном пространстве русского языка. В статье устанавливаются

группы антропонимных и топонимных номинаций, в которых окончание выступает в аспекте синхронного словообразования как синкретическая словообразовательно-грамматическая морфема с определенной деривационной семантикой.

Ключевые слова: *флексия, формант, онимообразование.*

Общепринятым является положение о том, что флексия в составе словоформ русского языка выражает различные грамматические значения и служит для связи слов в предложении. Так, авторы соответствующей статьи в авторитетном «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяют флексию как словоизменятельный аффикс, выражающий грамматическое и реляционное значения и участвующий в формообразовании [7, с. 551 – 552]. О словообразовательных возможностях флексии в этой статье не упоминается, хотя в практике реального словообразовательного анализа обнаруживаются деривационные потенции этой морфемы. Актуализацию деривационного потенциала флексии можно считать одним из проявлений семантико-функционального усложнения, которое О. Ю. Крючкова относит к постоянно действующим в русском словообразовании тенденциям; а это усложнение есть, по ее мнению, результат взаимодействия двух тенденций: аффиксальной агглютинации и фузионного взаимопроникновения морфем в составе русского производного слова [6, с. 372]. Ср. с этим выделение Г. П. Цыганенко двух видов приставок: собственно приставок и предлогов-приставок [16, с. 9]. Со второй из указанных О. Ю. Крючковой тенденций связано совмещение во флексиях имен существительных и прилагательных в именительном падеже единственного и множественного числа формо- и словообразовательных функций.

О словообразовательных возможностях окончаний имен существительных русские языковеды размышляли еще в начале XX в. в ходе определения границ между словоизменением, формообразованием и словообразованием. Так, В. В. Виноградов прямо говорит о преобразовании окончания в суффикс в случаях перехода отдельных падежных форм ед. ч. существительных в наречия, приводя примеры *авансом*, *ёршиком* (волосы), *рядом* (*рядком*, *рядышком*) [3, с. 157]. Что же касается флексии мн. ч. существительных, то позиция ученого не столь определена. В. В. Виноградов утверждает наличие лексико-семантических различий между формами единственного и множественного числа имен существительных: «с грамматическими формами числа связаны разные лексические значения» [2, с. 130], присоединяясь к взглядам Ф. Ф. Фортунатова, Л. А. Булаховского, считавших формы мн. ч. существительных словообразовательными формами [3, с. 167, 168]. Но наряду с этим говорит: «В тех случаях, когда новые имена существительные образуются посредством изоляции форм множественного числа, не происходит превращения окончаний в суффиксы» [3, с. 181]. Дальнейшее развитие учения об образовании слов в русском языке привело к утверждению мысли о том, что флексия мн. ч. должна рассматриваться как выполняющая словообразовательную функцию, совмещенную с формообразовательной. Иными словами, флексию (прежде всего существительных и прилагательных) стали относить к морфемам, обнаруживающим морфолого-словообразовательный синкретизм. На это специально обращают внимание Н. М. Шанский и А. Н. Тихонов: «< ...> в некоторых словообразовательных типах имен окончание выступает словоформобразующей морфемой, являясь, собственно, не только окончанием, но и суффиксом. Это наблюдается, например, в существительных типа *кума*, *супруга*, *раба* и т. д., в которых окончания не только выражают синтаксические свойства слова, но и указывают на пол обозначенного словом действующего лица» [12, с. 37]. И. Г. Милославский также придерживается аналогичной точки зрения, указывая, что флексия – это «такой элемент словоформы,

который выражает обязательные для данного круга словоформ синтаксические или обязательные и регулярные для данного круга словоформ номинативные значения» [8, с. 233]. Очень подробно анализирует применение флексии как словообразовательного средства В. Н. Немченко, выделяя в рамках синхронного словообразования флексийный (флективный), префиксально-флексийный и сложно-флексийный способы словообразования [9].

А. Н. Тихонов руководствуется отмеченным пониманием функциональной нагруженности флексии в своем «Словообразовательном словаре русского языка», где производные имена, образованные флективным способом, включаются в состав словообразовательных гнезд. Ср. фрагменты словообразовательных гнезд: *супруг - супруг - а* [15, II, с. 1106], *лиса - лис - ий*, *вдова - вдов - ий* [15, I, с. 541, 76].

Указанный синкретизм преодолевается в случаях превращения окончания существительного в суффикс наречия. Ср. примеры из указанного словаря: *лет - ом*, *весн - ой*, *осень - ю*. *ночь - ю*, *дн - ем*, *дн - ями* [15, I, с. 184, 160, 341, 330, 138]. О суффиксальном характере финальных морфем в приведенных наречиях свидетельствует их синонимия с суффиксальными диалектными наречиями *летось*, *осенесь*, *ночесь* (ср. также цсл. *днесь*).

При субстантивации имен прилагательных и причастий их согласовательные флексии преобразуются в аффиксы существительных, приобретают статус словообразовательных элементов [1].

Приобретение флексией словообразовательной функции рассматривается как обратный процесс по отношению к грамматикализации словообразовательных формантов [10], что является развитием идей Ф. Ф. Фортунатова об изменениях составных элементов языка. Известный интерес в этом плане представляют рассуждения Н. А. Янко-Триницкой, которая пишет о том, что флексия *-а* имен существительных может создавать вариант базовой производящей основы: *астматический*, *алгебра - ический*, *проза - ический*, *травма - тический*, *синтагма - тический*, *схема - тический* и под. [19].

Использование флексий в качестве словообразовательного аффикса обязательно ставит вопрос об их семантике. Развернутый ответ на него, касающийся семантики флексии *-а* в И. п. существительных ед. ч., находим в одной из последних работ А. А. Зализняка. Проанализировав значительный массив имен существительных с флексией *-а*, он выделяет следующие ее семантико-деривационные «нагрузки»: 1) словообразовательный показатель женского пола; 2) словообразовательный показатель принадлежности к категории исчисляемых; 3) словообразовательный показатель комплекса значений, объединяемых общим признаком усиления: собирательной множественности, интенсивности и экспрессивности [5, с. 9]. В работе А. А. Зализняка отмечается спаянность флексии *-а* с суффиксом, ученый отмечает, что она очень редко расположена в слове не после суффикса, обычно безударна. Анализ ученого примечателен тем, что показывает распределенность, как бы разлитость лексической семантики по всей словоформе, в результате чего становится очевидным объединение в окончании *-а* лексических и грамматических компонентов значения. Иными словами, А. А. Зализняк показывает изначально присущую флексиям способность становиться словообразовательным аффиксом.

Все вышесказанное относится к словообразовательному применению флексии в апеллятивной сфере. Однако она как словообразовательный формант не менее регулярно используется также и в онимной сфере русского языка. Хорошо освоено окончание в роли форманта в антропонимии, где в указанной роли выступают

окончания *-а*, *-ая* И. п. ед. ч. существительных и прилагательных и окончание *-и/-ы* И. п. мн. ч. существительных.

С помощью окончания *-а* образуются полные формы женских личных имен от полных форм мужских личных имен. Такой способ образования женских имен традиционно использовался еще в дохристианском (древнерусском) именнике: *Ярослав > Ярослав -а*, *Владислав > Владислава -а*, *Людмил > Людмил -а*, *Миронег > Миронег -а* и др. Перенесен он был и в христианский именник: *Валерий > Валери -я*, *Евгений > Евгени -я*, *Александр > Александр -а*, *Валентин > Валентин -а*, *Феодосий > Феодоси -я*, *Серафим > Серафим -а*, *Феодор > Феодор -а*. В 20-е годы XX в. в ходе обновления и расширения репертуара женских личных имен его активно использовали, ср.: *Аврелия*, *Адриан -а*, *Варфоломе -я*, *Ди -я*, *Ипполит -а*, *Олимпи -я*, *Антони -я*, *Аркади -я*, *Бронислава*, *Борислав -а*, *Диониси -я*, *Ионн -а*, *Корнили -я*, *Людвиг -а* [14, с. 306, 309, 314], *Милослава*, *Руслан -а*, *Ян -а* [13]. Данное окончание использовалось и при создании так называемых новых имен: *Ленина < Ленин*, *Сталина < Сталин*, *Исталина < И. Сталин*, *Маркса < Маркс*, *Владилена < Владилен*, *Вилора < В. И. Ленин – организатор революции*, *Диамара < диалектический материализм*, *Плаката < плакат*, *Декрета < декрет*, *Интерна < Интернационал*, *Саяна < Саяны* [13]. К середине XX в. в светском именнике указанный флективный способ создания женских имен от мужских утратил свою продуктивность, но в монашеском антропонимном узусе остается традиционно используемым: *Георгий – Георги -я*, *Алипий – Алипи -я*, *Михаил – Михаил -а* и др.

В рассмотренных случаях флексия применяется как показатель женского пола, противопоставленный семантически показателю мужского пола. Она может актуализироваться при создании новых полных женских имен на базе мужских имен, а также апеллятивов или топонимов. Ср. женские имена, присвоенные детям в последние два десятилетия: *Голуба*, *Алмаза*, *Миллионера*, *Луналика*, *Океана*, *Россияна*. Ограничением на ее использование является форма мужского имени на *-а* типа *Вавила*, *Гаврила*, *Никита*, *Кузьма*, *Илья*, *Фока*, *Савва*, *Фома* и др.

При переводе заимствованных мужских имен на *-а* в женский именник флексия наделяется значением 'женский пол': *Римма*, *Инна*, *Пинна*, *Зина*, *Аза*, *Феона*.

Как словообразовательный элемент флексия *-а* используется и при создании производных вариантных форм личных имен, как мужских, так и женских: *Юрий > Юра*, *Станислав > Слава*, *Николай > Коля*, *Иван > Ваня*, *Василий > Вася*, *Антонина > Тоня*, *Варвара > Варя*, *Ольга > Оля*, *Лидия > Лида*, *Наталья > Ната*. В этом случае в ней актуализируется значение лица, указание же на пол содержится в полной форме имени. Это наглядно проявляется в формально совпадающих гипокористических формах, именуемых лиц обоюбого пола *Саша* (к *Александр* и *Александра*), *Шура* (к *Александр* и *Александра*), *Валя* (к *Валентин* и *Валентина*), *Женя* (к *Евгений* и *Евгения*).

Флексии *-а* и *-ая* используются для создания фамилии дочери от фамилии отца, жены от фамилии мужа: *Гаврилов > Гаврилова*, *Кузьмин > Кузьмина*, *Лесовой > Лесовая*, *Толстой > Толстая*. Основы такого использования флексии были заложены в древнерусскую эпоху, когда, по словам Ю. И. Чайкиной, флексия притяжательных прилагательных использовалась для создания именованной женщины по имени отца (аналог современного женского отчества) и по имени мужа (аналог современной женской фамилии): *Глебовая < Глеб*, *Гюргева < Гюргий*, *Мстиславля < Мстислав*, *Павлова < Павел*, *Ростиславля < Ростислав*, *Васильева < Василий* [17, с. 66-67].

Окончание *-ы/-и* мн. ч. используется как словообразовательное средство для создания именованных, обозначающих множество/совокупность носителей одного и того же личного имени, или отчества, или фамилии (так называемых тезок и

однофамильцев): *Максимы, Федоры, Демьяны, Семены, Коли, Васи, Тамары, Зинаиды, Ксении, Любы, Маши* и др.

Флексии мн. ч. *-ы/-и, -ые/-ие* используются для создания именованных членов одной семьи или рода: *Михайловы, Палицыны, Алфимовы, Толстые, Оболенские, Мещерские* и т. д.

Синкретический характер носит флексия мн. ч. в коннотонимах - плюративах *Штирлицы, Наполеоны, Чичиковы, Хлестаковы, Айболиты, Матроскины* и под., которые часто пишутся со строчной буквы.

В фамилиях типа *Бесперстных, Толстых, Седых, Косых, Крученых* флексия Р. п. мн. ч. трансформировалась в суффикс аналогично превращению падежных окончаний существительных /прилагательных при их переходе в наречия (*летом, ночью, новому*)

Флексия может выступать как словообразовательный формант в коллективных прозвищах и псевдонимах. Наиболее известный пример такого рода в русском языке - псевдоним *Кукрыниксы* < *Куприянов, Крылов, Николай Соколов*.

В топонимии словообразовательной функцией наделена флексия мн. ч. *-ы/-и*, используемая в ойконимии на разных территориях: *Аптиты, Ровеньки, Валуйки, Кромы, Крестцы, Холмы, Терны, Вязники, Пятихатки, Бирюки, Ставки, Землянки, Третьяки, Большие Березники, Барсуки* и др. Можно предположить, что такая специализация флексии могла сформироваться в результате накопления отантропонимных или откатойконимных названий селений. Встречаются подобные примеры и в урбанонимии. Ср. внутригородские хоронимы *Габари* (г. Донецк), *Верхние Хрущи, Нижние Хрущи* (г. Шахтерск), *Пятихатки* (г. Торез), *Водники* (г. Вологда)

Данная флексия может иметь словообразовательный характер в хоронимах природно-ландшафтного типа, ср.: *Каракумы, Большие Барсуки* (пески в Казахстане), *Кызылкумы*, в названиях горных систем: *Саяны, Балканы*, архипелагов: *Соловки, Канары, Бермуды* [18]. Следует отметить, что топонимы-плюративы требуют специального изучения с точки зрения словообразовательного статуса окончания в них.

Проведенные наблюдения свидетельствуют, что флексия в антропонимах выступает словообразовательным показателем лица, лица женского пола, собирательной раздельной множественности; в топонимах выражает значение единичности, являясь эквивалентом флексии ед.ч. (в ойконимах), значение 'участок территории, покрытый каким-либо веществом' (в хоронимах) и значение совокупной множественности (в названиях горных систем и архипелагов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адскова Т. П. Статус субстантивированных образований в системе словообразовательных гнезд современного русского языка / Т. П. Адскова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russkii-yazik.ukoz.ru> (дата обращения 10.06.2019).
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. Изд-е второе. - М.: Высшая школа 1972. - 613 с.
3. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования / В. В. Виноградов // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М.: Наука, 1975. - С. 155 - 165.
4. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков) / В. В. Виноградов //

В.В.Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 166 – 220.

5. Зализняк А. А. Функции флексии именительного падежа –а в русском языке / А. А. Зализняк // Русский язык в научном освещении .-- 2018. -- №1 (35). – С. 9-32.

6. Крючкова О. Ю. Словообразовательная специфика русского языка как результат разноуровневых динамических процессов / О. Ю. Крючкова // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 20-23 марта 2010 года. -- М., 2010. – С. 372.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.

8. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 296 с.

9. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие для студентов филологич. специальностей ун-тов / В. Н. Немченко - М.: Высшая школа, 1984. - 255 с.

10. Петрухина Е. В. Грамматикализация словообразовательных формантов и словообразовательная функция флексий в русском языке (в соотношении с учением Ф.Ф.Фортунатова о грамматической форме) / Е. В. Петрухина // Фортунатовские чтения в Карелии. Сборник докладов международной научной конференции (10 – 12 сентября 2018 года. г. Петрозаводск). – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. – Т.1 - С. 36 – 39.

11. Словарь географических названий СССР. Изд. второе, переработанное и дополненное. – М.: Недра, 1983. – 296 с.

12. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус.яз. и лит.»: В 3 ч. Ч.2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – 2-е изд., испр. И доп.. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

13. Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А. В. Суперанской (отв. ред.), Ю. М. Гусева. – 3-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1987. – 656 с.

14. Сулова А. В. Из истории антропонимии советского периода (20-е годы) / А. В. Сулова// Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. – М.: Наука, 1979. – С. 302-316.

15. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – 2-е изд., стер. – М.: Рус.яз., 1990. Т.1. Словообразовательные гнезда. А – П. – 856 с. Т.2. Словообразовательные гнезда. Р – Я. Производные слова, размещенные в гнезде. Одиночные слова. – 886 с.

16. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – К.: Рад. школа, 1982. – 240 с.

17. Чайкина Ю. И. Женские имена / Ю. И. Чайкина // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 66-74.

18. Энциклопедический словарь географических названий/ Гл. ред. С. В. Колесник. – М.: Сов. Энциклопедия, 1973. – 808 с.

19. Янко-Триницкая Н.А. Флексии базового слова в морфологически выводимой основе / Н. А. Янко-Триницкая [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// refeteka.ru /r – 98 986. html](http://refeteka.ru/r-98986.html) (дата обращения 10.06. 2019).

INFLEXION AS A FORMANT OF ONYMS

The article analyzes the understanding in modern Russian language of the word-formation potential of the reflection in appellations and examines the use of flexion as a word-formative formant in anthroponymy and toponymy of the Russian language. The relevance of the article is due to the need to study the word-formation role of flexion in the formation of proper names/ Groups of anthroponymic and toponymic names are established in which flexion is used as a derivational grammatical morpheme.

Keywords: *flexion, formant, formation onyms.*

УДК 811.161.14'2

А.Л.Факторович

Кубанский государственный университет, Россия, Краснодар

ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ АМБИВАЛЕНТНОСТИ

В статье рассматривается связь между амбивалентностью языковой личности и двуединством «общность-различие». Показано, что для современной дискурсологии характерно взаимодействие общефилологических тенденций с определенными традиционными языковедческими подходами в осмыслении объектов. Характеристика амбивалентности адекватна для данной когнитивной ситуации.

Ключевые слова: амбивалентность, амбивалентная языковая личность, амбисемия, жанр, категоризация, общность, различие, сущность, целостность.

В условиях современного усложнения коммуникативных практик, их интенсивного разнопланового осмысления (с учетом когний) закономерным становится новое, специфическое взаимодействие познавательных тенденций. Среди них – поиск особой целостности лингвистических объектов.

Так, развивая наследие Г.П.Цыганенко, исследователи обращаются к двуединству «общность – различие». Опора на эту дуальность позволяет органически совместить традиционные и современные критерии целостности для определенных объектов филологии и, возможно, для ее объектно-проблемного пространства вообще [см.: Федотова, Садикова 2015, 135. См. также: Вайс 2004; Ченки 2015].

Поиск показательных в этом плане феноменов позволяет и далее развивать традицию, заложенную в трудах Г.П.Цыганенко. В качестве такого феномена может рассматриваться амбивалентность. Задача предлагаемой работы - отметить общность и различия в ее лингвокогнитивном представлении.

Поставленная задача предполагает два аспекта рассмотрения. Во-первых, выявляются векторы освещения амбивалентности. Во-вторых, с указанных позиций характеризуется эмпирический материал. Причем для акцентирования современной объяснительной ситуации материал этот извлечен, главным образом, из источников 2019 г., репрезентативных для разных сфер.

2.1. Обратимся к первому аспекту рассмотрения. Векторы освещения, осмысления амбивалентности в лингвокогнитивной перспективе определяются по специфическим основаниям: совместимым, но не всегда логически унифицированным. Как показывает исследовательская практика, для когнитивного аспекта значимы четыре вектора.

Первым вектором осмысления может считаться функциональная обусловленность: амбивалентность освещается как условие и сущность, определяющие успех, природу той или иной коммуникативной практики. Например – медийной: «Объективность как понятие играет двойственную роль: с одной стороны, журналист должен её придерживаться, с другой – журналист не может её достигнуть, и это парадоксально. В этом заключается амбивалентность, то есть противоречивость положения журналиста как автора в современной журналистике...» [Агаев, Чузаева 2019. Этот подход молодых исследователей соотносится с позициями основоположников филологической теории амбивалентной языковой личности, особенно в трудах Н.С.Котовой и Ю.М.Павлова].

С указанным первым вектором осмысления амбивалентности, функциональной обусловленностью, соотносится второй – антропоцентрическая обращенность. Конкретно ее реализует, например, выявление амбивалентности у литературного образа. Так раскрывается «амбивалентный образ «маленького» человека Ф. М. Достоевского и Лу Синя через сопоставление поведенческой «схемы», психологического портрета и аксиологической парадигмы героев» [Инь Лу 2019, 10]. Когнитивную перспективу этого вектора подчеркивают в данной исследовательской традиции строгие корреляции с взаимопитающими эпистемами: см. там же о категориях воспринимающего «я», открытия Другого), совмещении двух ролей одновременно: ответчика и судьи, свидетеля и адвоката.

С двумя названными векторами коррелирует третья линия осмысления амбивалентности – как доминанты мироотношения в определенных сферах, ситуациях, модусах. Так, «эстетические функции игры и искусства совпадают в амбивалентном отношении к реальности – с одной стороны, это бегство от мира, нонконформистский тип творчества, когда художник полностью совпадает с иллюзией. С другой, нежелание порывать с действительным миром, чтобы фантастически существовать в нем по ту сторону реальности» [Стрельникова 2019, 200]. Этому сопутствует такой аспект смысловой структуры амбивалентности, как принципиальный отказ выбрать одно из двух:

«У них (*Юрия Живаго и Лары. – А.Ф.*) ...двойственность, неспособность выбрать одно из двух, выбрать раз и навсегда, укорениться в том, что неизменно. Словно на качелях...» [Татаринев 2019, 461].

В этом, третьем векторе осмысления отчетливо проявляется совмещение взаимоисключающих начал, как органика личности. Одновременно и близковременно реализуемые различия выступают как специфическая общность.

Единство трех вышеотмеченных векторов становится комплексной предпосылкой для четвертой линии осмысления. Это особый категориальный интеграл, обобщающий два категориальных ряда: «общее – особенное - единичное» и «тождество – различие». Сближая крайние члены двух разных рядов в единстве «общность – различия», последователи Г.П.Цыганенко справедливо нацеливают на те ориентиры, которые «схватывают» цельность объекта в его многообразии и которые по своей природе органичны для лингвокогнитивного уяснения амбивалентности.

2.2. Отметив первый аспект характеристики, векторы освещения, обратимся далее ко второму – к анализу эмпирических проявлений амбивалентности. В материале выделяются (отчасти условно) два основных вида проявлений и их комбинации.

2.2.1. Первый элементарный вид проявлений амбивалентности, значимый для двуединства «общность-различия» в лингвокогнитивном плане, связан с когницией игры, ее разновидностями. Так отличает себя от исполняемой роли, храня в то же время сухую общность, интервьюируемая актриса:

«-Нет, я жила с четким осознанием того, что отражение в зеркале – это не я, а мой персонаж» (Пономарева А. Героиня: Александра Бортич // Elle. 2019. № 5. С.100).

В том же ряду – низведение-возвышение актером «части себя» до...инструмента:

«Но я отдаю себе отчет в том, что я –выразительное средство...Как инструмент для музыки. Главное, чтобы он не фальшивил» (Цыпенюк О. Актер Евгений Цыганов // Men' s Health. 2019. № 7. С. 55).

Причем языковая личность раскрывает эту сторону в когнитивном контексте долгого учения у своего ныне покойного Мастера. П.Фоменко, и во вполне концептуальных суждениях о своеобразном проявлении эмпатии.

Подытожить рассматриваемый первый вид проявлений амбивалентности уместно контекстом из редакционного материала «Николетта Романович: героиня» вышеуказанного номера журнала "Elle" (с.108-114). Интервьюируемая – профессиональная актриса, «итальянка русского происхождения», прямой потомок императора Николая I, общественный деятель – заостряет внимание на феномене общности, при этом внутренне представляя и различия:

«-Кем вы себя больше считаете – русской или итальянкой?»

-Я не разделяю в себе русские и итальянские корни. Мне кажется, наши нации и так очень похожи...

Вы любите перевоплощаться?

-Обожаю!»

Перевоплощение определяется в контексте сохранения личностной целостности.

2.2.2.Второй основной вид воплощений амбивалентности, существенный для двуединства «общность-различия» в лингвокогнитивном плане, определяется во взаимодействии внутреннего и внешнего, различных модусов «Я», включая конфликт с собой. Возможный «гламурный» контекст не отменяет глубинной сути амбивалентности. См. типовое представление амбивалентности, обеспечивающее цельность между различиями и общностью:

«Я долго находился в постоянном конфликте с самим собой. Теперь учусь жить как надо» (Занимонец А. Антон Макаровский: «Я не предполагал, что стану таким папой-папой!» // Караван историй. 2019. № 2. С.55).

В различиях отражено двуединство «внутреннего-внешнего», продуманного и сказанного. См.:

«Опять Нина подумала одно /о самочувствии. - А.Ф./, а сказала другое:

-Тебе же нужен был совет. Какой?» (Мульменко Л. Этот человек // Esquire. 2019. Август. С.53).

Примечателен когнитивный оттенок таких связей как «дна» - составитель данного, литературного, номера журнала Галина Юзефович отмечает:

«Такого рода второе (а то и третье) дно вы найдете в каждом рассказе номера».

Акцентированию общности как сплава различий СПлужит когниция иронического самопознания. Нобелевский лауреат, творец глубокого увлекательного чтения как повествователь амбивалентно определяет суть творческого процесса:

«Я всегда верил, что во мне сидит страстный и неумолимый графоман – существо, которое всегда пишет...» (Памук О. Другие цвета. М.: Азбука-Аттикус, 2019. С.7).

«Графоман во мне» соотносится с обратимой сущностью: сущая основа явленного двуединства может определяться как «гений внутри», в подсознании. См.:

«И действительно ли в подсознании каждого из нас живет гений, способный справиться с любой задачей – даже с той, которая на первый взгляд кажется неразрешимой?» (Адамс Д. Детективное агентство Дирка Джентли. АСТ, 2018. С.9).

Типичность такого представления амбивалентности в плане «общность - различия» отражается его использованием в отношении обычного носителя языка. «Схема гения» оказывается, носит более общий характер. справедлива для рядового языкового сознания:

«”А как же надо тогда жить?- заворочался Бяка (*Михаил Макаров, фермер, труженик, один из ключевых образов повести.- А.Ф.*).- ”А надо жить среди людей- внезапно явственно пришло Бяке в голову” “

«А как это?... - задался странным, каким-то чуждым для себя вопросом Бяка и удовлетворился столь же несвойственным для себя ответом: - Это когда все работают сообща, живут сплоченно...»

«Всё, что мог, ты уже сделал...»

Неужели?- в дурном предчувствии запнулся Бяка, не решаясь сказать себе то, что уже как-то особо проговорил в неподвластных глубинах сознания. Нет, дурь какая-то

...Сердце прибавило в оборотах, слышимо и громко запульсировало в груди, к счастью, без боли. И Бяка, повеселев, вполне здорово и уверенно заскрипел вниз по ступенькам» (Попов А. Поселение // Роман-газета. 2019. №8 (1829). С.42).

Позитивный контекст укрепляет системную естественность соответствующего представления амбивалентности.

2.2.3. Помимо двух отмеченных основных видов, проявления амбивалентности могут выступать в комбинациях. Таково, например, постулирование у личности общности нового типа, связанной с мемами и феноменом постчеловека. Игровая сторона и взаимодействие «внутреннее- внешнее» оказываются различиями, которые определяются и в то же время преодолеваются общностью. В следующем примере в представлении такой амбивалентности участвуют воедино с текстом название рубрики «Трансформация» и его заглавие: Долецкая А. Алла Вербер – человек, фешн и мем (Flacon. 2019. № 4(25). С.88-97). С заглавием емко относится текст:

«А.Д.: Ты знаешь, что такое мем? ..Это устойчивое выражение или человек, который уже как бы не человек, он отстраняется от своего имени и функционирует как мультяшник, например.

...А.В.: Это так!»

Подобные эмпирические проявления становятся всё заметнее - возможно, ввиду их когнитивной обеспеченности и соответствующего потенциала.

Игровое перевоплощение, маски как когниция - это с одной стороны, и сложнейшее единство «внутреннее-внешнее», с другой, могут выступать как различия разных плоскостей, дополняющие друг друга и убеждающие в сложной когнитивно достоверной общности. См.:

«...красивая и нарядная возвращалась домой одна. Конечно, были и слезы и терзания. Но внутренний голос всегда подсказывал, что еще не время... Вместе с вопросами появились и новые вызовы самой себе.

...Душевное переживание обнажает скрытые в нас стороны. А кому нравится снимать маски, расставаться с иллюзиями? Это очень непросто... Непросто, но необходимо, только так мы можем достичь внутренней гармонии. Вот и моя Героиня в какой-то момент окзывается с зияющей дырой в душе, сняв с себя маски. Одна из них- Сильная женщина, другая – Страх, третья- Ожидание» (Ляйсан Утяшева: “Драма - теперь не мое кино“. Записала Е. Михайлина // Караван историй. 2019. № 2. С.62).

Снятие масок тоже может осмысляться как бутафория, штамп, маска. Но в коллизии «общность-различия» эта сторона амбивалентность подчеркивает когнитивно-системную значимость игры. Тем более что так акцентируется сила искренности – см. развитие контекста:

«...За колкостями и бравадой внешней силы она прятала в себе нежную, слабую, ранимую женщину, которая хотела лишь одного- любить. И которая так боялась показать себя настоящую и позволить кому-то принять ее такой, какая она есть. В этом и состоят трансформация и преображение Героини, ее новые ценности и осознание себя в любви»

2.3. Подчеркнем также существенную связь «традиционных» дискурсов с рассматриваемыми позднейшими. Амбивалентное речевое поведение в связи с дуэлями, освещаемое на материале XX и даже XXI в. [Стрельникова 2019,305], может явно отсылать к пушкинскому «Выстрелу»: в нем акцентируются различия: человек – его совесть. Их общность определяется как достижимая; но, коль скоро совесть может быть отдельна, отделена от человека. - эта общность когнитивно не всегда актуальна...:

«Будете ли вы стрелять или нет?» «Не буду, - отвечал Сильвио /безымянному гусару. – А.Ф./, я доволен, я видел твоё смятение. Твою робость; я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Передаю тебя твоей совести» (Бегунов А. Чертова дюжина дуэлей русской литературы // Городская афиша Краснодар. 2019. № 7-8. С.32-41).

В историко-политической публицистике может обыгрываться внутренняя противоречивость позиций личности, в том числе ученого позапрошлого века, актуальная для современности. Таков материал современного публициста-историка, профессора, посвященный взглядам Н.И.Костомарова на взаимоотношения России и Украины. Лейтмотивом становится следующая констатация позиции Костомарова: «едва ли не противоречит себе» (Лескинен М. О национальной гордости малорусов // Родина. 2019. № 2. С.51). Когнитивные оттенки позволяют показать общность в тонких различиях – не противоречие, а близость к нему: «едва ли не...». Именно в таком квалификационном сосредоточивается суть исследуемого двуединства.

3. Основной вывод из выполненных наблюдений – это подтверждение объяснительной силы двуединства «общность – различия» на специфическом материале. Амбивалентность, представленная в лингвокогнитивном плане, раскрывается как способ развития когниций. Крайне контрастные различия воплощают общность, являют определенную целостность потому, что оказываются органически взаимно необходимыми. Эта целостность чисто холистически такова, что может быть уподоблена целостности фонемы или элементарной схемы простого предложения. Причем она может на основе репероизаций упреждать развоплощение; а внутренний голос – способствовать катарсису.

Сущностные и явленческие стороны рассмотренного представления дополняют друг друга в определенном направлении – в них интегрируется общее, особенное, единичное, тождество и различия. Разнообразие манифестаций подчеркивает системную природу исследуемого феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаев Р.Б., Чузаева А.Р. Амбивалентность статуса журналиста как автора в современной журналистике в постструктуралистском дискурсе // Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. LIV междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей № 19(54). Электронный ресурс URL: <https://russian.rt.com/tag/cybersport> [дата обращения: 12.04.2019].

2. Вайс Д. Смысловый потенциал посессивного отношения и его текстуальная обусловленность в современном русском языке // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: РАН, 2004. С.283-295.

3. Инь Лу. Художественная метафизика Ф.М.Достоевского в творческой рефлексии китайских писателей 1920-1930-х гг. (Лу Синь, Мао Дунь, Юй Дафу): Дис. ... к.филол.н.. Краснодар. 2019. 210 с.

4. Стрельникова Л. Ю. Литературная игра в ранней прозе В.В.Набокова: модернистские и постмодернистские аспекты: Автореф.дис. ... д.филол.н.. Краснодар. 2019. 57 с.

5. Татаринев А.В. Апология литературы. Духовная интрига в художественном тексте. М.: ФЛИНТА, 2019. 520 с

6. Федотова Е.М., Садикова В.А. Топы как «общие места» и как структурно-смысловые модели: осознание общего и различного // Мир языковых форм / Отв.сост. В.В.Колесов, М.В.Пименова, В.И. Теркулов. М.; СПб.; Донецк: РАН; Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений Минобороны РФ, 2015. С.135-137.

7. Ченки А. Понятие динамического диапазона коммуникативных действий в теории когнитивной лингвистики // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: ЯСК, 2015. С.560-573.

A.L. Faktorovich

THE GENERALITY AND DIFFERENCES IN LINGVOCOGNITIVE REPRESENTATION OF THE AMBIVALENT LANGUAGE PERSON

The paper describes the connection between ambivalent language person and the unit “generality - difference“. This interaction becomes intensive by the complex of causes. Two causes are peculiar relevant: the verification of discourse as specific phenomenon and dynamic systematic of old tradition including the modern reflections. The characteristics of ambivalence is adequate in this cognitive situation.

Key words: ambivalence, ambivalent language person, ambisemy, categorization, essential aspect, genre, generality, difference.

УДК 81`37

Н.С. Шубина

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО МАТЕРИАЛА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье поднимается вопрос о роли регионоведческой информации в преподавании русского языка как иностранного, который вызывает большой интерес у

русистов в современном мире. В тексте представлено описание части курса «Страноведение», включающего материалы о Карелии, подготовленные автором статьи. Анализируются методы и приемы работы с текстами и заданиями краеведческой направленности на уроках русского языка как иностранного, продемонстрированы результаты апробации материала с китайскими студентами.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, страноведение, регионоведение, Карелия*

Целью курса «Страноведение» для иностранных студентов является обобщение и систематизация сведений о стране изучаемого языка. В Петрозаводском государственном университете обучающиеся, которые приезжают из Китая, Иордании, Туркменистана и других государств, знакомятся с культурой и историей, достопримечательностями и символами, традициями и обычаями, природой и населением России. Особое внимание в процессе изучения данной дисциплины уделяется артефактам Карелии, северному региону, который в последнее время очень активно принимает иностранных граждан, изучающих русский язык.

Во многих вузах уже введены отдельные курсы «Краеведение», «Регионоведение», которые еще не имеют единообразной номинации, однако значимость так называемого «местного» страноведения подчеркивается многими исследователями. Нельзя не согласиться с Н. М. Морозовой, считающей, что «использование местного краеведческого материала является важным компонентом страноведческой и лингвострановедческой работы» [7, с. 15] с иностранными студентами. Е. С. Абезгауз выделяет одно из главных условий обучения русскому языку, которое заключается в понимании языка «не только в связи с определенным государством, но и с определенной частью страны, районом и т.д.» [1, с. 141].

Ю. Сяоя, говоря о роли краеведческих знаний при обучении иностранным языкам, пишет о том, что «использование регионального материала в процессе преподавания РКИ, очевидно, имеет большое познавательное и воспитательное значение» [5, с. 32]: краеведческие сведения способствуют расширению и конкретизации знаний в области страноведения, повышают коммуникативную компетенцию студентов в общении с жителями города, в котором они учатся, помогают ориентироваться в новой местности и т. д.

Т. В. Лановая представляет довольно значительный ряд авторов, изучающих языковую специфику различных регионов Российской Федерации, в частности называет труды исследователей, представляющих Удмуртию, Дальний Восток, Приамурье, Бурятию, Пермский край, Сибирь, Казань, Колымский край, Дагестан, Красноярский край [4, с. 122], что говорит об особой актуальности этого вопроса для современной российской лингвистики. Результаты этих разработок фиксируются в виде словарей [9, 10], однако в учебной литературе страноведческий аспект, как отмечают методисты, представлен слабо.

Даже краткий анализ некоторых пособий позволяет сделать вывод о недостаточности освещения страноведческого аспекта. Э. И. Мустафаева, анализируя учебники русского языка как иностранного издательства «Златоуст», приходит к выводу о том, что «изучение языка должно сопровождаться страноведческой информацией, а учебник должен содержать хотя бы минимальный страноведческий материал, так как в настоящее время любой иностранный язык изучается как средство общения» [8, с. 104], но современные издания не соответствуют данному требованию. Рецензируя учебник «Русский язык — это просто», Э. И. Мустафаева приходит к выводу, что его автор «не считает лингвострановедческий аспект языка важной

составляющей учебного процесса» [8, с. 103], так как ограничивается информацией о русской кухне, перечислением отдельных слов-наименований предметов и явлений традиционного быта и демонстрацией отдельных пословиц и поговорок. Учебник «Поехали!» предполагает «разноплановое знакомство с особенностями языка и культуры» [8, с. 104], показывая разные способы презентации лингвострановедческой информации, однако выборка материала «не дает достаточного представления о России в целом» [8, с. 103]. Учебник «Русский язык: 5 элементов» включает интересные тексты и диалоги, но «информация, содержащаяся в них, не знакомит учащихся с такими особенностями культуры, как национальные праздники, известные люди, достопримечательности, кухня, обычаи и так далее» [8, с. 104]. Как отмечает В. Ю. Краева, «в учебных пособиях для иностранцев, изучающих русский язык, присутствуют задания, которые содержат лингвострановедческий компонент», но «в основном учащиеся знакомятся с текстами о самых известных городах России: Москве или Санкт-Петербурге» [3, с. 60].

Регионоведческий же материал почти полностью отсутствует в соответствующих учебниках. Известен опыт преподавателей кафедры латинского языка и русского языка Рязанского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова, создавших пособие «Лингвострановедение на уроках русского языка», включающее информацию о Рязани, рязанском крае и рязанцах, внесших большой вклад в литературу, науку и искусство [2, с. 177].

Единственным пособием, отражающим карельские реалии, является работа Н. Г. Урванцевой «Мы живём и учимся в Карелии» (Петрозаводск, 2018), которая на момент разработки и апробации курса еще только готовилась к печати. В аннотации автор пишет: «Введение в образовательный процесс материалов региональной направленности дает возможность актуализировать знания обучающихся, усилить познавательный интерес студентов к истории, природе и культуре Карелии» [11, с. 2].

Важность использования регионально ориентированной информации и почти полное отсутствие соответствующих разработок по Карелии говорит о необходимости создания специальных материалов, о которых хотелось бы рассказать подробнее.

Страноведение, как уже сказано, обобщает и систематизирует данные о природе, населении, хозяйстве, культуре, социальной организации, экономике, политике, истории, эти же темы были выбраны и для освещения жизни северного региона – республики Карелия. Всего разработано 10 тем для трех уровней владения русским языком (для элементарного, базового и первого сертификационного уровней): «Карелия – край лесов и озер», «Петрозаводск – столица Карелии», «Кижы — жемчужина Карелии», «Валаам — святое место России», «Музеи Карелии», «Праздники Карелии», «Национальные парки», «Зима в Карелии», «Спорт в Карелии», «Карелия уникальная».

Материал по теме «*Карелия — край лесов и озёр*» представляет иностранным студентам информацию о красивой, но суровой природе северного края, о главном богатстве Карелии — лесах, о двух самых больших озерах Европы (Онежском и Ладожском), о северном сиянии и других природных явлениях.

Тема «*Петрозаводск — столица Карелии*» включает в себя описание главных достопримечательностей города (тексты сопровождаются красочными фотографиями Храма Александра Невского, гостиницы «Северной», здания железнодорожного вокзала и т. д.), рассказывает об истории города, который появился благодаря усилиям Петра Первого (именно поэтому Петрозаводск изначально назывался Петровской слободой) и был центром Олонецкой губернии. Для студентов, хорошо владеющих русским языком, предлагается текст «Прогулка по набережной Онежского озера», в

котором учащиеся сталкиваются с уже более трудной лексикой и грамматическими конструкциями, включающий в себя информацию о скульптурах, подаренных городами-побратимами.

Конечно, материал модуля включает в себя и описание самых посещаемых туристами мест — островов Кижы (тема «*Кижы — жемчужина Карелии*») и Валаам (тема «*Валаам — святое место России*»). Подбор материала по одной теме для разных уровней владения русским языком является несколько затруднительным: важно, чтобы текст и задания каждого последующего уровня расширяли знания учащихся, не дублируя сведения предыдущих текстов. Чтобы следовать данному принципу, решено, например, по теме «*Кижы — жемчужина Карелии*» сначала дать текст с общей информацией о местоположении острова и кратким его описанием. Для базового уровня подготовлен текст, повествующий о легендах, окружающих остров. Для продвинутого уровня студентам предлагается познакомиться с аутентичным отчетом о поездке на остров Кижы в блоге о семейных путешествиях, вызвавший во время апробации материала необыкновенный отклик у иностранцев, так как, по-видимому, описывает подлинные эмоции туристов и реальные трудности, с которыми может столкнуться каждый любитель новых мест.

Отдельные занятия посвящены музеям Карелии (тема «*Музеи Карелии*»). Студентам предлагаются тексты о Национальном музее Республики Карелия, о Музее изобразительных искусств Республики Карелия, о Галерее промышленной истории Петрозаводска. Директор Галереи промышленной истории Виктория Никитина согласилась предоставить материалы для электронного курса «Русский мир для иностранных студентов», поделившись уникальным видеороликом о судьбе «Онежского тракторного завода»: у студентов появилась возможность познакомиться с фильмом не только очно, присутствуя в музее, но и дистанционно, подключившись к электронному ресурсу.

Необычайно интересной оказалась работа по сбору материала о праздниках Карелии (тема «*Праздники Карелии*»), один из которых, а именно «День города Петрозаводска», студенты могут оценить самостоятельно, так как он отмечается в июне (в это время ещё продолжается учеба в вузах России). Также в модуле представлены рыбный фестиваль «Калакунда» и экологический фестиваль «Олония — гусиная столица», показывающие культурно-бытовые обычаи региона.

Отдельное место в модуле занимают природные достопримечательности карельского края (тема «*Национальные парки*»): Горный парк «Рускеала», водопад Кивач, парк «Паанаярви», особенностью которого является труднодоступность, а вследствие этого сохранение уникальной нетронутой цивилизацией природы.

Самое продолжительное время года в Карелии также нашло свое отражение в учебном модуле. Тема «*Зима в Карелии*» продемонстрирована текстами об Олонецких Играх Дедов Морозов, традиционно организуемых в начале декабря, и о Фестивале снежной и ледовой скульптуры «Гиперборея», который студенты могут посетить в феврале.

Интересно, что «зимняя» тема продолжилась и в теме «*Спорт в Карелии*», представленной текстами о зимних видах спорта, об олимпийской чемпионке — лыжнице Ларисе Лазутиной — и о традиции зимнего купания (моржевания).

Последняя тема «*Карелия уникальная*» включает в себя информацию о национальных языках, знакомит иностранных студентов с героями карело-финского эпоса «Калевала» и с особенностями карельской кухни. Тема еды вызывает у иностранных студентов особый отклик: они всегда с большим удовольствием соглашаются принять участие в мастер-классе по приготовлению калиток —

традиционной карельской выпечки, представляющей собой открытые пирожки из ржаной муки с начинкой из картофеля, пшена или творога.

Карелия – чрезвычайно интересный регион, который дает разнообразный материал для занятий с иностранцами. Работа по подбору регионоведческой информации, подходящей для обучения русскому языку, и составлению заданий продолжается и сейчас автором статьи и слушателями курса «Методика преподавания русского языка как иностранного» в Петрозаводском государственном университете, которые также заинтересовались данным аспектом. В частности, уже подготовлены уроки по темам «Тайны петроглифов», «Звуки кантеле», «История Беломорско-Балтийского канала», «Творчество Тамары Юфы» и др.

Основой для представления региональной информации являются тексты разных стилей. Они должны отвечать ряду требований: прежде всего они должны быть интересными, познавательными, доступными, а также коммуникативно-значимыми и практико-ориентированными. «Работа с текстом является основой для формирования коммуникативной, речевой, межкультурной компетенции» [12, с. 114].

Помимо текстов учебные материалы включают в себя разнообразные задания (от 10 до 15 к каждому тексту), направленные на увеличение словарного запаса, освоение грамматических правил, формирование коммуникативных навыков: «грамотное построение заданий до и после чтения текста позволяет добиться хорошего результата» [12, с. 114]. Для привлечения внимания студентов к регионоведческому материалу используются различные приемы. Это задания с аудио, фото и видеоматериалами, интерактивные карты, игры, мастер-классы, экскурсии. Перечисленные приемы, повышающие мотивацию иностранных студентов и способствующие более глубокому усвоению духовных ценностей страны и региона изучаемого языка, заслуживают отдельной публикации, сейчас же хотелось бы остановиться только на некоторых из них.

Исследователи отмечают, что «знакомство с культурой чужой страны происходит более плодотворно, если учащиеся учатся сопоставлять свою культуру и культуру страны изучаемого языка» [6, с. 161]. Этот принцип учитывался и в разработке материалов по Карелии. Студентам после ознакомления с реалиями карельского края предлагается рассказать по аналогии о своей стране: об олимпийских чемпионах в рамках темы «Спорт»; о героическом эпосе своего народа, повествующем о жизни и традициях в древние времена, при знакомстве с карело-финским эпосом «Калевала»; о традиционной кухне своей страны после чтения текста о калитках, иван-чае и ухе, популярных в Карелии и т. д.

Как работает аналогия, можно показать на примере текста о Петрозаводске. После чтения письма русского студента, повествующего о своем родном городе, иностранным учащимся предлагается ответить на ряд вопросов, которые можно использовать в качестве плана для построения собственного рассказа: *В каком году был основан Петрозаводск? Почему город имеет такое название? Где находится Петрозаводск? Какие реки есть в Петрозаводске? Какие достопримечательности есть в Петрозаводске? Как называется главная улица Петрозаводска? Какие праздники организуются в Петрозаводске зимой? Какие из них организуются летом? Можно ли назвать петрозаводчан гостеприимными людьми? Можно ли назвать Петрозаводск крупным промышленным, научным и культурным центром северо-запада России? Почему?* Заменяя Петрозаводск названием своего города, учащиеся, используя соответствующую лексику, могут легко охарактеризовать особенности и красоты родного места. Приведем фрагмент эссе «Рассказ о своем городе» студентки из Китая, которая построила свой текст, ориентируясь на предложенные вопросы: *«Мой город*

называется Хэфей. «Хэ» значит «слияние», а «фей» значит «две реки». Хэфей — это место, где сливаются две реки. Хэфей находится в центре провинции Аньхой, на юго-востоке Китая. В городе есть много достопримечательностей. Например, парк «Баокон», в котором раньше жил очень известный судья — Баокон. В городе Хэфей есть театры и музеи. Но немного. Самый главный театр — Хэфейский большой театр, самый большой музей — Анхойский музей. Все люди любят ходить в музеи и посещать театры. В городе Хэфей главная улица – проспект Янцзы. Там много кафе и ресторанов. В моем городе нет особенных городских праздников, но у нас есть общие китайские праздники, которые отмечают все китайские люди. Я очень люблю мой город».

Желание сравнивать, сопоставлять является сильным стимулом для построения собственного высказывания. Это можно использовать в преподавании русского языка как иностранного по-разному. Например, в текст о кантеле была вставлена информация о «родственниках» народного карельского музыкального инструмента, которыми являются русские гусли, китайский цинь, кото из Японии и многие другие. Картинки, аудиоматериал вызвали интерес студентов: им захотелось прокомментировать, чем кантеле отличается от китайского цинь, в чем состоит сходство этих инструментов, почему ближайшим к кантеле является не цинь, а гучжен. Увлеченность студентов позволила активизировать соответствующую лексику, построить продуктивный диалог.

Не всегда поиск связей столь прост и очевиден. Казалось бы, невозможно найти точки соприкосновения, например, в рассказе о петроглифах — наскальных рисунках — с китайской культурой и традициями. Однако нам удалось найти свой особый способ привлечения внимания иностранных студентов из Поднебесной империи и к этой теме. В материал урока был включен видеоролик «Знакомство с петроглифами в Петрозаводске» (www.youtube.com/watch?v=8gsOl-HGWv0), повествующий о выставке «Золотая Залавруга», на которой можно познакомиться с уникальными арт-объектами — копиями петроглифов, выполненными по китайской технологии. С помощью тончайшей рисовой бумаги и металлизированной краски художница Светлана Георгиевская смогла перенести наскальные рисунки на полотно, сделав их доступными для просмотра всех желающих, а не только ученых. Использование китайской технологии при сохранении культурного наследия Карелии подчеркивает важность и значимость межнациональных связей, которые необходимо поддерживать.

Таким образом, введение страноведческого и регионоведческого материала в обучение способствует, прежде всего, установлению тесных межкультурных связей, а также жизненному самоопределению обучающихся в условиях другой страны, а потому продолжение работы в данном направлении кажется чрезвычайно ценным и актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абезгауз, Е. С. Лингвострановедческая лексика в современном дискурсе [Электронный ресурс] / Е. С. Абезгауз // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – №3 (32). – С.140-141.
2. Козлова, Л. В. Лингвострановедение на уроках русского языка как иностранного [Электронный ресурс] / Л.В. Козлова // Университетская наука: взгляд в будущее. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 81-летию Курского государственного медицинского университета и 50-летию фармацевтического факультета. В 3-х томах. – Курск: Изд-во: ГБОУ ВПО КГМУ Минздрава России. – 2016. – С.175-178.

3. Краева, В. Ю. Роль регионального фразеологического лингвострановедческого словаря в обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] / В. Ю. Краева // Педагогическое образование на Алтае. – 2017. – №2. – С.58-64.
4. Лановая, Т. В. Крымские реалии в большом лингвострановедческом словаре «Россия» [Электронный ресурс] / Т. В. Лановая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №3 (69). – Ч.3. – С.121-124.
5. Ло Сяоя. Важность краеведческих знаний при обучении иностранным языкам [Электронный ресурс] / Сяоя Ло // Русский язык за рубежом. – 2011. – №2. – С.32-34.
6. Милованова, О. В. Об особенностях требований к организации занятий по лингвострановедению в практике обучения русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] / О. В. Милованова // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – №56-1 – С.156-162.
7. Морозова, Н. М. Роль лингвострановедческих знаний в обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] / Н.М. Морозова // Право и образование. – 2018. – №2. – С.11-18.
8. Мустафаева, Э. И. Лингвострановедческий аспект учебника русского языка как иностранного [Электронный ресурс] / Э.И. Мустафаева, Е.В.Булыгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №8 (38). – Ч.2. – С. 103-105.
9. Рублева, О. Л. Владивосток в названиях от «А» до «Я»: топонимический лингвострановедческий словарь / [Текст]. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005. – 211 с.
10. Тула: факты, события, люди...: лингвострановедческий словарь / сост. Н.Н. Гончарова и др. – Тула: Изд-во Тульского государственного университета, 2000. – 322 с.
11. Урванцева, Н. Г. Мы живем и учимся в Карелии: учебное пособие по русскому языку для иностранных студентов / Н.Г. Урванцева. – Казань: Бук, 2018. – 150 с.
12. Шубина, Н. С. Задачи, формы и организация работы с текстом на предтекстовом, притекстовом и послетекстовом этапах (по материалам электронного учебного ресурса «Русский мир для иностранных студентов») [Электронный ресурс]// Русский язык в условиях би- и полилингвизма: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30 марта 2018 г.). – Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. – С.110-114.

N.S.Shubina

SPECIFIC FEATURES OF USING REGIONALLY ORIENTED MATERIAL IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article raises the question of the role of regional information in teaching Russian as a foreign language, which is of great interest among specialists in Russian Philology in the modern world. The text contains a description of a part of the “Country Studies” course, which includes materials about Karelia prepared by the author of the article. The methods and working practices with texts and tasks of regional orientation in Russian as a foreign language classes are analyzed and the results of material practical testing with Chinese students are demonstrated.

Keywords: *Russian as a foreign language, country studies, regional studies, Karelia*

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА С НУМЕРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ДИАЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье определяются и анализируются структурные и ономазиологические типы сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в диалектах русского языка. Выделяются ономазиологические базисы, ономазиологические признаки и ономазиологические модели рассматриваемых дериватов. Устанавливаются специфические особенности сложных номинаций лица с нумеративным компонентом, характерные для диалектной языковой картины мира.

Ключевые слова: номинация лица, композит, ономазиологическая модель, ономазиологический базис, ономазиологический признак, нумератив.

Категория количества является универсальной понятийной и языковой категорией. Данную категорию как категорию мышления, а также особенности её репрезентации в языке изучали О. Есперсен [2], В. З. Панфилов [4], А. А. Реформатский [5] и др. По словам А. А. Реформатского, «число и умение мыслить числами — одно из великих и древних достижений человечества» [5, с. 76].

Рассматривая процесс становления категории количества в языке, многие исследователи обращают внимание на тот факт, что первоначальным эталоном у первобытных народов было человеческое тело. Так, В. З. Панфилов отмечает, что «этимологический анализ числительных “один” в самых различных языках показывает, что понятие “один” формировалось в неразрывной связи и на основе процесса выделения человека из окружающей его действительности, осознания им своего собственного “я” ...» [4, с. 253].

Учитывая антропоцентризм и когнитивную направленность современной лингвистики, категория числа трактуется не только как сугубо грамматическая категория, но и как компонент языковой картины мира, как воплощение числового культурного кода в языке.

Однако анализ семантических особенностей языковых единиц с нумеративными компонентами, в том числе и в лингвокультурологическом аспекте, по преимуществу осуществляется на материале фразеологизмов и онимов как одного, так и нескольких языков. Вместе с тем определённый интерес представляет изучение композитных номинаций человека, в составе которых один из корней структурно и семантически соотносится с наименованием числа или количества.

Цель статьи заключается в том, чтобы определить типовые ономазиологические модели сложных номинаций лица с нумеративным компонентом, функционирующих в диалектах русского языка.

Материал исследования извлекался путём сплошной выборки прежде всего из словаря «Человек в производных именах русской народной речи» [1]. Также картотека лексем, рассматриваемых в настоящей статье, была расширена за счёт тех примеров, которые в «Толковом словаре названий женщин» [3] Н. П. Колесникова зафиксированы с пометой *диалектное*. Следует отметить, что мы придерживаемся широкой трактовки термина *композит* и в связи с этим привлекаем к анализу все номинации лица, в состав

которых входит более одного корня (независимо от того, в каком виде — полном или сокращённом — этот корень представлен в сложном слове). Выборка, результаты анализа которой представлены в настоящей статье, охватывает 76 сложных номинаций лица, в структуре которых реализован нумеративный компонент. При этом разные значения многозначных композитов, относящиеся соответственно к разным лексико-семантическим группам, считаем отдельными единицами.

В рассматриваемых сложных номинациях лица компоненты-нумеративы восходят к следующим числительным и их формам и вариантам: *один, два, сто, первый*: *один* в значении ‘количество’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=один&all=x>], *два* в значении ‘число, цифра и количество’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=два&all=x>], *первый* как порядковое числительное к *один* [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=первый&all=x>], *дву.., двух..* как первая часть сложных слов, которая вносит значение ‘состоящий из двух частей, разделов или мерой в две какие-л. единицы’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=дву&all=x>], количественное числительное *сто*, используемое для выражения неопределённо большого количества и передающее значение ‘много, очень много’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=сто&all=x>].

Систематизация и анализ фактического материала позволяют распределить рассматриваемые сложные номинации лица по следующим группам и подгруппам на основе общности лексических значений композита в целом и его компонентов в частности:

I. Номинации лица по семейным и родственным отношениям, в составе которых нумеративный компонент указывает либо на степень родства, либо на первый или повторный характер приобретения семейного статуса:

1.1. Номинации, восходящие к значению ‘находящийся в родстве по деду или бабушке с детьми их сыновей или дочерей’: *двоюродник* ‘двоюродный брат’, *двоюродница* ‘двоюродная сестра’, *двоюродничек* ‘уменьшит.-ласкат. к двоюродник’, *двоюродня* ‘двоюродная сестра’, *двуродник* ‘двоюродный брат’ [1, с. 122].

1.2. Номинации лица, в целом передающие значение ‘тот, кто вступил в брак (женился) во второй раз’: *двоеженя* ‘мужчина, женатый второй раз’ [1, с. 121], *двухженник* ‘мужчина, женатый второй раз’ [1, с. 122], *другоженец* ‘тот, кто женился во второй раз; вдовец, женившийся во второй раз’, *другожён* ‘тот, кто женился во второй раз; вдовец, женившийся во второй раз’, *другомужня* ‘вдова, вышедшая второй раз замуж’ [1, с. 140].

1.3. Номинации лица, имеющие значение ‘тот, кто вступил в брак (женился) в первый раз’, включая статусные номинации по этому признаку: *первоженец* ‘тот, кто состоит в первом браке’, *первогодок* и *первогодка* ‘женщина в первый год замужества’, *первогодочка ласк.* ‘женщина в первый год замужества’ [1, с. 415].

II. Номинации лица, в составе которых нумеративный компонент указывает на тот факт, что тот предмет, свойство, качество и др., которые обозначены отыменной частью композита, имеются в наличии у человека в определённом количестве, либо же конкретизирует, что то действие, которое названо отглагольной основой композита, совершено определённое количество раз, а также нумеративный компонент может конкретизировать количественный аспект результата этого действия:

2.1. Номинации лица, один из компонентов которых является зоонимом (номинацией важного в хозяйстве крестьян домашнего животного), а компонент-нумератив указывает на количество этих животных, которыми владеет человек: *двухкоровник* ‘человек, имеющий в хозяйстве двух коров’, *двухкоровница* ‘женск. к двухкоровник’ [1, с. 122], *однокоровник* ‘тот, кто имеет одну корову’, *однокоровница* ‘женск. к однокоровник’ [1, с. 390], *однолошадник* ‘тот, у кого одна лошадь’ [1, с. 391].

2.2. Номинации лица, один из компонентов которых представляет собой соматизм, а компонент-нумератив указывает на количество у лица того, что обозначено этим соматизмом: *двоеволосик* ‘человек, имеющий два разных цвета волос’ [1, с. 121], *двоеглазка фольклор.* ‘женщина с двумя глазами, в отличие от одноглазки, трёхглазки и т. п.’ [1, с. 121], *одноручка* ‘человек с одной рукой’ [1, с. 390]. К этой группе и структурно, и семантически близка номинация *однокосок* ‘старая дева’ [1, с. 391], которая в целом, безусловно, представляет собой уже наименование лица по социальному статусу за счёт того, что здесь обозначение лица по признаку внешнего вида, внешности приобретает абстрактный смысл и начинает соотноситься с указанием на положение этого лица в обществе.

2.3. Номинации лица, в которых нумеративный компонент осуществляет количественное уточнение того, что названо другим компонентом композита: *двоеженец* ‘женатый мужчина, имеющий любовницу’ [1, с. 121]. Ср. значение слова *двоеженец* в литературном языке: ‘тот, кто состоит в браке одновременно с двумя женщинами’ [[http://gramota.ru/slovari/dic/?word=двоеженец &all=x](http://gramota.ru/slovari/dic/?word=двоеженец&all=x)].

2.4. Номинации лица, один из компонентов которых характеризует лицо по совершенному им действию, в то время как нумеративный компонент в составе такого композита конкретизирует количественный аспект результата этого действия: *двуродка* ‘женщина, родившая двойню’ [1, с. 122].

2.5. Номинации лица, в которых отыменной компонент имеет значение ‘работа, занятие, деятельность’, а компонент-нумератив передаёт значение ‘много, очень много’: *стодельница* ‘женщина, умеющая делать всё (сто дел)’ [3, с. 486].

2.6. В эту группу с определенной долей условности также можно отнести те сложные номинации лица, которые в целом имеют значение ‘неискренний, лживый человек, который не держит слово’. Значение непостоянства передается при этом либо с помощью числительного *два*, компонента *дву* ..., или же за счет отрицания значения числительного *один* с помощью префикса *не-*: *двоёслов* ‘человек, на слово которого нельзя положиться’ [1, с. 121], *двухвостка презр.* ‘двуличный человек’ [1, с. 122], *неоднослов* ‘неискренний, лживый человек’ [1, с. 348]. Отыменная основа при этом восходит к устойчивым выражениям *держать слово*, *дать слово* или же *вертеть хвостом*. При этом антонимом к сложной номинации лица *двоёслов* ‘человек, на слово которого нельзя положиться’ [1, с. 121] является лексема *однослов* ‘человек, верный данному слову’ [1, с. 390].

III. Номинации лица по семейным, родственным, социальным, духовным, религиозным и проч. отношениям, в составе которых нумеративный компонент указывает на общность, единство по тому критерию, который обозначен отыменной частью композита. При этом нумеративный компонент, представленный количественным числительным *один*, реализуется в составе таких сложных номинаций в одном из значений прилагательного: в значении ‘тот же самый, такой же; одинаковый’:

3.1. Номинации лица, которые имеют значение ‘дети, детёныши, рождённые одной матерью одновременно; двойняшки’: *однобрюшки* ‘близнецы’, *однобрюшни* ‘близнецы’, *однобрюшники* ‘близнецы’ и *одногнёздики* ‘близнецы’ [1, с. 390].

3.2. Номинации лица, которые обозначают людей по принадлежности к одной семье, одному дому: *одногнёздики* ‘родственники, земляки’, *однодомцы* ‘люди, живущие в одном доме’, *однопородец* ‘родственник’, *односемейцы* ‘из одной семьи’ [1, с. 390]. Нумератив *один* в значении ‘тот же самый, такой же; одинаковый’ конкретизирует в этих сложных номинациях лица через реализацию идеи единства отыменные основы *гнездо*, *дом*, *порода*, *семья* как ‘тот, кто принадлежит к одной семье, одному роду и под.’

3.4. Номинации лица, которые имеют значение ‘сослуживец’, в составе которых идея единства, общности, как и в других лексемах всей этой группы, передаётся с помощью количественного числительного *один* в одном из значений прилагательного, а значение ‘место службы’ образно воплощается с помощью слов *сумка/сума* и *корыто*: *односум* ‘товарищ по службе’ [1, с. 390], *односумка* ‘женск. к односум; жена сослуживца’ [1, с. 390], ‘жена чьего-л. односума (сослуживца по армии)’, ‘подруга’ [3, с. 277], *односумочка* ‘уменьш.-ласкат. к односумка’, *односумушка* ‘уменьш.-ласкат. к односумка’ [1, с. 390], *односумья собир.* ‘товарищи, сослуживцы’ [1, с. 391–392], *однокорытник* ‘однокашник, сослуживец’ [1, с. 391]. К этой группе также семантически примыкает лексема *однорядец* ‘тот, кто торгует в одном ряду с другими такими же торговцами’ [1, с. 390].

3.5. Номинации лица, которые обозначают людей по принадлежности к одной вере, по общности принципов, устоев: *одновер* ‘человек, исповедующий одну веру с кем-л.’, *однодумец* ‘единомышленник’ [1, с. 390].

3.6. Номинации лица по принадлежности к общему социальному положению, статусу: *однообщественник* ‘человек из одного общества’, *однообщественница* ‘женск. к однообщественник’ [1, с. 390].

IV. Номинации лица по разного рода социальным и семейным отношениям, ролям, в составе которых нумеративный компонент, восходящий к порядковому числительному, передает в целом значения ‘первый среди других’ и ‘первоначальный’:

4.1. Номинации лица, в которых нумератив *первый* передает значение ‘главный’, а другой компонент обозначает социальную роль лица: *перводружко* ‘главный распорядитель на свадьбе’ [1, с. 415], *первоначальник* ‘главный начальник’ [1, с. 416].

4.2. Номинации лица, в которых нумератив *первый* реализует значение ‘первоначальный, самый ранний’, а отглагольный компонент номинирует результат действия по глаголу (*но*)селиться ‘поселиться на каком-то месте’: *первоселенец* ‘первый поселенец’, *первосёлок* ‘первый поселенец’ [1, с. 416].

4.3. Номинации лица, в которых нумератив *первый* вербализует значение ‘первоначальный’, а отглагольный компонент обозначает результат действия по глаголу *родить* ‘произвести на свет подобных себе путём родов’: *первородница* ‘женщина, родившая первого ребёнка’, *первородок* ‘женщина, родившая первого ребёнка’ [1, с. 416].

4.4. Номинации лица, в которых нумератив *первый* передает значение ‘первоначальный’, а отглагольный компонент обозначает результат действия по глаголу ‘усваивать, приобретать какие-л. знания, навыки’: *первоучёнок* ‘начинающий учиться чему-нибудь’, *первоучка* ‘тот, кто начинает учиться чему-л.’; ‘первоклассник, первоклассница’ [1, с. 416]. Для композита *первоучка* на базе значения ‘тот, кто начинает учиться чему-л.’ формируется значение ‘первый, старший ребёнок в семье, первенец’ [1, с. 416], т. е. *первоучка* как старший ребёнок, который раньше других начал учиться чему-либо, первым освоил какие-то навыки.

4.5. В структуре композита *первогодок* в значении ‘извозчик, занимающийся извозом в первый раз’ [1, с. 415] нумеративный компонент реализует значение ‘первоначальный’, а другой компонент обозначает отрезок времени (*год*).

4.6. Номинации лица, в которых нумератив *первый* реализует значение ‘первоначальный, самый ранний’, а другой компонент называет отрезок времени (*год*): *первогодник* ‘первоклассник’, *первогодница* ‘женск. к первогодник’ [1, с. 415].

4.7. В составе композита *первобытник* в значении ‘первый поселенец, новосёл’ [1, с. 415] нумератив *первый* реализует значение ‘первоначальный, самый ранний’, а другой компонент номинирует условия существования, жизненный уклад.

V. Номинации лица, которые имеют значение ‘ровесник’ и представляют собой характеристики лица по темпоральному критерию общности рождения. В структуре таких номинаций нумеративный компонент соотносится с адъективным значением ‘тот же самый, такой же; одинаковый’ для числительного *один*, а другой компонент – это одна из лексем, обозначающих отрезок времени (*год*): *одногодень* ‘ровесник, одногодок’, *одногодичник* ‘ровесник, одногодок’, *одногодичница* ‘ровесница’, *одногодчик* ‘ровесник’, *одногодышек ласкат.* ‘ровесник’ [1, с. 390].

VI. К номинациям предыдущего типа в нашем материале структурно, но не семантически близка лексема *однолеток* ‘работник, принятый только на лето’ [1, с. 391]. Однако, как видим, в составе данного композита числительное *один* реализует своё прямое значение ‘количество’, в то время как другой компонент представляет собой номинацию времени года как определённого промежутка времени. Ср. разговорные слова литературного языка *однолеток* и *однолетка* как синонимы к *одногодок* и *одногодка* в значении ‘ровесники’, где нумеративный компонент *один* используется в значении прилагательного ‘тот же самый, такой же; одинаковый’, а не числительного, передающего значение количества.

VII. Собирательное существительное-композит *односумья* в значении ‘ровесники одногодки’ [1, с. 391–392] метафорически реализует смысл ‘ровесник’ в результате взаимодействия адъективного значения ‘тот же самый, такой же; одинаковый’ для числительного *один* и значения существительного *сума/сумка*. Ср. другое значение этого сложного слова: *односумья собир.* ‘товарищи, сослуживцы’ [1, с. 391–392]. Другими словами, композит *односумья* реализует значение ‘товарищи, сослуживцы’ через отсылку к значению ‘ровесники одногодки’.

VIII. Номинация лица по общности личного имени: *однопрозванец* ‘тёзка’ [1, с. 390]. Отглагольный компонент в составе этого композита реализует значение ‘дать кому-, чему-л. какое-л. имя, название, прозвище’ как результат этого действия, а нумеративный компонент реализует смысл ‘общий, одинаковый’.

IX. Номинация лица *первобытник* в значении ‘человек, живущий по старинке’ [1, с. 415] соотносится с прилагательным *первобытный* в значении ‘примитивный, простейший’.

Следует отметить, что среди единиц выборки, анализируемых в данной статье, обращают на себя внимание многозначные композиты. В вышеприведенной классификации они рассмотрены отдельно по каждому из значений, с которыми эти композиты зафиксированы в словаре М. А. Алексеенко и О. И. Литвинниковой [1]. Это такие лексемы, как *первогодок* ‘женщина в первый год замужества’; ‘извозчик, занимающийся извозом в первый раз’ [1, с. 415]; *односумья собир.* ‘товарищи, сослуживцы’; ‘ровесники одногодки’ [1, с. 391–392], *первоучка* ‘тот, кто начинает учиться чему-л.’; ‘первоклассник, первоклассница’; ‘первый, старший ребёнок в семье, первенец’ [1, с. 416] и *первобытник* ‘первый поселенец, новосёл’; ‘человек, живущий по старинке’ [1, с. 415].

Таким образом, сложные номинации лица с нумеративным компонентом, функционирующие в диалектах русского языка, чрезвычайно разнообразны в семантическом плане. При этом, как свидетельствуют анализ и систематизация фактического материала, набор самих нумеративных компонентов в составе сложных диалектных номинаций лица композитного типа в структурно-семантическом плане представлен ограниченным набором единиц, наиболее частотными из которых являются *один* и *два*, а также их формальные и смысловые варианты (*дву.., двух..., первый*). В то время как общее семантическое разнообразие номинаций лица с нумеративным компонентом создаётся в первую очередь за счёт отыменных и

отглагольных компонентов, представленных в структуре анализируемых сложных номинаций лица.

В работе мы используем предложенную В. И. Теркуловым трёхчленную типологию композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса [6, с. 232].

Нумеративный компонент, выступающий в рассматриваемых номинациях лица, прежде всего реализует такой ономаσιологический признак, как «**нумератив**», указывая при этом на порядковый номер лица и связанного с ним явления или действия. Также нумеративный компонент, как видно из вышеприведенного лексико-семантического анализа примеров, реализует следующие ономаσιологические признаки: «**квантитатив**», который указывает на количественную составляющую предмета, лица, явления, «**атрибутив**», указывающий на качественный признак лица, «**квалификатив**», который указывает на статус субъекта, «**дистрибутив**», указывающий на распределительные отношения.

Ономаσιологические базисы представлены такими разновидностями:

1) «**локатив**», где ономаσιологический базис прямо или метафорически указывает на местонахождение в пространстве: *одноземляк* ‘земляк’, *односельник* ‘односельчанин’, *односелянин* ‘односельчанин’, *односёл* ‘односельчанин’, *одногнёздики* ‘родственники, земляки’, *одnodомцы* ‘люди, живущие в одном доме’, *однобрюшки* ‘близнецы’, *однобрюшни* ‘близнецы’, *однобрюшники* ‘близнецы’, *одногнёздики* ‘близнецы’, *однорядец* ‘тот, кто торгует в одном ряду с другими такими же торговцами’ [1, с. 390] и др.;

2) «**темпоратив**», где ономаσιологический базис указывает на временные характеристики: *одногодень* ‘ровесник, одногодок’, *одногодичник* ‘ровесник, одногодок’, *одногодичница* ‘ровесница’, *одногодчик* ‘ровесник’, *одногодышек ласкат*. ‘ровесник’ [1, с. 390], *первогодок* в значении ‘извозчик, занимающийся извозом в первый раз’, *первогодник* ‘первоклассник’ [1, с. 415], *однолеток* ‘работник, принятый только на лето’ [1, с. 391] и др.;

3) «**статус субъекта**», т. е. положение субъекта в системе межличностных отношений: *двоюродник* ‘двоюродный брат’, *двоюродница* ‘двоюродная сестра’, *двоюродня* ‘двоюродная сестра’, *двуродник* ‘двоюродный брат’ [1, с. 122], *другомужня* ‘вдова, вышедшая второй раз замуж’, *другожён* ‘тот, кто женился во второй раз; вдовец, женившийся во второй раз’, *другоженец* ‘тот, кто женился во второй раз; вдовец, женившийся во второй раз’, *другомужня* ‘вдова, вышедшая второй раз замуж’ [1, с. 140], *первоженец* ‘тот, кто состоит в первом браке’, *первогодок* и *первогодка* ‘женщина в первый год замужества’ [1, с. 415], *двоеженец* ‘женатый мужчина, имеющий любовницу’ [1, с. 121], *однопородец* ‘родственник’, *односемейцы* ‘из одной семьи’ [1, с. 390], *односум* ‘товарищ по службе’ [1, с. 390], *односумья собир.* ‘товарищи, сослуживцы’ [1, с. 391–392], *однокорытник* ‘однокашник, сослуживец’ [1, с. 391], *однообщественник* ‘человек из одного общества’ [1, с. 390], *одновер* ‘человек, исповедующий одну веру с кем-л.’, *однодумец* ‘единомышленник’ [1, с. 390], *первоначальник* ‘главный начальник’ [1, с. 416] и др.;

4) «**поссесив**», т. е. объект владения: *двухкоровник* ‘человек, имеющий в хозяйстве двух коров’, *двухкоровница* ‘женск. к двухкоровник’ [1, с. 122], *однокоровник* ‘тот, кто имеет одну корову’, *однокоровница* ‘женск. к однокоровник’ [1, с. 390], *однолошадник* ‘тот, у кого одна лошадь’ [1, с. 391], *двоежениа* ‘мужчина, женатый второй раз’ [1, с. 121], *двухженник* ‘мужчина, женатый второй раз’ [1, с. 122] и др.;

5) «**атрибутив**», т. е. и ономаσιологический базис, и ономаσιологический признак указывают на качественный признак лица: *двоеволосик* ‘человек, имеющий два

разных цвета волос' [1, с. 121], *одноручка* 'человек с одной рукой' [1, с. 390], *однокосок* 'старая дева' [1, с. 391], *двоёслов* 'человек, на слово которого нельзя положиться' [1, с. 121], *двухвостка презр.* 'двуличный человек' [1, с. 122], *неоднослов* 'неискренний, лживый человек' [1, с. 348], *однослов* 'человек, верный данному слову' [1, с. 390] и др.;

б) «**дистрибутив**», связанный с распределительными отношениями: *стодельница* 'женщина, умеющая делать всё (сто дел)' [3, с. 486].

Сопоставительный анализ сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в общезыковой и диалектной картине мира с целью выявления сходств и различий между ними — следующая задача нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко М. А. Человек в производных именах русской народной речи. Словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова. — М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2007. — 517 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики / Отто Есперсен ; Пер. с англ. В. В. Пассека, С. Сафроновой ; Под. ред. и с пред. В. А. Ильиша. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 404 с.
3. Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин. Более 7000 единиц / Н. П. Колесников. — М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. — 608 с.
4. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов ; отв. ред. Г. В. Степанов. — М. : Наука, 1982. — 360 с.
5. Реформатский А. А. Число и грамматика / А. А. Реформатский // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1987. — С. 76–87.
6. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дисс. ... д-ра филол. наук / Вячеслав Исаевич Теркулов. — Горловка, 2008. — 472 с.

N. A. Yaroshenko

THE ONOMASIOLOGICAL TYPES OF COMPOUND NOMINATIONS OF PERSON WITH NUMERICAL COMPONENT IN RUSSIAN LANGUAGE DIALECTS

The article deals with the structural and onomasiological types of compound nominations of person with numerical component in Russian language dialects. The structural and onomasiological types of mentioned compound nominations of person had been put up and analyzed. The onomasiological bases, onomasiological attributes as well as onomasiological models of derivative words under *analysis* had been established. The specific peculiarities of compound nominations of person with numerical component in dialect language picture of the world had been put up.

Key words: *nomination of person, composite, onomasiological model, onomasiological base, onomasiological attribute, numerative.*

СОДЕРЖАНИЕ

Лексикология и стилистика

Брайловская Ю.П. (ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. В. Даля») К проблеме составления электронного словаря «Гидронимы Луганщины»	4
Гладкая Н.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») К вопросу о жанровой природе мемов в интернет-коммуникации	10
Гордиенко В.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Особенности преподавания русского языка в неязыковом педагогическом вузе	14
Гулькина В.О. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») К вопросу о базовой терминологии лингворегионоведения	22
Конюшкевич М.И. (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы) «Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов» Г. П. Цыганенко в ряду лексикографических описаний	29
Логвинова И.В. (Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке) Ранние филологические статьи М. П. Погодина	35
Мельникова Л.В. (Государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования») Лабораторные работы по русскому языку как продуктивное средство формирования лингвистической компетенции учащихся и студентов	41
Мирза М.Н. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Просторечная лексика Донбасса	47
Овсяная Е.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Основные тенденции функционирования языка в интернет-коммуникации	54
Шаповалова Н.Г. (ГОУ ВПО «Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского») Сторителлинг как речевой жанр русскоязычного интернет-общения	58

Ляньцэнь Ван (Юго-Западный университет КНР) Сравнительный анализ лексических единиц лексико-семантического поля «пища» «напиток» в китайском и русском языках	64
Елифанцев Д.Г. (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В. Даля») Реализация концепта «страх» в современной мифологии Донбасса	71
Капиносва М.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Особенности топонимов Червоногвардейского района города Макеевки	77
Понкратенкова А.В. (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В. Даля») Сообщения в социальных сетях и мессенджерах как основной жанр семейной коммуникации	82
Курмакаева Н.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Синтаксическая компрессия: динамика знака и смысла	88
Юрьева Е.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет») Основные и вспомогательные стратегии речевого воздействия в дискурсе социальной рекламы	96
Стебунова А.Н. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Проблема взаимодействия языка и культуры в обучении русскому языку как иностранному	106

Дискурсология и генристика

Филатов В.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Синтагматическая структура текста и её исходные речевые компоненты	110
Крючкова О.Ю. (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского») Саратовские говоры и аспекты их изучения	118
Машкович И.А. (ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ им. В. Даля») Региональные названия еды	124

Медведева Т.Н. (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского») «Зачем и для чего»: особенности выражения значения цели при описании артефактов в устной русской речи	130
Мозговой В.И. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Национальный язык и государственность в контексте Донбасса	137
Новоселова В.А. (Петрозаводский государственный университет) Русские народные сравнения с субъектным компаратом черт: семантика и логико-грамматическая структура	145
Патроева Н.В. (ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет») К вопросу о нерешенных задачах историко-грамматической науки	153
Писарская Т.Р. (Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики), Якименко Н.Е. (Санкт-Петербургский государственный университет) Отражение аксиологического параметра фразеологических единиц (паремий, сравнений, перифраз) в учебных словарях для иностранцев	158
Зенина А.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Переосмысление как способ терминологической номинации	164
Першина К.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Флексия как онимообразовательный формант	169
Факторович А.Л. (Кубанский государственный университет, Россия, Краснодар) Общность и различия в лингвокогнитивном представлении амбивалентности	175
Шубина Н.С. (ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет») Особенности использования регионально ориентированного материала в преподавании русского языка как иностранного	180
Ярошенко Н. А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Ономасиологические типы сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в диалектах русского языка	187

CONTENTS

Lexicology and Stylistics

Brajlovskaya Ju. P. B. To the problem of compiling the electronic dictionary «Hydronyms of the Luhansk region»	4
Gladkaya N.V. To the question about the genre nature of mems on internet communication	10
Gordienko V.P. Features of teaching the russian language in a non-linguistic pedagogical university	14
Gulkina V. O. To the question of basic terminology of linguistic research	22
Konyushkevich M. I. «Interpretive and comparative dictionary of russian and ukrainian prepositions» by G.P. Tsyganenko among the lexicographic descriptions of the category of the slavic preposition	29
Logvinova I. V. M. P. Pogodin's early philological articles	35
Melnikova L.V. Laboratory classes on russian language as an efficient method of pupils and students' linguistic competence development	41
Mirza M.N. Vernacular lexis of Donbass	47
Ovsyanaya Ie. S. Main tendencies of language operation on the internet communication	54
Shapovalova N. D. Storytelling as a speech genre internet communication	58
Liancen Wang Comparative analysis of concepts of "food" "drink in lexical units, lexical-semantic field in chinese and russian	64
Epiphantzev D. G. The concept of fear in modern Donbass mythology	71

Kapinosova M.A. Peculiarities of toponimes of the Chervonogvardeisky district of the city of Makeevka	77
Ponkratenkova A.V. Messagers in social networks and messangers as a main genre of family communication	82
Kurmakaeva N. P. Syntactic compression: dynamics of sign and meaning	88
Yuryeva E. V. Main and auxiliary strategies of verbal influence in the discourse of social advertising	96
Stebunova A.N. The problem of interaction of language and culture in teaching the russian language as a foreign	106

Discourse and Genristics

Filatov V.A. Syntagmatic structure of the text and its initial speech components	110
Kryuchkova O. Ju. Dialects of Saratov region and the aspects of their study	118
Mashkovich I.A. Regional names of food	124
Medvedeva T.N. «Why and for what»: features of the expression values of the target during the description of artifacts in oral russian speech	130
Mozgovoi V. I. National language and nationhood in the context of Donbass	137
Novoselova V.A. Russian folk comparisons with subjective comparator hell: semantics and logical-grammatical structure	145
Patroeveva N.V. On the question of unsolved problems of historical grammar science	153

Pisarskaya T.R., Yakimenko N.E. , Reflection of axiological parameter of phraseological units (paremy, comparison, perifrize) in educational dictionaries for foreigners	158
Zenina A.V. Rethinking as a way of terminological nomination	164
Pershina K. V. Inflexion as a formant of onyms	169
Faktorovich A.L. The generality and differences in lingvocognitive representation of the ambivalent language person	175
Shubina N.S. Specific features of using regionally oriented material in teaching russian as a foreign language	180
Yaroshenko N.A. The onomasiological types of compound nominations of person with numerical component in russian language dialects	187

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

В структуре публикации необходимо предусмотреть: а) формулировку проблемы в общем виде; б) показ её связи с актуальными научными и практическими задачами; в) лаконичную оценку основополагающих работ в данной области; г) определение целей и задач исследования; д) изложение основного материала с обоснованием полученных результатов. Выводы должны содержать мнение автора о перспективах дальнейшего исследования.

За точность изложенных фактов, цитат и ссылок несут ответственность авторы.

1. Для статьи необходима полная информация об авторе: фамилия, имя, отчество, курс, специальность, контактный телефон, фамилия научного руководителя с указанием должности и звания. Данная информация отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru) **отдельным файлом** по прилагаемой ниже форме в виде файла в формате rtf (название файла должно соответствовать фамилии автора, например: ivanov_zayavka.rtf):

Фамилия, имя, отчество

Для студентов и аспирантов

Место учебы

Курс

Научный руководитель

Для молодых ученых

Место работы,

Должность

Ученая степень (если есть)

Ученое звание (если есть)

Научный руководитель (если есть)

Для всех

Название доклада

Домашний адрес с указанием почтового индекса

Телефон, E-mail

2. В отдельном файле подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**.

Образец:

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

3. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не

соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
  - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
  - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
  - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
  - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
  - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
  - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
  - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
  - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."..."»;
  - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
  - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:
  - е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину.

(М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

4. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке.**

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

- текст аннотации на английском языке (12 кегль)

- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал*

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3. ....

N. V. Gladkaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF
CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential*

5. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

6. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

7. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

8. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Гладкая Наталия Витальевна**, к. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого национального университета (E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).